

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

Карпова Юлия Сергеевна

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В
СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ

5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор,
Фролова Евгения Евгеньевна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ	21
1.1. Цифровые права как объект гражданского оборота: теория и подходы к правовому регулированию в зарубежных странах	21
1.2. Понятие и особенности цифровых прав в отечественной научно-правовой доктрине	35
Глава 2. ЗАЩИТА ЦИФРОВЫХ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	60
2.1. Теоретико-правовая характеристика защиты цифровых прав	60
2.2. Юрисдикционные и неюрисдикционные формы защиты цифровых прав	74
Глава 3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	93
3.1. Содержание и признаки способа защиты цифровых прав.....	93
3.2. Защита цифровых прав: анализ современного состояния отечественного гражданского законодательства.....	107
3.3. Направления совершенствования гражданского законодательства о способах защиты цифровых прав в Российской Федерации	130
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	148
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	153

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Современные общественные системы стремительно изменяются, процессы цифровизации стали тотальны и распространяются на все сферы общественных отношений. Цифровая трансформация затронула и традиционные институты общества, кардинально меня базовые институты публичной и частной сферы, функционирование государства, права, экономики. Предстоящее десятилетие ставит перед государством и обществом масштабные задачи, связанные с кардинальными изменениями: «нам предстоит провести цифровую трансформацию всей страны, всей России, повсеместно внедрить технологии искусственного интеллекта, анализа больших данных»¹.

В то же время процессы цифровизации не только совершенствуют социально-экономические инструменты и публично-правовое взаимодействие в обществе, но и порождают цивилизационные вызовы и правовые риски. Прежде всего перед современным государством стоят вызовы по обеспечению прав, свобод и законных интересов субъектов права в новых отношениях, опосредованных цифровыми технологиями.

Ключевые правовые риски связаны с развитием принципиально нового пространства цифрового взаимодействия, появлением цифровых институций, цифровых активов и т. д. Все это обуславливает необходимость комплексной правовой политики государства в сфере формирования адекватного данным изменениям правового пространства, совершенствования юридической техники и опережающего правотворчества. Более того, ключевым стратегическим (доктринально-правовым) приоритетом совершенствования механизма правового регулирования становится обеспечение национального вектора развития цифровой

¹ О цифровой трансформации России [Электронный ресурс] // ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10172635> (дата обращения: 22.07.2025).

экономики, защиты прав и свобод граждан в цифровом пространстве взаимодействия².

В частности, повсеместное внедрение цифровых технологий актуализирует вопрос об адаптации действующих правовых институтов к специфике регулирования новых общественных отношений, объектов цифрового взаимодействия, цифровых интеракций человека и алгоритмических систем. В этом аспекте разработки в области правового регулирования оборота цифровых активов, защиты цифровых прав и законных интересов субъектов гражданского оборота имеют не только теоретико-правовую значимость, но и очевидную практическую востребованность в юридической практике. Так, развитие инновационных технологий привело к появлению нового объекта гражданских прав – цифровых прав, к которым относятся цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права и гибридные цифровые права (статья 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту – ГК РФ)).

Кроме того, актуализируется исследование природы и специфики цифровых прав, а также правовых способов их защиты. В целях совершенствования правового регулирования в указанной сфере необходимы комплексные научные исследования, рассматривающие правовую природу цифровых прав, их содержание, соотношение цифровых прав с иными цифровыми объектами и т. п. Исследования последнего в цивилистической науке на сегодняшний день носят фрагментарный, несистемный характер.

Более того, в настоящий момент нет теоретико-правового и отраслевого единообразия в понимании цифровых прав и способов их защиты, не сформирован категориально-понятийный аппарат, описывающий содержание и направления развития последних. Введение в гражданское законодательство новых объектов

² О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 № 145 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/> (дата обращения: 22.07.2025); О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/> (дата обращения: 22.07.2025).

цифровых прав ставит перед государством и обществом вопрос о надлежащем правовом регулировании их оборота, об их гарантировании и защите.

Так, введение в гражданское законодательство нового объекта ставит перед государством и обществом вопрос о надлежащем правовом регулировании оборота цифровых прав и об их защите. Возникает вопрос о достаточности имеющихся институтов защиты прав для реализации данной цели и необходимости создания новых механизмов и институтов.

Поддержание эффективного развития гражданского оборота, создание благоприятных условий для этого, а также защита прав субъектов гражданского оборота от нарушения их прав является основной задачей государства, что подтверждается положениями Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года³. В свою очередь, государственно-правовая гарантия реализации цифровых прав и законных интересов граждан в цифровом пространстве, развитие надлежащей правовой защита последних имеет существенное значение для гражданского оборота в условиях развивающейся цифровой экономики, а также обеспечивает стабильность и инвестиционную привлекательность как самой предпринимательской деятельности в технологической сфере, так и национальной цифровой экономики в целом.

На основании изложенных предпосылок можно определить актуальность исследования – с одной стороны, имеется потребность в формировании категориально-понятийного аппарата в отношении цифровых прав, определении их особенностей, предложение теоретической модели их защиты, с другой стороны – имеется потребность в устранении фрагментарности имеющихся научных исследований указанного явления. Необходимость проведения исследования, включающего в себя научное обоснование применения способов защиты цифровых прав и их реализации в определенных формах, обусловлена потребностью

³ О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.05.2025).

государства и общества в создании правового регулирования в указанной сфере, что является одной из составляющих устойчивого развития технологий.

Так, введение в гражданское законодательство нового объекта ставит перед государством и обществом вопрос о надлежащем правовом регулировании оборота цифровых прав и об их защите.

Цифровые технологии, безусловно, повлияли на деятельность субъектов гражданского оборота, которые проявляют интерес к совершению сделок с цифровыми правами. Об этом, в частности, свидетельствуют статистические данные, приведенные в отчете Центрального банка Российской Федерации (далее – ЦБ РФ) «Основные показатели деятельности платформенных сервисов», опубликованном 15 мая 2025 года⁴.

По состоянию на конец 2023 года в реестре ЦБ РФ значились 78 операторов инвестиционных платформ, на конец 2024 года – уже 98, на 31 марта 2025 года – 97; 10 операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (далее – ЦФА), а на конец 2024 года – 19, на 31 марта 2025 года – 11; а также один оператор обмена ЦФА, на конец 2024 года – два. На 10 платформах по выпуску ЦФА к концу 2023 года было 252 действующих выпуска цифровых активов и иных прав суммарной стоимостью чуть менее 56,4 млрд рублей. К концу 2024 году количество публичных выпусков ЦФА достигло отметки в 902 общей стоимостью 276 млрд рублей, по состоянию на 31 марта 2025 года – 998 стоимостью 293,5 млрд рублей.

Ввиду вышеизложенного можно говорить о том, что защита цифровых прав субъектов гражданского оборота является стратегической задачей государственной политики Российской Федерации, направленной на обеспечение экономической безопасности государства. Правовое регулирование способов защиты цифровых прав должно соответствовать реалиям общества и оперативно реагировать на все возникающие вызовы. Вместе с тем, еще не будучи в достаточной мере

⁴ Основные показатели деятельности платформенных сервисов [Электронный ресурс] // Официальный сайт Банка России. 2025. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/ifr/> (дата обращения: 20.05.2025).

урегулированными, общественные отношения настолько динамично развиваются, что недавно принятые изменения в законодательстве устаревают уже с момента их принятия.

Недостаточная проработанность механизма защиты цифровых прав, связанная с несовершенством правовых норм, может быть устранена в результате научного осмысления актуальной нормативной базы и предложения внесения изменений в действующее законодательство.

Таким образом, научная задача настоящего исследования состоит в разрешении вышеуказанных научных и практических проблем посредством разработки теоретических положений о способах защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота и выработки на их основе предложений о внесении изменений в законодательство, направленных на обеспечение защиты указанных объектов гражданских прав. Учитывая недостаточность доктринальных исследований по данной теме и несовершенство правового регулирования защиты цифровых прав, проведение настоящего исследования представляется особенно актуальным.

Степень научной разработанности темы исследования.

Несмотря на стремительно возрастающий интерес к проблематике влияния цифровых технологий на развитие общественных отношений, внедрение интерактивных инструментов в юридическую деятельность, а также совершенствование действующего законодательства, регламентирующего отношения опосредованные цифровыми формами инструментов, защиту прав, свобод и законных интересов субъектов права в цифровом пространстве коммуникаций, фундаментальные и комплексные правовые исследования данных проблем находятся только на стадии формирования и разработки.

В настоящее время вопросы правовой природы цифровых прав активно исследуются в трудах таких ученых, как: М. А. Рожкова, Е. А. Суханов, А. С. Мограбян и А. В. Асосков, Е. Е. Фролова, А. А. Карцхия. Проблемы защиты цифровых прав рассматривались в работах В. Ф. Попондопуло, А. И. Савельева, Л. Ю. Василевской, Д. Н. Кархалева, А. Е. Филиппова, Н. С. Бочаровой.

В последнее время значительно возросло количество диссертационных исследований цифровых прав и правовых способов их обеспечения и защиты. Здесь можно отметить диссертационные исследования А. А. Карцхия, Е. П. Русаковой и др. В то же время следует отметить, что проблематика регулирования цифровых прав субъектов гражданского оборота остается недостаточно исследованной.

Следует констатировать, что защита цифровых прав субъектов гражданского оборота в современной правовой доктрине является относительно новой. Тем не менее, в российской цивилистической литературе имеется ряд исследований, посвящённых различным аспектам защиты гражданских прав. К ним можно отнести работы таких учёных, как Ю. Г. Басин, М. И. Брагинский, А. В. Венедиктов, С. М. Веретенникова, В. В. Витрянский, В. П. Грибанов, А. Г. Диденко, М. А. Егорова, З. М. Заменгоф, А. Г. Карапетов, М. С. Карпов, Т. Е. Каудыров, М. И. Клеандров, В. Ф. Попондопуло, Б. И. Пугинский, К. С. Самощенко, Г. А. Свердлык, С. А. Соменков, Г. Я. Стоякин, Э. Л. Страунинг, А. М. Эрделевский и др. Проведенный сравнительно-правовой анализ позволил выделить ряд работ зарубежных ученых и юристов, в исследованиях которых отражены отдельные вопросы, посвященные различным аспектам защиты гражданских прав: Gao Y., Holden R., Coccoli J., De Filippi P., Lehot L., Luo Y., Mell P. Qin M., Annet van Hooft, Kenneth R. Adamo, James E Castello, Blake S. Slater, Stuart S. Waxman, James Metzger.

Объект исследования – гражданские правоотношения, возникающие в процессе защиты цифровых прав, сторонами которых выступают субъекты гражданского оборота, в Российской Федерации и зарубежных странах.

Предмет диссертационного исследования – нормы зарубежного и национального законодательства, регулирующие способы защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота в Российской Федерации и зарубежных странах, зарубежная и отечественная правоприменительная практика и правовые доктрины.

Целью диссертационного исследования является комплексное рассмотрение сущности, специфики и частноправовых характеристик цифровых прав субъектов гражданского оборота, а также разработка и обоснование

направлений совершенствования правового регулирования способов защиты цифровых прав в России.

В соответствии с целью исследования в диссертационной работе ставятся и решаются следующие конкретные **задачи**:

- *во-первых*, представить концептуально-правовую трактовку цифровых прав, описать их характеристику и специфику развития;
- *во-вторых*, выделить, классифицировать и содержательно рассмотреть виды цифровых прав;
- *в-третьих*, провести частноправовую конкретизацию защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота;
- *в-четвертых*, проанализировать юрисдикционные и неюрисдикционные формы защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота;
- *в-пятых*, рассмотреть правовые основы защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота в российском и зарубежном правовых пространствах;
- *в-шестых*, обобщить и проанализировать способы защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота в Российской Федерации и некоторых зарубежных странах;
- *в-седьмых*, представить и обосновать основные направления совершенствования правового регулирования способов защиты цифровых прав в России.

Теоретическая основа исследования опирается на разработки в области общей теории права и государства, отраслевых юридических наук, юридической антропологии и правовой кибернетики. При формировании теоретических положений и практических рекомендаций автором были использованы труды дореволюционных классиков правовой мысли, советских ученых-юристов и современных исследователей, которые помогали сформировать авторскую позицию по исследуемой проблематике.

Среди дореволюционных ученых-юристов следует особо выделить труды таких авторов как: К. Н. Анненков, Е. В. Васьковский, Ю. С. Гамбаров, Д. И. Мейер, С. А. Муромцев, К. П. Победоносцев, И. А. Покровский, В. И. Синайский,

Е. Н. Трубецкой, Г. Ф. Шершеневич и др. В теоретическом плане исследование опиралось на работы таких советских исследователей как: Т. Е. Абова, М. М. Агарков, Н. Г. Александров, С. С. Алексеев, Ю. Г. Басин, М. И. Брагинский, С. Н. Братусь, А. В. Венедиктов, М. К. Воробьев, М. А. Гурвич, О. С. Иоффе, А. Ф. Клейман, О. А. Красавчиков, Б. И. Пугинский, Г. А. Свердлов, Е. А. Флейшиц и др. Значимыми для формирования авторской концепции и стратегии исследования являются работы современных отечественных ученых-юристов, таких как: А. И. Базилевич, В. А. Белов, В. С. Белых, Д. Х. Валеев, А. П. Вершинин, В. В. Витрянский, А. В. Габов, Б. М. Гонгало, В. П. Грибанов, В. В. Долинская, М. А. Егорова, В. С. Ем, А. О. Иншакова, Д. Н. Кархалев, Л. О. Красавчикова, Е. А. Крашенинников, Л. В. Кузнецова, О. А. Кузнецова, С. Г. Михайлов, А. Л. Новоселова, Н. В. Остапюк, М. А. Рожкова, А. П. Сергеев, К. И. Скловский, Э. Л. Страунинг, Е. А. Суханов, Ю. К. Толстой, В. С. Юрченко и др.

Методология и методы исследования. В работе использованы всеобщие, общенаучные и специальные приемы, принципы и методы познания. Среди всеобщих методов следует выделить: системный подход, применяемый для комплексного рассмотрения цифровых прав как элемента гражданско-правовой системы, их взаимосвязи с традиционными институтами гражданского права, а также при разработке предложений по совершенствованию законодательства; диалектико-материалистическую методологию, используемую для исследования противоречивого процесса цифровой трансформации общественных отношений, природы и содержания цифровых прав, в том числе для выявления противоречий и тенденций в их правовом регулировании; а также феноменологический метод, который применяется для рассмотрения цифровых технологий не только как инновационных технологий современной жизни, но и как социокультурного явления правового развития российского общества в контексте системы представлений о национальном механизме правового регулирования и специфики отечественных государственно-правовых практик, которые существенным образом влияют на закономерности трансформации правовой жизни общества.

К общенаучным методам, используемым в исследовании, следует отнести

методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, а также метод аналогии, применяемые для выявления тенденций, закономерностей и специфики трансформации права и юридической деятельности под воздействием внедрения цифровых технологий, состояния и особенностей правового регулирования в области защиты прав субъектов гражданского оборота, выделения и описания правовых рисков и угроз в системе гражданско-правовых отношений и правовых и иных проблем, а также формировании авторских научных дефиниций и классификаций.

К общенаучным методам, используемым в исследовании, следует отнести методы индукции и дедукции, анализа и синтеза, а также метод аналогии, применяемые для выявления тенденций, закономерностей и специфики трансформации права и юридической деятельности под воздействием внедрения цифровых технологий, состояния и особенностей правового регулирования в области защиты прав субъектов гражданского оборота, выделения и описания правовых рисков и угроз в системе гражданско-правовых отношений и правовых и иных проблем, а также в при формировании авторских научных дефиниций и классификаций.

К используемым частно-научным методам следует отнести сравнительно-правовой метод, который использовался для сопоставления российского и зарубежного опыта регулирования цифровых прав, включая анализ законодательства и судебной практики стран общего права и романо-германской правовой семьи. Историко-правовой метод применялся для изучения эволюции способов защиты гражданских прав, начиная с римского частного права до современного времени. Метод правового моделирования использовался для разработки предложений по совершенствованию способов защиты цифровых прав, включая введение нового способа – восстановления цифрового права.

В исследовании применялись специальные юридические методы, к которым относится формально-юридический метод, позволивший осуществить анализ юридических конструкций, выявить пробелы и коллизии в правовом регулировании, а также нормативно-правовой метод, который применялся для

исследования регулятивного воздействия отдельных норм права и юридических комплексов на общественные отношения, связанные с использованием цифровых технологий и алгоритмических инструментов.

Нормативную основу диссертационного исследования составили:

- законодательство и иные акты Российской Федерации, в частности Конституция Российской Федерации, федеральные законы, акты Президента и Правительства Российской Федерации, акты федеральных органов исполнительной власти; действующее гражданское законодательство Российской Федерации;

- доктринальные и программно-концептуальные правовые акты Российской Федерации (концепция, стратегия и др.), в которых фиксируются приоритеты экономического и социального развития российского общества, стратегические направления обеспечения национальной безопасности России;

- законодательство и официальные документы зарубежных государств (Сингапур, Китайская Народная Республика и ряда других государств).

Эмпирическую базу исследования образуют несколько компонентов, а именно практика судебного применения норм гражданского законодательства в Российской Федерации, акты толкования и применения права из судебных постановлений Верховного Суда Российской Федерации, Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации, арбитражных судов и судов общей юрисдикции Российской Федерации.

Научная новизна исследования определяется следующим:

- проведен концептуально-правовой анализ существующих понятий «цифровые права», разработана и предложена авторская дефиниция последних, учитывающая частноправовую характеристику и технологическую специфику развития цифровых прав. Разработана и обоснована концепция цифровых прав как самостоятельного объекта гражданских прав, обладающего двойственной правовой природой: абсолютным характером защиты самого цифрового права (как формализованной записи в информационной системе) и относительной природой включаемых в него обязательственных и корпоративных прав;

- проанализированы существующие теоретико-правовые подходы и законодательно закреплённые виды цифровых прав, представлен их критический содержательный анализ, а также предложена авторская классификация цифровых прав, основанная на их содержательной природе и способах реализации;

- проведен теоретико-правовой анализ способа правовой защиты, а также частноправовая конкретизация защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота. Доказано, что критерием эффективности защиты цифровых прав является наличие государственно-правовых гарантий их защиты посредством применения лицом, чьи права нарушены, предоставленных гражданским законодательством способов защиты прав;

- представлено комплексное рассмотрение юрисдикционных и неюрисдикционных форм защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота. Установлено, что защита цифровых прав в Российской Федерации осуществляется в классических формах защиты гражданских прав – юрисдикционной (судебной и административной) и неюрисдикционной (самозащита). Обосновано, что формы правовой защиты цифровых прав требуют особого подхода к выбору надлежащего способа защиты;

- системно описаны правовые основы защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота в российском правовом пространстве. Доказано, что способ защиты цифровых прав – это предусмотренная действующим законодательством и принимаемая субъектами гражданского оборота в установленной законом форме мера, направленная на приведение формальной легитимации (отраженной в информационной системе) в соответствие с действительным правообладанием;

- обобщены и содержательно рассмотрены способы защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота в Российской Федерации, на основании чего установлено, что обязательственные и корпоративные права, включенные в цифровое право, являются давно известными гражданскому праву видами прав и подлежат защите способами, применимыми для защиты обязательственных и корпоративных прав соответственно. Обосновано, что права требования, корреспондирующие которым обязательства должны быть исполнены

исключительно в рамках информационной системы, обладают признаком самоисполнимости. Требования, обязательства по которым должны быть исполнены в реальном мире, подлежат защите путем предъявления требования о понуждении исполнения обязательства в натуре или применения иных способов защиты прав;

— доказана недостаточность способов защиты прав для защиты цифровых прав ввиду их принципиально иной юридической природы, выражающейся в их нематериальности, отсутствии индивидуально-определенных характеристик и исключительной легитимации через формальные знаки в информационных системах. На основании чего представлены и обоснованы основные направления совершенствования правового регулирования способов защиты цифровых прав в России, а также разработана научно-практическая конструкция восстановления цифрового права как самостоятельного способа защиты, сущность которого заключается в приведении записей в информационной системе в соответствие с действительным правообладанием. Выработаны предложения по совершенствованию гражданского законодательства, в частности, путем дополнения ст. 141.1 ГК РФ положениями о восстановлении цифровых прав как о самостоятельном способе защиты и положениями о защите добросовестных приобретателей. Разработаны предложения по реформированию гражданского законодательства, направленные на создание целостного режима цифровых прав.

Положения, выносимые на защиту:

1. Цифровые права имеют комплексный правовой и технологический характер. Это выражается в многоуровневой природе цифровых прав: во-первых, это комплекс идей, принципов и норм, организующих и нормирующих взаимодействие субъектов права в цифровом пространстве, а также общественных отношений, связанных с использованием цифровых технологий; во-вторых, это универсальные права, которые связаны с владением, пользованием и распоряжением цифровыми активами; в-третьих, это широкий спектр имущественных прав, реализуемых посредством цифровых систем и в цифровом пространстве коммуникаций.

2. На международно-правовом уровне цифровые права выражены в доктринально-правовом закреплении декларативных норм, норм-принципов, норм-целей, организующих и нормирующих взаимодействие субъектов права в цифровом пространстве. В рамках национальной правовой системы цифровые права связаны с правами и законными интересами субъектов права, закрепленными в действующем законодательстве. К цифровым правам, закрепленным в качестве таковых законодателем, относятся цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права и гибридные цифровые права. Цифровые права субъектов гражданского оборота имеют двойственный характер: с одной стороны, они являются формой фиксации традиционных имущественных прав (обязательственных, корпоративных) в цифровой среде, с другой, – обладают признаками самостоятельного объекта гражданских прав, поскольку они обладают своей спецификой и особенностями реализации.

3. Цифровые права субъектов гражданского оборота в Российской Федерации представляют собой обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются технологическими тенденциями развития частноправовых отношений, а также принципами и правилами функционирования цифрового пространства коммуникации, отвечающими действующему гражданскому законодательству РФ. При этом осуществление, распоряжение и переход цифровых гражданских прав осуществляется посредством цифровых интеракции и(или) опосредованно через алгоритмические системы без обращения к третьим лицам. Гарантирование и защита последних осуществляется в социотехническом режиме, посредством юридической ответственности и технической защиты цифровых активов. К основным видам цифровых активов следует отнести: утилитарные цифровые права (доступ к цифровому пространству, сервисам, платформам и т.п.); ценные цифровые активы (криптовалюты, токены ценных бумаг, невзаимозаменяемые токены - NFT-токены и др.); имущественные активы, оформленные в цифровой форме. В то же время цифровая трансформация общественных отношений, кардинальные изменения в мировой экономике и национальных экономических процессах будут расширять содержание цифровых

гражданских прав и виды цифровых активов, а также социотехнические формы и способы их защиты с учетом глобальных вызовов и национальных целей развития. В связи с этим в России необходима разработка и принятие доктринально-правового акта, фиксирующего основные принципы и приоритеты цифровой трансформации частноправовых отношений, а также основные формы и способы гарантирования и защиты цифровых прав граждан РФ, что обеспечит устойчивый характер развития национальной цифровой экономики и создаст благоприятные условия для инноваций и инвестиций.

4. В обеспечении защиты цифровых прав наиболее адекватной является целевая ориентация, согласно которой цель содержательно связана с восстановлением правового положения и ей корреспондирует конкретный способ защиты нарушенных прав, а выбор способа осуществляется лицом, чьи права подлежат защите. Под защитой цифровых прав субъектов гражданского оборота следует понимать деятельность, осуществляемую управомоченным субъектом либо уполномоченными органами в установленной законом форме с применением предусмотренных законом способов, возникающую в связи с негативным воздействием на цифровые права субъекта гражданского оборота или при наличии правовой неопределенности, направленную на достижение целей защиты.

5. Содержание понятия защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота раскрывается через совокупность взаимосвязанных признаков. Во-первых, субъектный состав защиты включает как самих управомоченных субъектов гражданского оборота, так и государственные органы, гарантирующие и обеспечивающие их защиту. Во-вторых, защита носит деятельностный характер, проявляющийся в совершении активных действий или правомерном бездействии в рамках установленных правовых предписаний. В-третьих, обязательным признаком является осуществление защиты в строго определенных законом процессуальных формах. В-четвертых, защита направлена на преодоление негативного воздействия, выражающегося либо в непосредственном нарушении прав, либо в возникновении правовой неопределенности. В-пятых, защита всегда целесообразна и направлена на достижение конкретного правового результата.

6. Защита цифровых прав субъектов гражданского оборота может осуществляться в юрисдикционной форме: 1) в рамках судебной защиты в арбитражных судах и судах общей юрисдикции, а также внесудебными формами защиты (третейских учреждениях и др.) (в цифровом формате – цифровой арбитраж, блокчейн-арбитраж, третейское разбирательство на основе технологий ИИ и др.); 2) посредством обращения к компетентному государственному органу, осуществляющему контроль и надзор в определенной сфере общественных отношений, для защиты нарушенного цифрового права, возникшего в результате нарушения субъектами гражданского оборота действующего законодательства (административная юрисдикционная форма защиты цифровых прав). Защита цифровых прав может осуществляться в рамках неюрисдикционной формы защиты цифровых прав (самозащиты) лицом, чьи цифровые права нарушены.

7. Современное гражданское законодательство не содержит специальных способов защиты цифровых прав, в связи с чем защита последних ограничена традиционными гражданско-правовыми способами. Действующее законодательство предусматривает следующие основные способы защиты цифровых прав: возмещение убытков, причиненных операторами информационных систем и инвестиционных платформ; требование о приобретении цифровых прав у неквалифицированных инвесторов; защита через деликтные обязательства. Однако эти способы обладают существенными ограничениями. В частности, возмещение убытков, будучи универсальным способом защиты, не всегда соответствует интересам потерпевшего, так как не обеспечивает восстановление именно цифрового права, а лишь компенсирует его стоимость, определение которой часто затруднительно. Это создает пробелы в правовом регулировании, поскольку существующие гражданско-правовые способы не в полной мере учитывают специфику цифровых прав как нового объекта гражданских правоотношений. Формирование эффективной защиты цифровых гражданских прав связано с необходимостью адаптации юридической техники, национального законодательства и правоприменительной практики к специфике

цифровых интеракций, а также формированием адекватных социотехнических механизмов защиты и безопасности в цифровом пространстве.

В этом плане необходимо принятие изменений в статью 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, направленных на создание целостного режима цифровых прав и устанавливающих способ их защиты с учетом их социотехнической природы – и таковым является восстановление цифровых прав. Содержанием данного способа защиты цифровых прав является требование о восстановлении легитимационных знаков в информационной системе за законным обладателем путем совершения оператором новой транзакции с одновременным лишением цифрового права лица, которое формально (согласно легитимационным знакам) является обладателем цифрового права. Такой способ позволил бы наиболее полно защитить интересы обладателей цифровых прав путем приведения формальной легализации в соответствие с фактической принадлежностью права. Кроме того, необходимо развитие профессиональных организаций и экспертного юридического сообщества в сфере защиты цифровых прав граждан, способов разрешения конфликтов и споров в цифровом пространстве взаимодействия.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Материалы диссертации, теоретико-практические положения и выводы могут быть использованы как в научно-исследовательской, так и в учебно-педагогической деятельности. Теоретическая значимость работы связана с обоснованием особенностей цифровых прав в законодательстве Российской Федерации, а также ряда зарубежных стран, определении понятия «цифровых прав», их классификации, а также развитию цивилистической доктрины о способах защиты таких объектов гражданских правоотношений. Практическая востребованность исследования состоит в разработке конкретных предложений по совершенствованию гражданского законодательства, направленных на создание эффективного механизма защиты цифровых прав, соответствующего потребностям развивающейся цифровой экономики. Результаты исследования могут быть использованы для дальнейшего развития доктрины, совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере цифровой экономики.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Диссертационное исследование выполнялось, обсуждалось и рецензировалось на кафедре гражданского права и процесса и международного частного права юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы. Научные положения настоящей работы были вынесены на обсуждение на заседаниях кафедры гражданского права и процесса и международного частного права юридического института Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы.

Итоговые положения работы и предложения по совершенствованию действующего законодательства докладывались и обсуждались на пяти международных и межвузовских научно-практических конференциях, и других научных мероприятиях, среди которых: международная научно-практическая конференции «Цифровые технологии и право» (сентябрь 2022 года, г. Казань), международная научно-практическая конференция «Развитие частного права и цивилистического процесса: преемственность и инновации» (октябрь 2022 года, г. Минск), международный научный юридический форум памяти профессора В.К. Пучинского «Сравнительно-правовые аспекты правоотношений гражданского оборота в современном мире». (октябрь 2022 года, г. Москва), международная научно-практическая конференция «Правовые аспекты трансфера технологий: путь к технологическому суверенитету страны» VII Тихоокеанский юридический форум «Поворот на Восток: тенденции изменения институтов права и государства в эпоху глобализации и цифровизации» (октябрь 2023 года, г. Владивосток), межвузовская конференция «Государство и право в эпоху цифровизации: проблемы теории и практики» (декабрь 2023 года, г. Владивосток).

Основные положения и выводы работы нашли отражение в одиннадцати научных работах, среди которых девять статей, опубликованных в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий из числа рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на

соискание ученой степени кандидата наук, из них одна – в журнале, индексируемом в международной наукометрической базе Scopus, две публикации – в иных научных изданиях.

Материалы исследований и выводы использовались при проведении семинарских занятий по курсу «Цифровое право» в Юридической школе Дальневосточного федерального университета.

Структура диссертационной работы обусловлена объектом, предметом и целью исследования и включает в себя введение, три главы, разделенные на семь параграфов, заключение и список использованных источников.

Глава 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВЫХ ПРАВ

1.1. Цифровые права как объект гражданского оборота: теория и подходы к правовому регулированию в зарубежных странах

Стремительное развитие цифровых технологий является одной из характерных черт современного мира и необходимым условием устойчивого развития государства и общества. Переход к цифровой экономике приводит к трансформации общественных отношений, становится неким вызовом для государства в части необходимости создания оптимального правового регулирования, которое, с одной стороны, позволит защитить права и свободы гражданского оборота, и, с другой стороны, не станет препятствием для развития отношений в данной сфере.

Цифровизация – это не просто технологический тренд, а глобальный трансформационный процесс, затрагивающий все сферы общественной жизни, включая право, экономику, социальные отношения и государственное управление. Как указывает Е. П. Русакова, невозможно рассматривать цифровизацию одного явления изолированно от других, поскольку она меняет природу правоотношений, требует пересмотра традиционных правовых институтов и зависит от роли государства, которое должно обеспечить баланс между инновациями и защитой прав⁵.

8. Цифровизация не только формирует новые условия для ведения деятельности, но и способствует появлению на рынке принципиально новых товаров, услуг, создает для субъектов гражданского оборота новые возможности и новые точки роста, увеличивает эффективность ее ведения.

⁵ Русакова Е. П. Воздействие цифровизации на гражданское судопроизводство в России и за рубежом: опыт Китая, Индии, Сингапура, Европейского Союза, США, ЮАР и некоторых других стран: дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Русакова Е. П.; Рос. ун-т дружбы народов. М., 2022. С. 83.

Феномен цифровой трансформации общества, государства и экономики, ознаменовавший рубеж XX–XXI вв., обусловил формирование качественно нового правового регулирования. В зарубежной юридической науке для его обозначения к концу XX столетия утвердился термин «цифровое право» (Digital Law), получивший в России активное распространение с 2017 года. Данная отраслевая совокупность правовых норм сложилась в ответ на вызовы всеохватывающего распространения цифровых технологий и данных, призвана регулировать возникающие в этой сфере общественные отношения.

Генезис понятия «цифровое право» связан с более ранними категориями, такими как «компьютерное право» (Computer Law), «киберправо» (Cyber Law), «интернет-право» (Internet Law) и «право информационных технологий» (Tech Law), которые, при всей смысловой близости, отражают различные аспекты и этапы эволюции регулирования цифровой среды.

В современной правовой доктрине, в частности в китайской научной школе, сформировалась прогрессивная концепция цифровых прав, выходящая за рамки их узкоотраслевого понимания. Как отмечают китайские исследователи, цифровые права представляют собой не просто традиционные права с цифровым контентом, а качественно новую, формирующуюся совокупность прав, обладающих собственной операционной логикой, структурой и механизмами реализации⁶.

В рамках данной концепции предлагается оригинальная структура цифрового права, включающая право на цифровое выживание, права цифровой личности, право на алгоритмическую надлежащую правовую процедуру и права цифровой собственности. Смысловым ядром этих прав является защита фундаментального интереса личности — способности к автономному принятию решений в отношении использования цифровых технологий и обретения «свободы действий» в цифровых пространствах.

Данный подход находит дальнейшее развитие в теории цифровых прав человека, которые рассматриваются как открытая система, включающая право на

⁶ Luo Y. On Digital Rights: Theoretical Interpretation and System Construction // E-Government. 2023. Т. 5. С. 50.

цифровое выживание, право на цифровую свободу, право на цифровое равенство и право на цифровую защиту⁷. Таким образом, цифровые права предстают не как простой цифровой аналог классических прав, а как сложный, многомерный феномен, экстенсивно связанный с правами человека в цифровой среде, правами на данные и правовым статусом алгоритмов.

Разделяя данный подход, в рамках настоящего исследования подчеркивается, что цифровые права, в своем широком понимании, представляют собой комплекс идей, принципов и норм, организующих и нормирующих взаимодействие субъектов права в цифровом пространстве, а также общественных отношений, связанных с использованием цифровых технологий.

Этот комплекс находит свое выражение и на международно-правовом уровне, где цифровые права закрепляются в виде декларативных норм, норм-принципов и норм-целей, задающих общие ориентиры и рамки для регулирования поведения субъектов в глобальном цифровом пространстве. Эти нормы формируют основу для выработки конкретных правовых режимов на национальном уровне, в том числе и для регулирования цифровых прав в их узком, имущественном значении.

Имущественный аспект цифровых прав на глобальном уровне опосредуется через такую категорию, как токены. В зарубежных странах для обозначения новых объектов гражданских прав, особенностью которых является их обращение в цифровой форме, используется понятие «токен»⁸. Так, токен представляет собой цифровой актив, включающий основанную на распределенном реестре (блокчейне) запись о наличии и содержании субъективных гражданских прав ее владельца⁹. Правовой режим и содержание токена, определены программным кодом смарт-контракта, исполнение которого обеспечивается децентрализованной

⁷ Gao Y. Why Human Rights Are Important in the Digital Age: On Digital Human Rights as a Value System // *Modern Law Science*. 2022. T. 3. C. 150.

⁸ Sadykhov R., Goodell G., De Montigny D., Schoernig M., Treleaven P. Decentralized token economy theory (DeTEcT): token pricing, stability and governance for token economies [Электронный ресурс] // *Frontiers in Blockchain*. 2023. Vol. 6. Article 1298330. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fbloc.2023.1298330/full> (дата обращения: 07.07.2024).

⁹ Lehot L., Daugherty P. The Law of Tokenomics, Revisited [Электронный ресурс] // *Foley & Lardner LLP*. 2022. 25 January. URL: <https://www.foley.com/insights/publications/2022/01/law-tokenomics-revisited/> (дата обращения: 07.07.2024).

инфраструктурой блокчейна, что придает возникающим правоотношениям свойства автоматизации, неизменности и верифицируемости.

Для определения правового режима токена ключевое значение имеет его классификация. Мировая практика демонстрирует разнообразие подходов к их классификации, основанных прежде всего на функциональном назначении. Одной из наиболее авторитетных и распространенных является классификация, предложенная Швейцарским управлением по надзору за финансовыми рынками (FINMA) в 2018 году¹⁰. Руководства и иные акты FINMA дают общие рекомендации участникам рынка и являются необязательными для исполнения в отличие от нормативных правовых актов.

В пункте 3.1 Руководства по обращению с токенами последние классифицированы по критерию цели на три следующие вида:

1. *Платежные токены (Payment tokens)* – являются синонимами криптовалют и не имеют дополнительных функций. В некоторых случаях токены могут только развить необходимую функциональность и стать принятыми в качестве платежного средства с течением времени.

2. *Утилитарные токены (Utility tokens)* – это токены, предназначенные для предоставления цифрового доступа к определенным продуктам или услугам на платформе.

3. *Токены ценных бумаг/активов (Asset tokens)* – представляют собой права требования на материальные активы, участие в компаниях или права на дивиденды.

Также в Руководстве отдельно отмечаются *гибридные токены*, которые могут сочетать в себе функции утилитарных, платежных и токенов ценных бумаг/активов. Например, утилитарный токен, который также может использоваться для платежей, должен соответствовать правилам как утилитарных, так и платежных токенов.

¹⁰ Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs): Published 16 February 2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.finma.ch/en/news/2018/02/20180216-mm-ico-wegleitung/> (дата обращения: 25.07.2024).

Так, платежные токены используются сторонами в качестве платежного средства для урегулирования обязательств между ними. Утилитарные токены предоставляют доступ к услуге или товару, предоставляемых эмитентом. Токены ценных бумаг/активов выполняют ту же функцию, что и традиционные ценные бумаги, такие как облигации или акции. Данная классификация является распространенной.

Особое место в мировой практике занимают стейблкоины — токены, стоимость которых стабилизирована за счет привязки к фиатным валютам, товарам (золото) или ценным бумагам. Их правовой режим активно развивается.

В середине 2019 года Руководство было дополнено рекомендациями по вопросу правового регулирования стейблкоинов¹¹. Особенность стейблкоина (в переводе с английского – «стабильная монета») как токена в том, что его стоимость привязана к той или иной фиатной валюте (например, доллару) или физическому активу (например, золоту), в связи с чем стейблкоин не подвержен волатильности¹².

В июне 2024 года Швейцарское управление по надзору за финансовыми рынками FINMA опубликовало еще одно Руководство по обращению стейблкоинов в дополнение к ранее принятым актам¹³.

В Руководстве по регулированию стейблкоинов представлены следующие виды стейблкоинов:

1. *Стейблкоины, стоимость которых привязана к валютам.* Если токен привязан к определенной валюте, то обращение таких токенов осуществляется в соответствии с требованиями Закона о банковской деятельности Швейцарии.

¹¹ Supplement to the guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs) [Электронный ресурс] / Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). — Опубликовано 11.09.2019. URL: <https://www.finma.ch/en/news/2019/09/20190911-mm-ico-wegleitung-supplement/> (дата обращения: 25.05.2024).

¹² Mell P., Yaga D. Understanding Stablecoin Technology and Related Security Considerations [Электронный ресурс] : NIST Interagency/Internal Report (NISTIR) 8408 / National Institute of Standards and Technology. Gaithersburg, MD, 2023. URL: <https://doi.org/10.6028/NIST.IR.8408> (дата обращения: 25.05.2024).

¹³ Guidance 06/2024 Stablecoins: risks and challenges for issuers of stablecoins and banks providing guarantees [Электронный ресурс] / European Banking Authority (EBA). URL: <https://www.eba.europa.eu/eba-publishes-guidance-stablecoins-risks-and-challenges-issuers-stablecoins-and-banks-providing> (дата обращения: 25.05.2024).

2. *Стейблкоины, стоимость которых привязана к товарам.* Для определения типа токена необходимо обратить внимание на точную природу требования и тип товара. Если токен подтверждает только право собственности его держателя, он, как правило, не будет квалифицироваться как ценная бумага.

3. *Стейблкоины, стоимость которых привязана к недвижимости.* Токен, связанный с недвижимостью, представляет собой коллективную инвестиционную схему в соответствии со швейцарским законодательством.

4. *Стейблкоины, стоимость которых привязана к ценным бумагам.* Токен, привязанный к отдельной ценной бумаге, как правило, сам по себе также будет считаться ценной бумагой.

Стейблкоины практически не подвержены ценовым колебаниям вне зависимости от условий на рынке, что отличает их от иных платежных токенов, например, Ethereum. В настоящее время крупнейший по капитализации стейблкоин – USDT от компании Tether, который активно используется в трансграничных расчетах, в частности, российскими компаниями в условиях воздействия односторонних ограничительных экономических мер. В связи с чем неоднократно обсуждалась возможность признания стейблкоина в качестве официального средства платежа. Для этого необходимо определить правовое регулирование стейблкоина и его природу – является ли стейблкоин цифровым финансовым активом или относится к иным цифровым правам или же является цифровой валютой.

18 июля 2025 года Президент США Дональд Трамп подписал законопроект, который установил нормативную базу для стейблкоинов – The Genius Act¹⁴. Данный нормативный акт устанавливает обязательные требования к эмитентам, включая обеспечение токенов ликвидными активами (долларами, краткосрочными казначейскими облигациями и др.), а также необходимость прохождения регулярного аудита.

¹⁴ The Genius Act, S. 1582, 119th Cong. (2023) [Электронный ресурс] // Официальный сайт Конгресса США. URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1582> (дата обращения: 20.07.2025).

Закон вводит двухуровневую систему лицензирования: для эмитентов с капитализацией менее 10 млрд долл. США предусмотрена регистрация на уровне штатов, свыше указанной суммы установлена обязанности получать федеральную лицензию. Кроме того, приравнивание эмитентов стейблкоинов к финансовым учреждениям расширяет на них действие законодательства о банковской тайне, включая требования по KYC (Know Your Customer), AML (Anti-Money Laundering) и блокировке транзакций по требованию регуляторов.

Реализация положений указанного закона создаст предпосылки для возможного распространения соответствующего регуляторного опыта на сферу правового регулирования стейблкоинов в иных зарубежных правовых порядках. Анализ американской модели регулирования стейблкоинов представляет значительный интерес для дальнейшего развития отечественной законодательной базы в данной области.

Обратившись к опыту Сингапура, следует отметить, что в Сингапуре установлены особые требования (лицензирование эмитента, требования к обеспечению и ликвидности) при соблюдении которых отдельные стейблкоины могут использоваться в качестве аналога электронных денежных средств при расчетах. Стейблкоины, которые привязаны к сингапурскому доллару, подлежат нормативному регулированию, предусмотренному для электронных денежных средств.

Согласно Международной организации по стандартизации (Blockchain and Distributed Ledger Technologies - Vocabulary, 2023), существуют различные типы токенов. Так, еще одна важная классификация делит токены на взаимозаменяемые (fungible) и невзаимозаменяемые (NFT — Non-Fungible Token)¹⁵. NFT-токены уникальны и не могут быть заменены другим идентичным токеном, что делает их идеальным инструментом для цифрового представления уникальных объектов искусства, коллекционных предметов или прав на них. Правовая природа различий

¹⁵ ISO 22739:2020. Blockchain and distributed ledger technologies — Vocabulary [Электронный ресурс] // Международная организация по стандартизации. URL: <https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:22739:dis:ed-2:v1:en> (дата обращения: 17.03.2025). — Текст: электронный.

между указанными видами токенов обнаруживает прямую аналогию с классическим гражданско-правовым делением вещей, закрепленным в ГК РФ. Так, токены, выступающие аналогом вещей, определенных родовыми признаками, являются взаимозаменяемыми (например, utility-токены одной эмиссии). Напротив, индивидуально-определенные токены (non-fungible tokens, NFT) обладают уникальными свойствами, которые исключают их эквивалентную замену, что сближает их с индивидуально-определенными вещами (например, уникальным объектом искусства). Подобно вещам, токены также могут обладать индивидуально-определенными признаками. Основное различие между взаимозаменяемыми токенами и невзаимозаменяемыми токенами заключается в том, что невзаимозаменяемые токены уникальны, не могут быть заменены другими токенами, и их свойства также уникальны, тогда как все взаимозаменяемые токены предоставляют одинаковые права и могут быть заменены другими взаимозаменяемыми токенами того же вида.

Между прочим, данные токены являются единственным видом токенов, незапрещенным в Китайской Народной Республике. Так, в Китайской Народной Республике, помимо цифрового юаня (e-CNY), выпущенного Народным банком Китая, виртуальные валюты (или криптовалюты) в качестве законного платежного средства не признаются, их обращение строго запрещено на рынке¹⁶.

Вместе с тем, в Китае не запрещены невзаимозаменяемые токены (NFT-токены), хотя они также обращаются на платформах, основанных на технологии блокчейн. Это связано прежде всего с тем, что NFT-токены отличаются от валют из-за их неоднородной природы. NFT-токены в Китае скорее рассматриваются как «цифровые предметы коллекционирования», что позволяет избежать запрета виртуальных валют.

13 апреля 2022 года Национальная ассоциация интернет-финансов, Национальная банковская ассоциация и Ассоциация ценных бумаг Китая

¹⁶ Five ministries and commissions including the People's Bank of China issued a notice on preventing Bitcoin risks // The Central People's Government of the People's Republic of China. 2013. URL: http://www.gov.cn/gzdt/2013-12/05/content_2542751.htm (дата обращения: 25.05.2024).

совместно выпустили Инициативу по предотвращению финансовых рисков, связанных с NFT (the NFT Initiative)¹⁷. Признавая потенциальную ценность NFT-токенов в содействии развитию культуры Китая и индустрии творчества, ассоциации подчеркнули, что финансирование NFT-токенов будет строго запрещено, так же, как и выпуск NFT, связанных с финансовыми активами; предоставление централизованных торговых услуг для NFT; использование виртуальных валют, таких как Bitcoin, Ethereum и др. в качестве средства платежа при выпуске NFT-токенов и торговле ими.

NFT-токены в Китайской Народной Республике используются для продвижения цифрового искусства на рынок. NFT-токены, как правило, включают в себя гиперссылку на цифровое или физическое произведение искусства, включенную в токен. С помощью невзаимозаменяемых токенов могут быть созданы цифровые репрезентации произведений искусства, предметов коллекционирования и других индивидуализированных объектов.

Также токены могут быть квалифицированы на делимые и неделимые. При этом взаимозаменяемость и делимость коррелируют друг с другом, но есть исключения: взаимозаменяемые токены обычно делимы, но это не всегда так (например, токен может давать право на определенную услугу или товар, которые не могут быть разделены, например, право на получение определенного инструмента), а делимость может иметь ограничения (даже криптовалюты могут быть разделены до такой степени, что фракции практически ничего не стоят, часто их называют «пылью»).

По содержанию токены могут быть классифицированы на следующие виды:

1. *Собственные токены;*
2. *Токены, связанные с виртуальными активами или услугами;*
3. *Токены, связанные с материальными активами или услугами.*

¹⁷ Initiative on Preventing Financial Risks Associated with NFTs [Электронный ресурс] / National Internet Finance Association of China (NIFA). 2022. URL: https://jrjgj.cq.gov.cn/zwx_208/jrjgj/202204/t20220418_10629144_wap.html (дата обращения: 25.05.2024).

Так, собственные токены регулируются в соответствии с правилами платформы, на которой они обращаются и не имеют каких-либо связей за пределами данной платформы. Собственные токены не включают в себя никаких прав – владелец только приобретает сам токен и может передавать его другим лицам.

Остальные два вида токенов связаны с активами или услугами посредством смарт-контрактов, которые определяют права, которыми обладают владельцы токенов. Различие между ними заключается в том, что одни активы или услуги существуют только в виртуальной среде, другие – в материальной форме.

Собственные токены могут использоваться в качестве средства платежа на данной платформе, например, EТН используется в качестве средства платежа на платформе Ethereum, в таком случае токен относится как к первому, так и ко второму виду токенов.

Разница между токенами, связанными с виртуальными активами и услугами, и токенами, связанными с материальными активами и услугами, имеет ключевое значение и поднимает различные юридические вопросы.

Обращение токенов, связанных с виртуальными активами и услугами, осуществляется посредством смарт-контрактов. Поскольку активы или услуги, права на которые предоставляет токен, являются виртуальными, исполнение смарт-контракта происходит без необходимости совершения каких-либо иных действий. Поскольку смарт-контракты не могут быть отделены от токенов, то исполнение содержания токена является гарантированным.

Вместе с тем, для третьего вида токенов ситуация не является столь однозначной. Токены третьего вида содержат право на материальный актив или услугу, которые существуют в материальной форме (например, вещь). Однако обеспечение соответствия реального актива или услуги требованиям, установленным в смарт-контракте, требует дополнительных действий – самоисполнение смарт-контракта в данной части невозможно. Так, смарт-контракт не может гарантировать, что эмитент действительно поставит владельцу токена материальный актив или окажет услугу.

При таких обстоятельствах в дело вступают оракулы – сторонние сервисы, которые предоставляют смарт-контрактам связь с внешними источниками информации, т.е. выступают в качестве так называемого моста между блокчейнами и внешним миром. Оракулы могут интегрировать информацию из внешнего мира при выполнении смарт-контрактов, а также может использоваться для обеспечения соответствия между условиями контракта и характеристиками материальных активов или услуг.

Одной из возможностей, которые предоставляют инновационные технологии, является использование Интернета вещей (IoT) для автоматического выполнения обязательств, принятых по смарт-контракту.

Итак, владельцы токенов третьего вида должны быть уверены в своих правах на активы в материальной форме, для чего их права должны быть надлежаще защищены. Те, кто приобретает токены третьего вида, полагаются на обязательства эмитента. Полагаем, что необходимы правовые нормы, гарантирующие, что владельцы токенов третьего вида действительно получают актив или услугу в точном соответствии с требованиями, установленными в смарт-контракте.

Более того, материальный актив, права на который предоставляет токен, также может быть отчужден иному лицу традиционными способами, в связи с чем также необходимо нивелировать риск параллельной передачи токена, содержащего права на материальный актив, и самого материального актива на уровне законодательства.

Центральным вопросом правового режима токенов является признание их объектом гражданских прав. В данном аспекте показателен подход стран общего права, в которых практика пошла по пути применения к токенам норм о праве собственности. Так, гибкость правовых норм, способность к адаптации и существующие прецеденты в странах общего права способствуют признанию токенов как объектов собственности.

В частности, традиционное определение собственности и критерии отнесения того или иного объекта к собственности изложены в решении Палаты лордов Соединённого Королевства Великобритании и Северной Ирландии по делу

National Provincial Bank v Ainsworth: «собственность должна поддаваться определению, идентифицироваться третьими лицами, по своей природе быть доступной для определения третьими лицами и обладать определенной степенью постоянства или стабильности»¹⁸.

Высокий суд Сингапура, рассматривавший дело Janesh s/o Rajkumar v. Unknown Person, пришел к выводу о возможности существования права собственности на NFT-токены в соответствии с критериями, установленными по делу National Provincial Bank v Ainsworth¹⁹.

Это решение следует общему смыслу ранее принятого решения Высокого суда Сингапура по делу CLM против CLN, в котором установлено, что криптовалюта может быть классифицирована как имущество, которое может быть защищено с помощью имущественных запретов²⁰.

В двух вышеуказанных делах суд пришел к выводу, что криптовалюта и NFT-токены могут считаться собственностью в соответствии с тестом Ainsworth по следующим причинам:

1. поддаются определению. Криптовалюта состоит из машиночитаемой последовательности символов, записанных в блокчейне, и является достаточно определяемой. Аналогично, NFT-токен состоит из метаданных, которые хранятся в блокчейне, и такие метаданные отличают один NFT-токен от другого;
2. могут быть идентифицированы третьими сторонами. Владелец криптовалюты / NFT-токена может запретить третьим лицам использовать / извлекать выгоду из криптовалюты / NFT-токена с помощью своего «кода», который необходим для записи переводов с одного счета на другой;

¹⁸ National Provincial Bank v. Ainsworth // Official Law Reports: Appeals Cases. 1965. Vol. 1965, No. 1. P. 1248. Judgment of 13 May 1965.

¹⁹ Janesh s/o Rajkumar v. Unknown Person [Электронный ресурс] : дело № 1414 : решение Высокого суда Республики Сингапур (Singapore High Court) от 29.09.2022. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2022_SGHC_264 (дата обращения: 07.07.2024).

²⁰ CLM v. CLN and others [Электронный ресурс] : решение Высокого суда Республики Сингапур (Singapore High Court) от 28.02.2022, дело № 6. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2022_SGHC_46 (дата обращения: 07.07.2024).

3. могут использоваться третьими лицами, что очевидно из того факта, что многие криптовалюты и NFT-токены являются предметом активных торговых рынков;

4. обладают определенной степенью стабильности, поскольку они размещены на блокчейне.

Признание Сингапуром криптовалюты и NFT-токенов соответствует тенденции признания и защиты токенов в качестве имущества в иностранных юрисдикциях.

По общему праву, помимо соответствия критериям, сформулированным по делу *National Provincial Bank v Ainsworth*, собственность также должна относиться к одной из двух категорий:

1. физический актив (*a physical asset*) или
2. актив в действии (*a choses in action*).

Очевидно, что токены не являются физическими активами, поскольку они не являются материальными.

Однако вопрос о том, можно ли считать активами в действии является более спорным. В ранее указанных делах Высокий суд Сингапура обошел этот вопрос стороной и ограничился применением критериев, выработанных по делу *National Provincial Bank v Ainsworth*.

Более чем через год у Высокого суда Сингапура была возможность пересмотреть вопрос о том, могут ли цифровые активы быть собственностью в деле *ByBit Fintech Ltd v Ho Kai Xin*, где он должен был решить, может ли стейблкоин храниться на доверительном управлении²¹.

Суд в деле *ByBit Fintech Ltd v Ho Kai Xin* отметил, что категория вещей, рассматриваемых как *choses in action*, является «широкой, гибкой и не является закрытой». Суд отметил, что владелец цифрового актива также обладает нематериальным правом собственности, то есть правом на то, чтобы конкретный

²¹ *ByBit Fintech Ltd v. Ho Kai Xin* [Электронный ресурс] : решение Высокого суда Республики Сингапур (Singapore High Court) от 25.07.2023, дело № 276. URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2023_SGHC_199 (дата обращения: 07.07.2024).

цифровой актив был «привязан» к его публичному адресу в блокчейне. Соответственно, Суд пришел к выводу, что такое право может являться *choses in action* и, следовательно, собственностью в соответствии с законом.

Таким образом, Высокий суд Сингапура пришел к выводу, что цифровые активы могут считаться собственностью в соответствии с законом и соответственно, подлежат защите. Эти авторитетные заявления Суда вселяют большую уверенность в том, что обладатели токенов в случае, если их права на токены будут нарушены, смогут обратиться за их защитой.

Поэтому представляется вероятным, что суды Сингапура (и иные суды в странах общего права) продолжают применять меры для обеспечения того, чтобы стороны в будущем могли защитить принадлежащие им токены.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие выводы, имеющие значение для развития цивилистической доктрины и совершенствования гражданского законодательства.

Итак, цифровая трансформация обусловила формирование комплексного регуляторного ответа в виде формирования цифрового права, которое охватывает как новые категории прав человека, так и имущественных отношений в цифровой среде.

Имущественный аспект цифровых прав опосредуется через такую категорию, как токен. Его гражданско-правовая природа заключается в том, что он представляет собой основанную на блокчейне запись о наличии и содержании прав владельца, алгоритмически обеспечиваемую смарт-контрактом, что придает отношениям свойства автоматизации, неизменности и верифицируемости.

Правовой режим токена не является универсальным и напрямую зависит от его квалификации по функциональному (платежный, утилитарный, токен-актив) и юридико-техническому (взаимозаменяемый / невзаимозаменяемый) признакам.

Ключевой тенденцией в развитии правового регулирования токенов является их интеграция в традиционные правовые конструкции. Как показывает анализ зарубежного опыта, в частности стран общего права, распространенным является признание за токенами режима объекта права собственности через применение

классических критериев определяемости и отнесения к категории «активов в действии», что обеспечивает их защиту с помощью вещно-правовых способов.

Опыт зарубежных юрисдикций является релевантным для развития российского законодательства. Различные регуляторные модели демонстрируют широкий спектр возможных подходов. Этот опыт представляет значительный интерес для дальнейшего совершенствования российской правовой конструкции цифровых прав и определения правового режима конкретных видов токенов в рамках национального гражданского законодательства.

1.2. Понятие и особенности цифровых прав в отечественной научно-правовой доктрине

Одной из важнейших задач государственной политики России является переход экономики на цифровой путь развития. Под влиянием преобразования общественных отношений в связи с широким использованием цифровых технологий формируется новая область гражданско-правового регулирования имущественных отношений, связанных с появлением цифровых прав.

Возникновение цифровых прав влечет за собой ряд вопросов, связанных с их содержанием, осуществлением, распоряжением ими, их нарушением, ответственностью за их нарушение и, безусловно, их защитой. Перед тем, как перейти к исследованию способов защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота, полагаем необходимым определить правовой режим и виды цифровых прав.

Так, ГК РФ был дополнен статьей 141.1, установившей понятие цифровых прав, которое, вместе с тем, неоднократно подвергалось критике со стороны ученых. Кроме того, статья 128 ГК РФ была дополнена цифровыми правами, которые по тексту статьи относятся к разновидности имущественных прав²².

²² О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).

Некоторые ученые полагают, что закрепление категории «цифровые права» в качестве объекта гражданских прав привело к возникновению паронимов в легальном понятийном аппарате. Так, в доктрине международного права под цифровыми правами понимаются право на получение доступа к сети Интернет и возможности пользоваться ей, цифровые носители, а также право, позволяющее лицу создавать, получать и использовать информацию в цифровой форме и другие права²³.

В российской правовой доктрине также неоднократно отмечалось, что фундаментальные права человека подлежат конкретизации применительно к цифровой реальности²⁴, утверждается о появлении новых фундаментальных цифровых прав: права на доступ в Интернет, права на забвение, права на «цифровую смерть» и др.²⁵. Некоторые ученые относят «цифровые права» к правам четвертого поколения²⁶. При этом задачей государства является признание и защита цифровых прав граждан от всевозможных нарушений.

М.А. Рожкова отмечает, что понятие «цифровые права», введенное законодателем, не имеет никакого отношения к концепции цифровых прав, формирующейся в международном праве, и является специальным отраслевым понятием²⁷. Действительно, законодателем понятие цифровых прав употребляется в узком смысле – в качестве имущественных прав, существующих в рамках информационной системы²⁸.

²³ См., например, Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // *Peace Human Rights Governance*. 2017. Vol. 1. Iss. 2.

²⁴ Зорькин В. Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума. URL: <https://rg.ru/2018/05/29/zorkin-zadacha-gosudarstva-priznavat-i-zashchishchat-cifrovye-prava-grazhdan.html> (дата обращения 25.05.2024).

²⁵ Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // *Журнал российского права*. 2018. № 2. С. 8.

²⁶ Талапина Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // *Труды Института государства и права РАН*. 2019. Т. 14. № 3. С. 122–146; Липчанская М. А. Цифровые права человека и гражданина: конституционное измерение // *Государственная служба*. 2020. № 4. С. 37–41.

²⁷ Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // *Хозяйство и право*. 2020. № 10. С. 3–12.

²⁸ Актуальные проблемы эффективности частного права: монография / К. А. Абдуллаев, Э. Б. Абдуряхимова, С. В. Алборов [и др.]; отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. М.: Юстицинформ, 2022. С. 105.

Как было установлено ранее, в мировой практике для обозначения новых объектов гражданских прав, особенностью которых является их обращение в цифровой форме, используется понятие «токен», в то время как в Российской Федерации законодателем введено понятие «цифровые права». Изначально законодателем предлагалось легальное определение токена, который понимался как вид цифрового финансового актива, который выпускается эмитентом с целью привлечения финансирования и учитывается в реестре цифровых транзакций²⁹. Но в дальнейшем законодатель от данной идеи отказался.

Таким образом, в отечественном гражданском праве сложилась ситуация терминологического дуализма: категория «цифровые права» существует одновременно и в публично-правовой (как элемент правового статуса личности), и в частноправовой (как объект гражданских прав) плоскостях. Далее в настоящем исследовании мы будем рассматривать цифровые права исключительно как объект гражданских прав.

Анализ легального определения понятия «цифровые права», данного в статье 141.1 ГК РФ, позволяет сделать вывод о том, что к данной категории объектов гражданских прав относятся обязательственные и иные права, которые признаны цифровыми правами в законе (названы в таком качестве прямо или путем отсылки к специальному регулированию), их содержание и условия осуществления (включая порядок распоряжения) определяются исключительно в соответствии с правилами информационной системы, которая отвечает признакам, установленным законом.

Следовательно, законодатель использует формальный критерий для отнесения прав к разряду «цифровых»: их признание таковыми специальным законом и их неразрывная технико-юридическая связь с правилами определённой информационной системы, соответствующей законодательно установленным требованиям.

²⁹ О цифровых финансовых активах : проект федерального закона № 419059-7 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 22.05.2018) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.03.2024).

Как отмечает М. А. Рожкова, «цифровыми» права, закрепленные в электронной форме, могут стать только при условии соответствия двум названным в кодексе формальным признакам, приведенными нами выше³⁰.

Центральным вопросом научной дискуссии является правовая природа цифровых прав. Так, многие цивилисты придерживаются мнения, что использование термина «цифровые права» некорректно в связи с тем, что содержание существующих ранее в гражданском законодательстве прав осталось неизменным, изменилась лишь форма их закрепления – она стала цифровой.

Так, В. Ф. Попондопуло полагает, что статью 141.1 ГК РФ следовало назвать не «цифровые права», а «права, выраженные в электронно-цифровой форме», определив их как «обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы»³¹.

В связи с этим нерешенным в научной литературе остается вопрос о том, отличается ли содержание цифровых прав от традиционных (вещных, обязательственных, корпоративных и исключительных). В доктрине отсутствует единый подход: одни исследователи считают цифровые права новой формой традиционных прав, другие – качественно новым объектом.

Е. А. Суханов полагает, что цифровые права имеют технические (технологические) особенности, заключающиеся в их оформлении и осуществлении, а не юридические (гражданско-правовые), заключающиеся в их содержании³². Отмечая позицию Е. А. Суханова, следует отметить, что ученый полагает, что цифровые права представляют собой не новый вид субъективных гражданских прав, а лишь их новую (цифровую) форму, осуществление которых возможно только в информационной системе³³.

³⁰ Рожкова М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве // Хозяйство и право. 2020. № 10. С. 3–12.

³¹ Попондопуло В. Ф. Правовые формы цифровых отношений // Юрист. 2019. № 6. С. 29–36.

³² Суханов Е. А. О вещном праве собственности и «цифровых правах» // Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации: Монография. В 3 томах. Т. 3 / отв. ред. С. Д. Могилевский, О. В. Шмалый, И. А. Емелькина [и др.]. М.: РГ-Пресс, 2022. С. 13.

³³ Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. № 6. С. 15.

Придание объекту гражданских прав какой-либо новой формы, хотя бы и цифровой, само по себе не способно определить или изменить его юридическую природу³⁴.

Так, А. А. Щелокова придерживается приведенной точки зрения и отмечает, что цифровые права не могут быть выделены в качестве отдельного объекта гражданских прав, что следует из легальной дефиниции. Цифровыми правами, по мнению ученого, являются уже давно известные обязательственные и иные права, теперь называемые цифровыми по причине их отнесения к таковым законом³⁵. Р. Б. Головкин и О. С. Амосова полагают, что цифровые права – это «разновидность субъективных прав, выраженных в цифровой форме и реализующихся в рамках информационных систем»³⁶.

С. И. Сулова и У. Б. Филатова считают, что «цифровизация прав приводит к возникновению не нового вида имущественных прав, существующих наряду с обязательственными, корпоративными, исключительными правами, а к цифровому способу их фиксации»³⁷.

Как отмечает А. С. Мограбян, в современном правовом порядке наряду с традиционными формами удостоверения прав (государственная регистрация, нотариальное удостоверение) сформировалась новая, цифровая форма³⁸. Аналогичный вывод содержится в работах А. В. Асоскова, который также обосновывает самостоятельный характер цифрового удостоверения прав в системе юридически значимых действий³⁹.

³⁴ Суханов Е. А. Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса) // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященных 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / А. Г. Архипова, А. В. Анисимов, В. В. Безбах [и др.]; отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. М.: Статут, 2020. 480 с. // СПС «КонсультантПлюс».

³⁵ Щелокова А. А. Понятие цифровой формы объектов гражданских прав // Гражданское право. 2021. № 4. С. 11–13.

³⁶ Головкин Р. Б., Амосова О. С. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 2 (51). С. 165.

³⁷ Сулова С. И., Филатова У. Б. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России // Пролог: журнал о праве. 2019. № 2. С. 11.

³⁸ Мограбян А. С. Цифровые права как объекты гражданских прав в России // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 10. С. 141–147.

³⁹ Новоселова Л. А., Габова А. В., Савельев А. И., Генкин А. С., Сарбаш С. В., Асосков А. В., Семенов А. В., Янковский Р. М., Журавлев А. В., Толкачев А. Ю., Камелькова А. В., Успенский

Е. В. Гоц и И. А. Близнец полагают, что цифровые права — это форма заключения сделки (как устная, так и простая письменная, нотариальная), а не новый вид прав⁴⁰. Вместе с тем, такая позиция не согласуется с положениями, установленными ГК РФ, в соответствии с которыми цифровые права являются разновидностью имущественных прав. Более того, в таком случае следует также выделять нотариальные права, устные права и т.д., что не имеет под собой никакого научного обоснования.

А. В. Нестеров полагает, что цифровые права можно было назвать электронными правами⁴¹. Вместе с тем замена терминологии не влечет за собой изменение сущности явления.

А. А. Карцхия в диссертационном исследовании приходит к выводу о том, что суть цифрового права в том виде, как оно сегодня закреплено в законодательстве, заключается в том, что оно является способом фиксации субъективного гражданского права в информационной системе⁴².

При этом в силу прямого указания закона такой способ фиксации для удобства правового регулирования признается объектом гражданских прав, т. е. запись о благе приравнивается к самому благу⁴³.

Для разрешения этого теоретического противоречия необходимо обратиться к содержанию тех прав, которые законодатель прямо отнес к цифровым.

М. А., Крупенин Р. А., Кислый В. А., Жужжалов М. Б., Попов В. А., Аграновская М. А. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5. С. 31–54.

⁴⁰ Гоц Е. В., Близнец И. А. Развитие цифровой экосистемы авторского права и смежных прав: вымысел или реальность // Юрист. 2021. № 9. С. 12–18.

⁴¹ Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1. С. 11–16.

⁴² Карцхия А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 344.

⁴³ Абрамова Е. Н. К вопросу о понятии цифрового права как объекта гражданских прав // Юрист. 2023. № 1. С. 54–60.

В настоящее время законодатель называет в качестве цифровых прав утилитарные цифровые права (далее – УЦП)⁴⁴, цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) и гибридные цифровые права⁴⁵.

Согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – Закон о ЦФА) таковыми признаются цифровые права, включающие:

- денежные требования,
- возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам,
- права участия в капитале непубличного акционерного общества,
- право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг.

Из вышеуказанного определения следует, что такие цифровые права охватывают обязательственные права и корпоративные права.

На основе Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее по тексту – Закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ), следует отметить, что утилитарными цифровыми правами признаются:

- право требовать передачи вещи (вещей);
- право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности;
- право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Таким образом, цифровые права включают в себя ранее известные гражданскому праву имущественные права (обязательственные и корпоративные).

⁴⁴ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 28.03.2024).

⁴⁵ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ: федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.03.2024).

Стоит отметить, что вышеуказанными законами также предусматривается возможность создания цифровых прав, содержащих одновременно ЦФА и УЦП (*гибридные цифровые права*). Гибридные права обращаются по правилам, закрепленным в законодательстве для ЦФА (п. 6 ст. 1 Закона о ЦФА).

Цифровые права представляют собой особую категорию имущественных прав, закрепленных в ГК РФ (ст. 141.1) и специальных законах. Их легальное определение носит узкоотраслевой характер и не совпадает с международно-правовой трактовкой цифровых прав как фундаментальных прав человека в цифровой среде.

Далее следует обратиться к конкретному примеру. Так, цифровые финансовые активы на драгоценный металл предполагают выплату денежной суммы, равной стоимости драгоценного металла. Утилитарные цифровые права также являются цифровыми правами, которые охватывают требования на вещи, услуги, работы и интеллектуальную собственность. Утилитарные цифровые права на драгоценные металлы включают возможность фактической поставки соответствующего товара. Гибридные цифровые права могут сочетать в себе следующие элементы: право требования денежной суммы (например, право требовать выплаты денежной суммы, эквивалентной стоимости определенного количества драгоценного металла), право на получение товара (например, право требовать фактической поставки материального актива), право на получение услуги (право на использование сопутствующих услуг платформы — например, безопасное хранение приобретенного товара в течение определенного срока или его страхование).

Стоит отметить, что цифровые права схожи с бездокументарными ценными бумагами, поскольку в обоих случаях имущественное право передается путем внесения записей в специальную систему и не привязано к определенному материальному носителю. Бездокументарные ценные бумаги обладают двойственной природой, поскольку, с одной стороны — это объект гражданских прав, а с другой стороны — они не являются ценными сами по себе, ценными являются только права, которые включены в ценную бумагу.

Фактически, бездокументарные ценные бумаги являются формой фиксации имущественных прав и одновременно являются самостоятельным объектом гражданских прав. В научной литературе данная двойственность находит отражение в уже устоявшихся словосочетаниях «право на бумагу» и «право из бумаги».

Цифровые права фактически являются уже известными гражданскому праву обязательственными и корпоративными правами, но обладают двойственной природой. Такая двойственная правовая природа выражена также в том, что обладатель цифрового права обладает и правами, которые включает в себя данное цифровое право.

При упоминании о двойственной природе цифровых прав речь идет о двойственном правовом режиме, который различает само цифровое право и права, включенные в цифровое право. Передача цифрового права приравнена к передаче содержащихся в нем прав.

Общепризнанной является классификация гражданских прав на абсолютные (обладателю абсолютного права противостоят в качестве обязанных все лица) и относительные (обладателю относительного права – одно конкретное лицо). В цивилистической доктрине полагают, что к абсолютным правам относятся некоторые имущественные права (вещные и иные), а к относительным – обязательственные и корпоративные.

Следовательно, обязательственные и корпоративные права, включенные в цифровые права, являются относительными. Обладателем цифрового права будет являться лицо, имеющее доступ к информационной системе и возможность распоряжения цифровым правом, а обязанным лицом – вторая сторона заключенного договора.

В таком случае нарушение субъективного права в относительных правоотношениях совершается носителем обязанности, корреспондирующей данному праву. Абсолютное субъективное право может быть нарушено любым лицом, относительное – только носителем корреспондирующей обязанности.

Вместе с тем следует представить возможное хакерское вмешательство третьего лица в информационную систему с целью ее взлома и перевода цифровых прав в реестре информационной системы другому пользователю информационной системы.

В таком случае утрата цифрового права влечет за собой утрату и содержащихся в нем относительных имущественных прав – утрата кредитором прав, включенных в цифровое право, влечет невозможность исполнения должником своих прав перед кредитором.

В данном случае утрата цифрового права произошла в результате его перевода другому пользователю – в отсутствие волеизъявления обладателя цифрового права произошла утрата легитимационных знаков в информационной системе. Изложенное, безусловно, является причинением вреда имуществу кредитора в виде уменьшения имущества в результате утраты цифрового права.

Относительная природа обязательственных и корпоративных прав предполагает, что они могут быть нарушены только лицом, выступающим носителем соответствующей обязанности, корреспондирующей праву. В таком случае обладателю цифрового права в случае хакерского вмешательства следует обращаться к лицу, обязанному исполнить требование, содержащееся в цифровом праве.

Вместе с тем, в случае хакерского вмешательства, третьим лицом, осуществившим такое вмешательство, может быть любое лицо. Обращение к обязанному по обязательственному или корпоративному праву лицу имеет место быть только в случае, если третье лицо, совершившее хакерское вмешательство, и обязанное лицо совпадут.

Изложенное свидетельствует о том, что в приведенной ситуации нарушены были не имущественные права, входящие в цифровые права, а само цифровое право. Вышеизложенное подтверждает двойственную природу цифровых прав и позволяет прийти к выводу, что цифровое право является абсолютным правом.

Имущественные права, включенные в цифровые права, являются относительными субъективными правами (например, право требовать передачи вещи, выполнения работы и пр.).

Изложенное, безусловно, не может не отразиться на механизме их защиты – способы защиты самого цифрового права и способы защиты относительного субъективного права, включенного в цифровое право, могут отличаться.

Таким образом, сущность цифровых прав заключается в их двойственной природе – с одной стороны, они являются формой фиксации традиционных имущественных прав (обязательственных, корпоративных) в цифровой среде, с другой – обладают признаками самостоятельного объекта гражданских прав, поскольку они обладают рядом особенностей.

Несмотря на то, что цифровые права включают в себя обязательственные и иные права и не являются качественно новым объектом права, поскольку их содержание включает в себя имущественные права, являющиеся традиционными для гражданского права, они обладают иными, помимо вышеуказанной, особенностями, отличающими их от иных объектов гражданских прав.

*Важнейшим признаком цифровых прав является их создание и обращение в информационной системе*⁴⁶. Понятие информационной системы закреплено в Федеральном законе от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». В соответствии со статьей 2 названного закона, информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств.

При этом УЦП могут регистрироваться и обращаются на инвестиционных платформах, под которыми понимаются информационные системы в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, используемые для заключения с помощью информационных технологий и технических средств этой

⁴⁶ Гонгалю Б. М., Новоселова Л. А. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 188.

информационной системы договоров инвестирования, доступ к которым предоставляется оператором инвестиционной платформы.

В то время как ЦФА регистрируются и обращаются в информационных системах, создаваемых на основе распределенного реестра и иных системах. Законодатель применил термин «информационная система», который для целей правового регулирования ЦФА синонимичен термину блокчейн-платформа благодаря применению технологии распределенного реестра (блокчейн)⁴⁷.

Данный признак является отличительной особенностью цифровых прав – вне информационной системы их выпуск и обращение невозможны.

Доступ к информационной системе осуществляется посредством обладания уникальным кодом (п. 7 ст. 4 Закона о ЦФА; ст. 4 Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ), что также является особенностью цифровых прав, отличающих их от иных объектов гражданских прав.

Обязательным условием владения цифровым правом является наличие такого кода – отсутствие уникального кода автоматически означает отсутствие у него и цифрового права. Распоряжение цифровым правом в отсутствие уникального кода также невозможно.

Из этого исходит следующий не менее важный признак цифровых прав - *цифровые права характеризуются наличием записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение*. Удаление данной записи подобно лишению владения цифровыми правами, утрате формальной легитимации цифровых прав. Вместе с тем, данное лишение владения цифровыми правами влечет и утрату возможности осуществлять права, содержащиеся в цифровом праве.

Данная особенность также отличает цифровые права, закрепленные в гражданском законодательстве, от иных объектов гражданских прав.

В научной литературе также широко обсуждается вопрос о более широком круге явлений, подпадающих под категорию «цифровые права». Некоторые ученые

⁴⁷ Kalinina A. E., Inshakova A. O., Goncharov A. I. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT // Studies in Computational Intelligence; Editor Elena G. Popkova. Cham: Springer Science + Business Media, Volume 826. 2019. P. 205–213.

полагают, что цифровые права не сводятся исключительно к УФА, УЦП и гибридным цифровым правам. Так, Е. Ю. Руденко пишет о том, что нельзя согласиться с тем, что термин «цифровые» указывает лишь на способ фиксации прав, поскольку существуют некие виды прав, которые нельзя отнести к традиционным и известным имущественным правам, к примеру, право на аккаунт⁴⁸.

Так, С. Р. Решетняк классифицирует цифровые права по критерию природы их происхождения на следующие:

- цифровые права на цифровое (виртуальное) имущество;
- цифровые права на цифровые активы;
- цифровые права из смарт-контрактов;
- цифровые права, возникающие в результате оказания цифровых услуг⁴⁹.

Цифровые права на цифровое (виртуальное) имущество, по мнению ученого, включают в себя две группы – реальные товары, которые приобретаются онлайн, и виртуальное имущество (предметы или персонажи).

Цифровые активы С. Р. Решетняк разделяет на три группы: формальные (сохраняют связь с создателем (эмитентом в финансовых правоотношениях), которым часто остается автор (инициатор создания), что делает их абсолютно централизованными; б) криптовалюты (эмитируются всеми желающими); в) гибридные имеют смешанную природу. Аналогичной классификации придерживаются Ж. Ю. Юзефович и В. Е. Хазова⁵⁰.

Так, Л. Г. Ефимова предлагает использовать категорию «цифровые активы» в качестве общего понятия, охватывающего все цифровое имущество. К видам цифровых активов ученый относит цифровые финансовые активы и иное цифровое имущество. Под иными цифровыми активами следует понимать любое цифровое имущество, которое прямо не относится к цифровым финансовым активам⁵¹.

⁴⁸ Руденко Е. Ю. К вопросу о понятии цифровых прав как объектов гражданских правоотношений // Гражданское право. 2021. № 4. С. 7–10.

⁴⁹ Решетняк С. Р. Классификация цифровых прав // Вестник экспертного совета. 2021. № 1 (24). С. 97.

⁵⁰ Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е. Цифровые права как объекты гражданских прав // Гражданское право. 2022. № 5. С. 15–18.

⁵¹ Ефимова Л. Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. 2021. № 5. С. 7–20.

Л. В. Санникова и Ю. С. Харитоновы также именуют перечисленные объекты категорией «цифровые активы» и относят к таким объектам токены, криптовалюту, большие данные, доменные имена, виртуальное игровое имущество и проч.⁵². Авторы обращают внимание на нематериальную природу цифровых активов, отмечая, что они являются принципиально новыми.

В. А. Лаптев пишет о том, что цифровые активы могут существовать исключительно в электронной форме в отрыве от материального мира⁵³. Также к отличительным признакам цифровых активов относится их экстерриториальность⁵⁴. О. А. Жданова в качестве признаков цифровых активов выделяет их нематериальный характер, цифровую форму существования (код), а также реальную или потенциальную стоимость⁵⁵.

В научной литературе также для данных объектов предлагается использовать единый термин «цифровые объекты»⁵⁶. И. Г. Морозова, С. И. Курпякова предложили классифицировать цифровые объекты на пять групп в зависимости от вида цифрового объекта:

- 1) цифровое имущество (виртуальное имущество, игровое имущество);
- 2) социальные (цифровые) аккаунты, в том числе в социальных сетях;
- 3) цифровая валюта;
- 4) цифровые результаты интеллектуальной деятельности;
- 5) оказание цифровых услуг (хранение в облачных хранилищах (cloud computing), формирование больших данных (BigData) и пр.)⁵⁷.

⁵² Санникова Л. В., Харитоновы Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М., 4 Принт, 2020. С. 38.

⁵³ Лаптев В. А. Цифровые активы как объекты гражданских прав. С. 201.

⁵⁴ Санникова Л. В., Харитоновы Ю. С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. М., 4 Принт, 2020. С. 39.

⁵⁵ Жданова О. А. Цифровые финансовые активы как инструменты финансирования деятельности компании // Финансы. 2022. № 8. С. 52–57.

⁵⁶ Мефодьева К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России: дис. ... канд. юрид. наук [Mefodyeva K.A. Digital Data as an Object of Civil Law Regulation in Germany, USA and Russia: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences] (in Russian). Moscow, 2019.

⁵⁷ Морозова И. Г., Курпякова С. И. К вопросу о классификации цифровых прав // Хозяйство и право. 2022. № 11. С. 18–28.

При этом предлагается выделить их в отдельную категорию в связи с наличием ряда специфичных признаков – цифровые объекты являются нематериальными, создаются с помощью информационных технологий, совершение сделок с цифровыми объектами возможно только в информационной системе или в сети Интернет⁵⁸.

Е. Н. Абрамова выделяет признаки цифровых объектов, еще не отраженных в системе объектов гражданских прав. Так, цифровые объекты не могут быть ценны в силу физических или химических свойств, они ценны за счет наделения субъектом блага определенной ценностью; цифровые объекты признаются путем формирования записи, удостоверяющей право на них, с помощью средств кодирования; цифровые объекты недоступны к фактическому обладанию, управомоченное лицо имеет доступ к ним посредством кода; также права на объекты обращаются в конкретной информационной системе⁵⁹.

Ж. Ю. Юзефович, В. Е. Хазова под объектами цифровых прав понимают создаваемые в результате использования цифровых технологий нематериальные объекты в виде цифровых кодов и записей, охраноспособные объекты, признаваемые законом в качестве таких объектов либо в силу соглашений субъектов цифровых прав⁶⁰.

Также в научной литературе встречается понятие «цифровое имущество», к которому относят и виртуальное имущество, и социальные сети, и цифровые активы и др.⁶¹ М. А. Рожкова отмечает, что виртуальное по своей сути имущество может существовать исключительно в цифровой форме, в то время как другие объекты, например традиционные результаты интеллектуальной деятельности,

⁵⁸ Кириллова Е. А., Зильфагарзаде Т. Э., Метелев С. Е. Институт цифровых прав в гражданском праве России // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 1. С. 251.

⁵⁹ Абрамова Е. Н. К вопросу о понятии цифрового права как объекта гражданских прав // Юрист. 2023. № 1. С. 54–60.

⁶⁰ Юзефович Ж. Ю., Хазова В. Е. Цифровые права как объекты гражданских прав // Гражданское право. 2022. № 5. С. 15–18.

⁶¹ Левинзон В. С., Митин Р. К. Правовое регулирование виртуального имущества // Закон и право. 2020. № 5. С. 40.

могут существовать как в традиционной форме (например, бумажной), так и в цифровой форме⁶².

В отсутствие теоретического единообразия по вопросу обозначения объектов, существующих в так называемой виртуальной форме, единым термином, категории «токен», «цифровые объекты», «цифровые активы», «цифровое имущество» в научной литературе используются в качестве синонимов. Однако их правовой режим остается вне специального законодательного регулирования. Существующие доктринальные дискуссии о сущности правовой категории «цифровые права» в условиях недостатка соответствующего нормативного материала, способного разрешить спорные вопросы, не уменьшают актуальность необходимости правового регулирования отношений, касающихся цифровых прав. Безусловно, создание полноценной нормативной базы не произойдет мгновенно.

Важно провести разграничение между цифровыми правами в смысле ст. 141.1 ГК РФ и токенами. Токены и цифровые права соотносятся как часть и целое. Вместе с тем, отличительным признаком цифровых прав в Российской Федерации является их *централизованность*, которая не является обязательным признаком токенов. Токены могут обращаться как в централизованной, так и децентрализованной среде.

Обращение цифровых прав в Российской Федерации нельзя назвать децентрализованным, поскольку их выпуск и обращение осуществляются под контролем Банка России по правилам, установленным последним, с участием операторов, им определенных, т. е. в централизованной среде. При этом оборот токенов чаще всего происходит в децентрализованных системах, которым характерны анонимность и неотслеживаемость.

Правовое регулирование цифровых прав в Российской Федерации является уникальным, поскольку они представляют собой отдельную правовую сущность, для которой создан самостоятельный правовой режим. Соотнести имеющиеся в

⁶² Рожкова М. А. Цифровые активы и виртуальное имущество: как соотносится виртуальное с цифровым [Электронный ресурс] // Закон.ру. 2018. 13 июня. URL: https://zakon.ru/blog/018/06/13/cifrovye_aktivy_i_virtualnoe_imuschestvo_kak_sootnositsya_virtualnoe_s_cifrovym (дата обращения: 08.04.2023).

мировой практике классификации токенов с цифровыми правами, признаваемыми в Российской Федерации, представляется затруднительным, поскольку критерии, используемые в мировой практике, и критерии, используемые законодателем в Российской Федерации, не совпадают.

Так, цифровые права не являются средством платежа, соответственно, платежных токенов в Российской Федерации нет. Токены цифровых бумаг/активов могут быть схожи с цифровыми финансовыми активами, включающими возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, прав участия в капитале непубличного акционерного общества и прав требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Утилитарные токены могут быть схожи с утилитарными цифровыми правами, включающими права требовать выполнения работ и (или) оказания услуг непосредственно на платформе.

В российском законодательстве термин «стейблкоин» не используется. Вместе с тем некоторые виды стейблкоинов схожи с цифровыми правами в соответствии с российским законодательством. Так, лицо, которое привлекает финансирование путем выпуска цифровых финансовых активов, может обещать возврат привлеченных денежных средств с привязкой к прибыли какого-то инвестиционного проекта или же актива. Перечень активов, к которым может быть привязан этот тип ЦФА, не ограничен. Это может быть и золото, квадратный метр недвижимости и т.д., что делает похожим ЦФА на стейблкоин.

В январе 2024 года в Государственную думу Российской Федерации был внесён законопроект, относящий к цифровым финансовым активам *«обеспеченные стейблкоины – цифровые активы, которые стремятся поддерживать стабильную стоимость за счет привязки к курсу золота»*⁶³. Их можно будет использовать в качестве средства платежа или иного встречного предоставления за передаваемые товары, выполняемые работы, оказываемые услуги во внешнеторговых контрактах, а также иного способа, позволяющего

⁶³ О внесении изменений в Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [Электронный ресурс]: проект федерального закона № 540256-8. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/540256-8> (дата обращения: 20.07.2025).

предполагать оплату цифровым финансовым активом товаров (работ, услуг) по внешнеторговым контрактам.

Определение, предложенное авторами законопроекта, является достаточно пространным – остается неясным, что понимается под словом «обеспеченные», авторами используется словосочетание «стремятся поддерживать», что также не отвечает принципам правовой определенности, а также не аргументирована целесообразность привязки стоимости стейблкоина исключительно к курсу золота, поскольку проигнорировано наличие иных подходящих активов.

Безусловно, стейблкоины нуждаются в правовом регулировании и «поддаются» правовому регулированию. Учитывая, что в Российской Федерации уже активно развивается регулирование цифровых прав и цифровых валют, стейблкоины не могут остаться без внимания. Вместе с тем, для их правового регулирования возможно применение уже разработанных положений о цифровых правах, но необходимо предусмотреть возможность использования стейблкоинов для осуществления расчетов.

В Российской Федерации для невзаимозаменяемых токенов (NFT-токенов) специальное правовое регулирование также отсутствует. В мае 2022 года в Государственную Думу Российской Федерации был внесен законопроект, согласно которому «невзаимозаменяемый токен уникального цифрового актива в виде невзаимозаменяемых данных, хранящихся в системе распределенного реестра», необходимо признать самостоятельным объектом интеллектуальных прав⁶⁴. Законопроект был отклонен, поскольку порождал неопределенность в правовом регулировании, в связи с чем его реализация могла привести к проблемам в правоприменительной практике, в частности, законопроект не содержал положений, отвечающих на вопрос об относимости токена к определенной категории объектов интеллектуальной собственности.

⁶⁴ О внесении изменений в статью 1225 части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (в части расширения перечня охраняемых результатов интеллектуальной деятельности в виде невзаимозаменяемых токенов): законопроект № 126586-8 // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/126586-8> (дата обращения: 25.05.2024).

Вместе с тем, некоторые гибридные цифровые финансовые активы, включающие утилитарные цифровые права, схожи с невзаимозаменяемыми токенами (NFT-токенами). Утилитарные цифровые права могут включать право требования передачи товара или оказания услуги.

Так, ООО «Холдинговая Компания Интеррос» на платформе Атомайз (первая платформа цифровых финансовых активов (ЦФА), осуществлен выпуск невзаимозаменяемых токенов (NFT-токенов) на три фрески мастерской Рафаэля из собрания Эрмитажа: «Венера и Амур на дельфинах», «Венера и Адонис» и «Венера, вынимающая занозу»⁶⁵. Данные токены являются гибридными цифровыми правами, выпуск которых осуществлен в соответствии с законодательством Российской Федерации под контролем Банка России.

Таким образом, токены, урегулированные законодательством Российской Федерации, условно можно классифицировать по критерию функционального назначения на следующие:

1) *Утилитарные токены* – утилитарные цифровые права, которые предоставляют владельцам права, реализуемые исключительно в рамках платформы;

2) *Токены ценных бумаг/активов* – цифровые финансовые активы, которые включают в себя денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг (с учетом содержания права на них может распространяться законодательство о рынке ценных бумаг); утилитарные цифровые права, включающие право требовать передачи вещи (вещей), право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг; гибридные цифровые права, содержащие вышеперечисленные возможности и права.

3) *Невзаимозаменяемые токены (NFT-токены)* – утилитарные цифровые права или гибридные права, включающие в себя права требовать передачи

⁶⁵ Цифровое наследие : национальный портал [Электронный ресурс]. – URL: <https://цифровое-наследие.рф> (дата обращения: 21.08.2024).

исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности. В Российской Федерации, в отличие от принятой мировой практики, специальное правовое регулирование для невзаимозаменяемых токенов (NFT-токенов) не создано – невзаимозаменяемые токены (NFT-токены) выпускаются и обращаются в качестве утилитарных цифровых прав и гибридных цифровых прав.

Необходимо также отметить, что *стейблкоины* (токены, стоимость которых привязана к той или иной фиатной валюте (доллару или евро) или физическому активу (например, золоту), не имеют специального правового регулирования в Российской Федерации, что, вместе с тем, отличается от мировой практики. Выпуск и обращение стейблкоинов подлежит правовому регулированию, поскольку стейблкоины могут стать востребованным средством платежа в трансграничных расчетах.

В условиях внешнего санкционного давления одним из направлений государственной политики является разработка мер поддержки предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в Российской Федерации⁶⁶. Необходимо отдельно отметить, что цифровые права могут выступать эффективным финансовым инструментом не только на внутреннем рынке РФ, но и во внешнеэкономических сделках, в том числе при использовании цифровых прав в качестве средства платежа.

Так, проект Основных направлений развития финансового рынка на 2024 год и период 2025–2026 годов, подготовленный Банком России, также затрагивает вопрос использования цифровых прав для расчетов, в том числе отмечается необходимость применения ЦФА и УЦП в расчетах в валютных контрактах в рамках экспериментального режима⁶⁷.

Так, Федеральным законом № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закреплена возможность

⁶⁶ Шиткина, И. С. Бизнес современной России: новые проблемы и пути их преодоления // Право и бизнес. 2023. № 3. С. 4.

⁶⁷ Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов : разработаны Банком России // Вестник Банка России. 2024. № 5. С. 3.

использования цифровых прав для трансграничных расчетов⁶⁸. С 11 марта 2024 года и ЦФА, и УЦП могут использоваться в качестве встречного предоставления по внешнеторговым договорам (контрактам), заключенным между резидентами и нерезидентами, которые предусматривают передачу товаров, выполнение работ, оказание услуг, передачу информации и результатов интеллектуальной деятельности, в том числе исключительных прав на них. Например, договоры займа не относятся к внешнеторговым договорам, соответственно, использование цифровых прав для целей займа запрещено. Банк России вправе ввести дополнительные ограничения, однако на сегодняшний день какая-либо информация о планируемых к введению ограничениях отсутствует.

Более того, категория «цифровые права» теперь включена в Федеральный закон от 10 декабря 2023 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле»⁶⁹, в котором теперь определены цифровые права, являющиеся и не являющиеся валютными ценностями. Указанными изменениями также закреплено, что валютные операции с цифровыми правами осуществляются на соответствующих платформах. Таким образом, российский и иностранный контрагенты должны быть зарегистрированы на соответствующей платформе в зависимости от вида цифровых прав. При расчетах один из контрагентов совершает перевод, например, ЦФА, на счет другого контрагента без использования банковских счетов. Далее, контрагент, получивший ЦФА, сможет распорядиться им по своему усмотрению, в частности, продать или оставить себе для получения предусмотренной доходности. Вместе с тем, в соответствии с принятыми изменениями, для трансграничных расчетов могут быть использованы только цифровые права, выпущенные и обращающиеся на российских платформах – информационной системе или инвестиционной платформе. Изложенное, безусловно, является существенным ограничением для иностранных хозяйствующих субъектов. В настоящее время технологическая возможность

⁶⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2024. № 12, ст. 1569.

⁶⁹ О валютном регулировании и валютном контроле : федер. закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).

оборота цифровых прав за пределами РФ отсутствует. В целях достижения поставленных целей и увеличения эффективности принятых изменений следует развить оборот цифровых прав и за пределами РФ.

В связи с развитием цифровых технологий перед правом и государством встает непростая задача – «вписать» новые технологии в правовое регулирование качественно и, разумеется, эффективно. Законодатель также может пойти по пути признания мировых криптоактивов в качестве средства платежа, однако в данном случае результативность такого шага будет зависеть не только от действий Российской Федерации, но и других государств, в частности, принимая во внимание тот факт, что криптоактивы на сегодняшний день не введены в оборот в подавляющем большинстве государств.

Для целей защиты цифровых прав ключевое значение имеет классификация цифровых прав по их содержанию на цифровые права, которые:

- 1) включают в себя корпоративные права;
- 2) включают в себя права, реализуемые исключительно в информационной системе;
- 3) включают в себя права на самостоятельные объекты, существующие независимо от информационной системы.

В рамках современного гражданского права цифровые права, понимаемые как субъективные права требования, предполагающие совершение обязательств в виртуальной форме (таких как предоставление программного обеспечения или организация виртуальной частной сети), обладают существенной правовой особенностью. Их реализация посредством смарт-контрактов осуществляется в автоматическом режиме, без необходимости дополнительных действий со стороны участников правоотношения. Е. Е. Фролова и А. М. Берман к ключевым правовым характеристикам смарт-контрактов относят неизменность установленных сторонами условий, прозрачность исполнения обязательств, необратимость юридических последствий автоматизированного исполнения и прослеживаемость

всех этапов исполнения обязательств⁷⁰. При этом автоматизированное исполнение обязательств представляет собой не случайный процесс, а реализацию заранее определенного алгоритма, детерминированного волеизъявлением сторон гражданско-правового отношения. Ученые также отмечают, что современное состояние правового регулирования обнаруживает существенный пробел в части отсутствия комплексной юридической базы, что требует научного осмысления и последующей законодательной конкретизации в рамках развития цифровых прав.

Цифровые права, которые включают в себя права требования, обязательства по которым подлежат исполнению в материальной форме, требуют создания «моста в реальность». Однако обеспечение соответствия исполненным требованиям, установленным в смарт-контракте, требует дополнительных действий – самоисполнение смарт-контракта в данной части невозможно. В связи с чем для защиты прав обладатель цифровых прав должен учесть это при заключении сделки и предпринять дополнительные действия, направленные на контроль за ходом исполнения обязательств обязанным лицом.

Подводя итог анализу доктринальных подходов, можно сделать следующие выводы.

Цифровые права в российском гражданском праве – это узкоотраслевая законодательная конструкция, не совпадающая с международно-правовой трактовкой цифровых прав как фундаментальных прав человека. Они представляют собой особую категорию имущественных прав, закрепленных в ст. 141.1 ГК РФ и специальных законах.

По своей юридической природе цифровые права включают в себя традиционные обязательственные и корпоративные права (денежные требования, права из ценных бумаг, права требования исполнения обязательств). Их новизна заключается не в содержании, а в комплексной форме фиксации и обращения, которая и определяет их специальный правовой режим.

⁷⁰ Фролова Е. Е., Берман А. М. Способы волеизъявления сторон в условиях цифровой трансформации: актуальные тренды правоприменения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sposoby-voleizyavleniya-storon-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-aktualnye-trendy-pravoprimeneniya> (дата обращения: 20.05.2025).

К специфическим признакам цифровых прав, отличающим их от иных объектов, относятся наличие записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение, выпуск и обращение исключительно в информационной системе по ее правилам, доступ к ним и распоряжение ими осуществляются посредством цифровых идентификаторов (уникальных кодов).

На основании вышеизложенного предлагается следующее определение: цифровые права – это имущественные права, прямо указанные в качестве таковых в законе, характеризующиеся наличием записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение, выпускаемые и обращаемые в информационной системе по правилам информационной системы, доступ к которым осуществляется посредством цифровых идентификаторов.

Сложность выбранной законодателем конструкции приводят к трудностям в правоприменительной практике. Так, например, Ростовский областной суд в определении от 28.07.2025 по делу № 33–11316/2025 отнес криптовалюту – токен USDT (курс указанного токена привязан к курсу доллара США) к цифровым правам, указанным в статье 141.1 ГК РФ⁷¹. Приведенная правовая позиция суда является ошибочной и не соответствует действующему гражданскому законодательству, поскольку криптовалюты, включая USDT, не являются цифровыми правами в соответствии со статьей 141.1 ГК РФ. Отнесение судом токена USDT к цифровым правам, указанным в ст. 141.1 ГК РФ, представляет собой неправомерное расширение пределов действия нормы закона и противоречит системному толкованию положению гражданского законодательства. Данный случай иллюстрирует необходимость четкого разграничения законодательно урегулированных цифровых прав и иных объектов.

Таким образом, дополнение гражданского законодательства положениями о цифровых правах обусловило возникновение новых дискуссий и вопросов, а также сложностей в правоприменительной практике при защите прав, существующих в новой цифровой реальности. Возникает закономерный вопрос о возможности

⁷¹ По делу № 33-11316/2025: определение Ростовского областного суда от 28.07.2025. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.08.2025).

применения традиционного механизма защиты имущественных прав к цифровым правам с учетом их специфических особенностей, ответ на который будет дан в следующих параграфах настоящего исследования.

Глава 2. ЗАЩИТА ЦИФРОВЫХ ПРАВ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБОРОТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

2.1. Теоретико-правовая характеристика защиты цифровых прав

Последние несколько десятилетий, ознаменовавшихся кардинальными трансформациями, убедительно демонстрируют неуклонное изменение мира во многих отношениях. Одним из ключевых факторов, приведших к этим изменениям, является цифровая революция.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что технологии вступили в новый этап развития и обладают способностью трансформировать все сферы жизни общества. Опыт развитых стран также показывает, что процесс цифровизации оказывает положительное влияние на экономику, способствует открытию новых рабочих мест, повышению производительности труда, обеспечивает прозрачность, а также способствует развитию малых и средних предприятий.

Так, по предварительным прогнозам, цифровая экономика в мире продемонстрирует среднегодовой темп роста в 7% с 2023 года по 2028 год, составит 17% ВВП и достигнет 16,5 трлн долларов к 2028 году⁷².

Понятие цифровой экономики представлено в Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации, в соответствии с которой сущность цифровой экономики заключается в том, что она охватывает хозяйственную деятельность и направлена на интенсивное развитие различных видов производств, продаж, оборудования, повышает их эффективность вследствие возможности обработки большого объема данных, использования результатов их обработки, чем отличается от традиционных форм хозяйствования⁷³.

⁷² Global Digital Economy Forecast, 2023 To 2028 [Электронный ресурс] / M. O'Grady, D. Hoffman, I. Jacobs [et al.] // Forrester. 2024. URL: <https://www.forrester.com/report/global-digital-economy-forecast-2023-to-2028/RES181192> (дата обращения: 21.08.2024).

⁷³ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.05.2025).

Цифровая экономика приводит к необходимости использования субъектами гражданского оборота технологий для осуществления своей деятельности лучше, быстрее и иным способом, чем это было ранее. За последние несколько лет появилось много новых компаний и новых способов ведения ими деятельности, новых сфер ведения деятельности.

Более того, в цифровом пространстве все процессы выполняются оперативнее – необходимость физического присутствия сторон сделки или посредника отсутствует, физические передвижения также отсутствуют, в связи с чем логистика также не является необходимой, осуществление платежей также становится оперативнее, а инвестиционные инструменты – удобнее.

Благодаря цифровой экономике появились новые формы инвестирования, не требующие участия посредников, обеспечивающие анонимность субъектов – цифровые финансовые активы и гибридные цифровые права, оборот которых осуществляется в информационной системе, и цифровые утилитарные активы, оборот которых осуществляется на инвестиционной платформе.

Доступность технологий и развитие цифровой экономики порождает новые вызовы. Представляется, что в настоящее время практически все страны в мире стремятся создать такое правовое регулирование, которое бы позволило надлежащим образом защитить права, в частности, цифровые права, которое будет способствовать дальнейшему развитию цифровых прав и их широкому обращению.

Сложно отрицать тот факт, что предпринимательская деятельность является важнейшим элементом рыночной экономики, без которого устойчивое развитие государства не представляется возможным. В целях достижения высоких экономических результатов от государства требуется быстрая адаптация правового регулирования предпринимательской деятельности к новым цифровым реалиям.

Для решения данной задачи потребуется сформировать в Российской Федерации единообразный подход к решению вопросов правового регулирования отношений по поводу цифровых прав, в частности, их защиты.

Общеизвестно, что субъективное право ценно только при условии обеспечения возможности его реализации. Классическим в цивилистике является положение, сформулированное В. П. Грибановым, о декларативной природе субъективного права в отсутствие эффективного механизма его защиты⁷⁴.

Субъективному праву управомоченного лица корреспондирует юридическая обязанность обязанного лица или обязанных лиц, и в случае ее неисполнения «включается» право притязания управомоченного лица, которое, в свою очередь, представляет собой возможность лица обратиться за защитой его нарушенного права.

Своевременная и надлежащая защита прав субъектов гражданского оборота имеет особое значение для государства и общества и напрямую влияет на стабильное развитие экономики и предпринимательства.

Логичным представляется начать с определения содержания дефиниции «защита цифровых прав субъектов гражданского оборота». Решение этой задачи представляется возможным только при определении содержания категории «защита прав».

Отметим, что в гражданском законодательстве РФ легальное понятие «защита прав» не представлено, в связи с чем полагаем необходимым обратиться к позициям, изложенным в научных трудах ученых-правоведов.

Как отмечал С. С. Алексеев, понятие «защита прав» включает в себя деятельность государства, сопряженную с монополией на насилие и принуждение, направленную на контроль исполнения юридических обязанностей, так или иначе связанных с нарушенным правом⁷⁵. Основным признаком данного определения является восстановительный характер защиты прав, выраженный в восстановлении нарушенного права управомоченного лица.

Следует отметить, что выдающимся ученым термин «защита прав» определяется через *цель*, которая должна быть достигнута в результате защиты прав.

⁷⁴ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. 2-е изд., стер. М., 2001. С. 411.

⁷⁵ Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 1. М., 1982. С. 108.

Под целью, в соответствии с толковым словарем С.И. Ожегова, понимается предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить⁷⁶.

Обращаясь к защите прав, лицо, чье право нарушено, безусловно, преследует определенную цель достигнуть определенный результат, поскольку, не имея такой цели, данное лицо бы оставило нарушение его прав без внимания.

И, действительно, одной из таких целей является *восстановление нарушенного права управомоченного лица*, о чем также сказано в статье 1 ГК РФ.

В судебной практике достаточно часто встречается и поддерживается позиция о том, что защита права всегда имеет своей целью его восстановление⁷⁷. Вместе с тем, в судебной практике также имеется правовая позиция, что помимо восстановления права, целью защиты права может выступать компенсация имущественных потерь, которые могут быть достигнуты одновременно⁷⁸.

Возвращаясь к определению, данному С. С. Алексеевым, следует отметить, что в соответствии с данным определением защита права сводится исключительно к деятельности государства, при этом как действующему законодательству, так и юридической науке известны условия для обращения лица, чье право нарушено, к самозащите.

В цивилистической литературе существует несколько подходов к определению понятия «защита прав» – теория деятельности, теория функций и теория мер. В данном случае защита прав определена через понятие деятельности, что характеризует теорию деятельности, которую разделяют многие ученые⁷⁹.

⁷⁶ Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1997. С. 3086.

⁷⁷ По делу № А40-85060/2023 : постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 11.12.2023 № 09АП-73089/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).

⁷⁸ О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).

⁷⁹ Кот А. А. Осуществление и защита субъективных гражданских прав: монография. Харьков, 2019. С. 56.

Теорию деятельности также поддерживал советский ученый Г. П. Арэфьев, который под защитой гражданских прав понимал деятельность государства, направленную на устранение препятствий в осуществлении прав⁸⁰.

А. П. Вершинин включает в содержание понятия «защита прав» юридическую деятельность, которая направлена, во-первых, на ликвидацию явлений, препятствующих реализации права, во-вторых, на пресечение нарушения прав и, в-третьих, восстановление положения, существовавшего до нарушения права⁸¹.

Отметим, что в данное определение не включен существенный признак защиты, выражающийся в отправлении деятельности, направленной на защиту, только уполномоченными на это субъектами.

Однако необходимо отметить, что ученым дано определение термину «защита прав» через определение целей, на достижение которых она направлена. Вместе с тем, полагаем, что ликвидация явлений, препятствующих реализации права и пресечение нарушения прав, соотносятся как часть и целое, поскольку в первую категорию могут входить случаи, когда права фактически не нарушаются, но нуждаются в защите.

Также ученый указывает в качестве цели *пресечение действий, нарушающих право*.

Вместе с тем защита прав может быть направлена на пресечение действий, нарушающих право, *а также создающих угрозу его нарушения*, о чем Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ) сформулирована правовая позиция⁸². Так, гарантирующий поставщик направил уведомление о предстоящем ограничении режима потребления электроэнергии в связи с наличием у потребителя задолженности по оплате, потребитель обратился в суд с заявлением о признании данного уведомления незаконным. ВС РФ указал, что

⁸⁰ Арэфьев Г. П. Понятие защиты субъективных прав // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную и арбитражную защиту. Калинин, 1982. С. 19.

⁸¹ Вершинин А. П. Способы защиты гражданских прав в суде: дис. ... д-ра юрид. наук в форме науч. докл. СПб., 1998. С. 17.

⁸² По делу № 306-ЭС18-20653, А57-25248/2017 : определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.04.2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).

рассматриваемое требование следует квалифицировать в качестве пресечения действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения, являющимся способом защиты, прямо поименованным в абз. 3 ст. 12 ГК РФ.

Таким образом, одной из самостоятельных целей защиты прав является *пресечение действий, нарушающих право, а также создающих угрозу его нарушения.*

Д. Х. Валеев и М. Ю. Чельшев под защитой понимают способ реализации права, обладающий признаком принудительности, который осуществляется в установленном законом порядке уполномоченными на то органами либо самим лицом, чьи права подлежат защите, направленный на восстановление нарушенного права⁸³.

В данном же определении не учтено, что защита прав может быть необходима также в ситуации, когда права не нарушены, но не признаются или оспариваются третьими лицами. В таком случае целью защиты будет выступать устранение правовой неопределенности.

Теория деятельности, разделяемая и поддерживаемая многими учеными-правоведами, находит свое отражение и в трудах С. В. Тычинина, по мнению которого защита гражданских прав представляет собой деятельность со стороны либо управомоченного лица, либо компетентных органов, либо такую деятельность, которая отражает взаимодействие обозначенных лиц, представляет их совокупные усилия, а главная цель данной деятельности выражается в ликвидации преград и трудностей, с которыми субъекты неизбежно сталкиваются в процессе осуществления своих прав⁸⁴.

В вышеизложенном определении автор указал цели, на которые направлена деятельность по защите прав, но далеко не все, в связи с чем определение не может быть признано полным.

⁸³ Валеев Д. Х., Чельшев М. Ю. Гражданско-правовые средства в процессуальном механизме реализации прав граждан и организаций в исполнительном производстве // Исполнительное право. 2009. № 4. С. 13.

⁸⁴ Тычинин С. В. Гражданско-правовые способы защиты прав граждан и организаций при чрезвычайных ситуациях: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1996. С. 90.

По мнению А. Б. Степина, защита гражданских прав – это целенаправленная деятельность в правовой сфере, включающая в себя выбор и реализацию способов защиты, уменьшение рисков наступления негативных последствий, восстановление права, которое было нарушено либо оспорено⁸⁵.

В данном определении отмечена важная деталь – защита прав включает в себя выбор способа защиты права лицом, чьи права нарушены. Защита прав осуществляется путем применения надлежащего способа защиты прав, при этом в случае, если способ выбран ненадлежащий – в защите права будет отказано⁸⁶.

Так, способы защиты гражданских прав установлены в статье 12 ГК РФ, вместе с тем, некоторые из них выработаны в результате правоприменения.

При этом, между достижением целей защиты прав и способов защиты прав существует прямая связь – достижение определенных целей защиты возможно путем применения определенных способов.

Критикуя теорию деятельности, ученые отмечают, что в рамках данной теории происходит подмена понятий – фактически вместо понятия «защита прав» дается определение понятию «реализация (осуществление) защиты прав»⁸⁷.

Здесь также представляется интересной точка зрения А. В. Милькова о том, что деятельность не может составлять понятие защиты права, но в рамках какого-либо аспекта частной научной теории использование такой конструкции допустимо⁸⁸.

Вторым подходом к понятию защиты прав является теория функции, в соответствии с которой определение категории «защита права» дается через функции.

⁸⁵ Степин А. Б. Основные элементы и стадии механизмов защиты гражданских прав: вопросы теории и практики // Российский судья. 2020. № 7. С. 5.

⁸⁶ По делу № А49-12153/2020: определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2023 № 306-ЭС23-16081 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).

⁸⁷ Павлов А. А. Присуждение к исполнению обязанности как способ защиты гражданских прав. СПб., 2001. С. 11.

⁸⁸ Мильков А. В. Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. С. 66.

Так, Т. И. Илларионова под защитой прав понимает функцию гражданско-правовой охранительной системы, проявляющуюся в комплексном применении специальных мер, ориентированных на предотвращение правонарушений, а также на восстановление нарушенных прав или гарантирование создания иных путей их восстановления в иных формах⁸⁹.

Если обратиться к теории государства и права, то под функцией следует понимать основное направление действий субъекта, необходимых для решения стоящих перед ним целей и задач⁹⁰. Иными словами, та или иная функция реализуется только посредством действий (бездействия) субъектов. Таким образом, можно говорить о том, что определение защиты прав, данное через понятие функции, в итоге сводится к действиям (бездействию) субъектов правоотношений, что является основой теории деятельности.

В связи с чем можно заключить, что теория функции не имеет самостоятельного характера, ее обоснование в качестве самостоятельной теории носит спорный характер.

Последней предложенной учеными теорией выступает теория мер, суть которой сводится к представлению защиты прав как специально созданного и существующего инструментария для противодействия нарушениям действующего законодательства⁹¹.

Позиция Н. С. Кузнецовой отражает точку зрения о том, что необходимо подходить к вопросу рассмотрения защиты гражданских прав с позиции определения ее как комплекса мер, закрепленных в законодательстве либо в договорном порядке, направленных на восстановление нарушенных гражданских прав⁹².

Теория мер также подвергается критике со стороны ученых. Так, по мнению Е. В. Измайловой, данная теория является безжизненной и эффективная реализация

⁸⁹ Илларионова Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер // Избранные труды. Екатеринбург, 2005. С. 160.

⁹⁰ Теория государства и права: Курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 2001. С. 16.

⁹¹ Сулейменов М. К. Защита гражданских прав // Избранные труды по гражданскому праву. М., 2006. С. 147.

⁹² Кузнецова Н. С. Защита субъективных гражданских прав и гражданско-правовая ответственность: вопросы соотношения // Защита гражданских прав: Избранные аспекты: сб. ст. М., 2017. С. 91.

защитных целей невозможна без инициативы со стороны лиц, осуществляющих соответствующие необходимые действия⁹³.

В. В. Храмушин обращает внимание, что рассмотрение определения «защита прав» через понятие мер неверно определяет объект воздействия. Субъективное право не может являться объектом воздействия, т.к. его источником является норма права, а не волевое поведение субъекта⁹⁴.

Для обеспечения защиты прав необходимо активное участие самого лица, заинтересованного в их защите, путем реализации конкретных средств, и именно через такие действия становится возможным достижение желаемого результата – восстановление нарушенных прав и т.д.

Таким образом, изложенное свидетельствует о том, что теория мер является дополнением к теории деятельности и также не обладает самостоятельным характером.

Считаем необходимым отметить, что три обозначенных подхода к понятию защиты прав являются более чем условными. Далее по тексту настоящего исследования будут рассмотрены точки зрения, которые не могут быть отнесены ни к одной из вышеперечисленных теорий.

Так, Н. П. Асланян полагает, что обозначенные подходы не задают конкретного пути и не являются определяющими при определении подхода к понятию защиты субъективных гражданских прав, так как они не находят единогласной поддержки среди ученых, а зачастую понимание гражданско-правовой защиты формируется без ссылки на данные теоретические положения⁹⁵.

Наиболее логичным представляется вывод о том, что каждая из предложенных теорий раскрывает часть признаков защиты прав как многогранного явления. Теоретико-правовые подходы к защите прав требуют синтеза

⁹³ Измайлова Е. В. Защита гражданских прав: подходы к пониманию // Пролог: журнал о праве. 2018. № 2. С. 9.

⁹⁴ Храмушин В. В. Защита конституционных прав граждан в арбитражном процессе: предпосылки, сущность и формы // Вестник СГЮА. 2016. № 4 (111). С. 249.

⁹⁵ Асланян Н. П. Основные проблемы разработки современного учения о защите гражданских прав // Защита частных прав: проблемы теории и практики: междунар. науч.-практ. конф., г. Иркутск, 12–20 апр. 2012 г.: материалы конф. Иркутск, 2012. С. 9.

применительно к цифровым правам, поскольку защита невозможна без активных действий управомоченных субъектов (теория деятельности), требует конкретных юридических инструментов (теория мер) и должна обеспечивать баланс между автономией воли сторон и государственным контролем (функциональный аспект).

При этом следует отметить, что теория деятельности и теория мер наиболее часто разграничиваются учеными в области гражданского права и процесса. Также встречаются предложения об объединении двух вышеуказанных теорий в рамках категории «защита прав».

Так, Н. В. Остапанюк рассматривает защиту прав как приведение в жизнь средств (фактических и/или юридических), отраженных в законе, органами, наделенными необходимой компетенцией, или лицом, обладающим субъективным правом, в рамках правоотношений, результатом коих должно выступить признание (восстановление) гражданских прав, оспариваемых, нарушаемых или отвергаемых альтернативными способами со стороны различных лиц, выступающих в качестве правонарушителей или правопосягателей⁹⁶.

В данном определении ученый, определяя защиту прав через цели, не указал все цели защиты прав – в частности, пресечение действий, нарушающих права или создающих угрозу его нарушения. Более того, средства защиты, под которыми ученый понимает способы защиты права, могут быть не отражены в законе, а могут быть выработаны в судебной практике.

В. В. Болгова понимает под защитой прав действительное восстановление права, которое было нарушено, или охраняемого нормами права интереса, либо предотвращение допущения такого нарушения, реализуемое в установленной законодателем форме и при помощи определенных средств⁹⁷.

В вышеприведенном определении во главу угла ставится цель защиты прав, которая заключается в предотвращении угрозы нарушения прав и восстановлении нарушенных прав.

⁹⁶ Остапанюк Н. В. Понятие и формы защиты гражданских прав. Особенности нотариальной защиты гражданских прав // Юрист. 2006. № 4. С. 20.

⁹⁷ Болгова В. В. Формы защиты субъективного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2000. С. 23.

Некоторые ученые, действительно, основным признаком защиты прав полагают цель⁹⁸.

Ученые, давая определение защите прав, единогласны в обязательной нацеленности защиты прав на определенный результат, которым выступает конечная цель в виде создания состояния защищенности прав либо возможности их защищенности. При этом результат может быть достигнут только в ходе совершения определенных действий (бездействия) лица, чье право нарушено и требует защиты или уполномоченных органов.

Описанное позволяет прийти к выводу, что эффективность защиты измеряется результатом, поскольку без него нельзя заявлять, что защита состоялась – в таком случае она считается неосуществленной. При таких условиях теория мер не претендует на статус валидной в силу того, что защита прав не ограничивается одним лишь абстрактным набором методов защиты в отсутствие активных действий со стороны уполномоченных субъектов.

Н. С. Малеин под защитой прав понимал «систему юридических норм, направленных на предупреждение правонарушений и устранение последствий правонарушений»⁹⁹. Вместе с тем, в дальнейшем ученый придерживался мнения, что защита права выступает в качестве процедур, отраженных в законе, применяемое не в качестве превентивной меры, а лишь уже после факта совершения правонарушениями лицами, нарушающими права, подлежащие защите¹⁰⁰.

Это определение акцентирует внимание на еще одной цели защиты права – *устранение последствий его нарушения*. На устранение последствий нарушения прав направлен, в частности, такой способ защиты прав, как возмещение убытков, возникших в результате нарушения исключительного права (ч. 1 ст. 1252 ГК РФ).

Е. В. Михайлова выражает точку зрения, согласно которой защита гражданского права – процессуальное правоотношение, включающее в себя совокупность процедур, осуществляемых уполномоченным органом (судом) или

⁹⁸ Сакун О. В. К вопросу о понятии категории «Защита гражданских прав и законных интересов» // Сибирский юридический вестник. 2011. № 1. С. 68.

⁹⁹ Малеин Н. С. Гражданский закон и право личности. М., 1981. С. 192.

¹⁰⁰ Малеин Н. С. Охрана прав личности советским законодательством. М., 1985. С. 18–19.

таким лицом совместно с участниками юридического спора, итогом которого выступает реализация права, обеспеченная со стороны государства¹⁰¹.

А. П. Сергеев акцентирует внимание на процессуальной составляющей категории «защита гражданских прав», подчеркивая, что она реализуется должным образом в соответствии с предусмотренными законом формами, способами и средствами¹⁰².

М. А. Рожкова разделяет позицию, что «защита прав (трудовых)», с точки зрения рассмотрения ее как юридической категории, охватывает собой компоненты (материальные и процессуальные), находящиеся в постоянном взаимодействии друг с другом. К материальным ученый относит способы защиты, а процессуальным – формы защиты¹⁰³.

Нельзя не согласиться с тем, что защита прав должна реализовываться в определенной форме и надлежащими способами.

Объемное определение защиты прав дано Ю. Н. Андреевым. Так, по его мнению, термин «защита субъективных гражданских прав» подразумевает под собой совокупность действий (как юридических, так и фактических), которые осуществляет управомоченное лицо в рамках осуществления неюрисдикционной формы защиты (самозащита), с учетом действующего законодательства в процессе состояния такого лица в охранительных правоотношениях, в частности с возможностью предъявления различных требований к другому лицу, выступающему вторым участником ранее обозначенных правоотношений и образующим совместно субъектные связи, а также действия юридического характера со стороны государства в лице своих органов и должностных лиц, применяющих средства и способы защиты, предусмотренные действующим законодательством, в установленной форме, основанные на принципах гражданского права.

¹⁰¹ Михайлова Е. В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные): дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 80.

¹⁰² Гражданское право. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. 2001. С. 291.

¹⁰³ Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / Ю. Н. Алферова, Ю. В. Байгушева, Ю. В. Виниченко [и др.]; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. М., 2017. С. 253.

Теоретик фокусирует внимание на результате, который должен быть достигнут в рамках реализации защиты: предотвращение потенциальных правонарушений (гражданских) и пресечение тех, которые находятся в стадии совершения; восстановление уже нарушенных прав; создание необходимых условий для возможности эффективной реализации прав; происходит усиление основ правопорядка, закрепленного в Конституции РФ¹⁰⁴.

Такая цель, как создание необходимой возможности для эффективной реализации прав является составной частью таких целей, как пресечение правонарушений и восстановление нарушенного права, в связи с чем необходимость выделять ее в качестве самостоятельной цели полагаем, что отсутствует.

Усиление основ правопорядка, закрепленного в Конституции РФ, непосредственно не связано с защитой определенных субъективных гражданских прав конкретного лица, в связи с чем данная цель не является целью защиты субъективных гражданских прав.

Вместе с тем, усиление основ правопорядка и гарантированность защиты прав субъектов предпринимательской деятельности, обеспеченная государством, выступает определяющим условием экономического развития России и ее привлекательности для инвесторов. При этом права субъектов предпринимательской деятельности подлежат защите наравне с правами иных субъектов предпринимательской деятельности.¹⁰⁵

Итак, по результатам анализа содержания понятий «защита прав», имеющих в цивилистической науке, установлено, что цель является определяющим признаком защиты прав и представляет собой конечный результат, достигаемый посредством применения соответствующего способа защиты прав. Цели защиты прав корреспондирует конкретный способ защиты прав, который

¹⁰⁴ Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты. М., 2010. С. 145.

¹⁰⁵ Сычев П. Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: дифференциация по предмету или субъекту? // Закон. 2020. № 2. С. 132.

направлен непосредственно на достижение данной цели. Выбор способа осуществляется лицом, чьи права подлежат защите.

Защита прав направлена на достижение конечного результата, в связи с чем имеет определенные цели, к которым относятся восстановление положения, существовавшего до нарушения права, пресечение действий, нарушающих право либо создающих угрозу нарушения права, устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон, а также устранение последствий нарушения права.

Как было установлено ранее, цифровым правам присущи особенности, к которым относятся обращение цифровых прав в рамках информационной платформы, а также предоставление доступа к цифровым правам посредством определенного кода доступа.

В любом случае, в действующем законодательстве должны быть установлены способы защиты цифровых прав, применение которых позволит защитить нарушенное право.

Таким образом, в результате проведенного анализа выявлены основные признаки защиты прав, к которым относятся: осуществление уполномоченными субъектами; деятельность (действие/бездействие); осуществление в предусмотренной законом форме посредством применения установленных в законе или выработанных в результате правоприменения способов; применение в ответ на негативное воздействие на права или при наличии правовой неопределенности; направленность на достижение определенных целей.

Под защитой цифровых прав субъектов гражданского оборота следует понимать деятельность, осуществляемую управомоченным субъектом гражданского оборота либо уполномоченными органами в предусмотренной законом форме с применением предусмотренных законом способов, возникающую в связи с негативным воздействием на цифровые права субъекта гражданского оборота или при наличии правовой неопределенности, направленную на достижение целей защиты.

Представленное толкование термина «защита цифровых прав субъектов гражданского оборота» в полной мере раскрывает его значение и отражает основную идею.

При этом при защите цифровых прав существует целый ряд процессуальных особенностей выбора лицом надлежащих формы и способов защиты, которые, между тем, тесно взаимосвязаны между собой.

Логическим продолжением данного анализа является определение форм и способов защиты цифровых прав, которые будут рассмотрены далее с учетом всех установленных особенностей цифровых прав.

При этом обязательное достижение цели защиты прав (либо их совокупности) является необходимым условием для вывода о надлежащем характере избранного способа защиты гражданских прав.

2.2. Юрисдикционные и неюрисдикционные формы защиты цифровых прав

Гражданско-правовые споры подлежат разрешению в судебном порядке, при этом споры, возникающие по поводу цифровых прав в понимании текущего регулирования, не являются исключением. Цифровые права представляют собой имущественное благо и относятся к категории объектов гражданских прав. Оборота объекта происходит путем заключения гражданско-правовых договоров.

Как следует из Закона о ЦФА, выпуск ЦФА происходит на основании решения о выпуске ЦФА, в котором может быть указано о сделках, которые предусматривают исполнение обязательств без дополнительного волеизъявления сторон. Законодатель таким образом именует так называемые смарт-контракты.

Записи о ЦФА могут быть внесены в информационную систему индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами (коммерческими и некоммерческими организациями) (статья 2 указанного закона).

При этом сделки с ЦФА совершаются оператором обмена ЦФА (статья 10 Закона о ЦФА). Требования к операторам обмена ЦФА устанавливаются нормативными актами Банка России. Требования к пользователям

информационной системы, к которым относятся лицо, выпускающее ЦФА, инвестор, оператор обмена ЦФА, номинальный держатель ЦФА, содержатся в правилах этой системы (ч. 3 ст. 5 Закона о ЦФА).

В инвестиционной сделке принимают участие инвестор, потенциальный получатель инвестиций, оператор обмена и оператор информационной системы и, соответственно, заключаются четыре гражданско-правовых договора: между инвестором и оператором обмена с целью поиска получателя инвестиций, между потенциальным получателем инвестиций и оператором обмена с целью поиска инвестора, договор купли-продажи ЦФА, а также договор между оператором информационной системы и оператором обмена. При этом оператор обмена и оператор информационной системы могут совпадать в одном лице, в таком случае количество заключаемых гражданско-правовых договоров сокращается до трех.

Оператором информационной системы и оператором обмена могут быть только юридические лица, личным законом которых является российское право. Вместе с тем остальные участники оборота цифровых финансовых активов могут являться иностранными юридическими и физическими лицами.

Несмотря на допущение участия иностранных лиц в обороте ЦФА, Закон о ЦФА содержит императивную коллизионную норму, однозначно разрешающую вопрос о применимом праве. В соответствии с частью 5 статьи 1 Закона о ЦФА, к отношениям, возникающим при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов на территории Российской Федерации, подлежит применению российское право независимо от гражданско-правового статуса участников таких отношений, в том числе при наличии иностранного элемента.

Указанная законодательная конструкция представляет собой классический пример односторонней коллизионной нормы императивного характера, которая исключает возможность выбора применимого права сторонами соглашения (автономию воли) в данной сфере. Таким образом, законодатель, вводя специальное регулирование ЦФА, сознательно установил экстерриториальное действие национального материального права в целях обеспечения правовой

определенности, единства правового режима и суверенного контроля над обращением ЦФА, выпущенных в рамках российской юрисдикции.

Ключевым критерием для определения подсудности споров, связанных с оборотом ЦФА, а также установленных Законом о ЦФА гибридных цифровых прав, является характер спорных правоотношений и субъектный состав их участников.

Экономический характер спора (осуществление предпринимательской или иной экономической деятельности) и субъектный состав участников спора (субъекты предпринимательской деятельности) являются основанием для отнесения дела по данному спору к подсудности арбитражных судов Российской Федерации, за исключением участия в данных отношениях физических лиц¹⁰⁶. Споры с участием физических лиц подсудны судам общей юрисдикции (статья 22 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации)¹⁰⁷.

Говоря о возможности защиты прав при обращении к третейскому разбирательству, стоит отметить, что подсудность споров может быть выбрана участниками гражданско-правового договора на основании соглашения (договорная подсудность).

Создание специализированных третейских судов или коллегий в существующих арбитражных институтах направлено на повышение эффективности рассмотрения споров и учет специфики рассматриваемых дел. В 2018 году создана коллегия по спорам в сфере цифровой экономики Арбитражного центра при Российском союзе промышленников и предпринимателей, к компетенции которой отнесены, в том числе, споры, возникающие при обращении цифровых прав¹⁰⁸.

Однако автономия воли сторон может иметь определенные законодательные ограничения, в частности, для обеспечения прав и охраняемых законом интересов участников гражданского оборота.

¹⁰⁶ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.03.2024).

¹⁰⁷ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.03.2024).

¹⁰⁸ Коллегия по спорам в сфере цифровой экономики. Арбитражный центр при РСПП. URL: <https://arbitration-rspp.ru/about/boards/digital-disputes/> (дата обращения: 05.07.2024).

Так, М. И. Брагинский и В. В. Витрянский отмечают, что императивные нормы, которые свидетельствуют о публичном начале в гражданском праве, призваны защищать публичные интересы и существо законодательного регулирования¹⁰⁹. Императивные нормы свидетельствуют о наличии в правоотношениях элемента публичности.

Закон о ЦФА содержит императивную норму о применении к отношениям сторон, регулируемым положениями Закона о ЦФА, российского права, что может свидетельствовать о том, что такие отношения нельзя полностью относить к частным.

На это, в частности, указывает В. Д. Туктамышев. Ученый пишет о том, что наличие императивных норм в законодательстве, регулирующем оборот цифровых прав, говорит о преобладании публичных начал в правоотношениях. В связи с чем ученый приходит к выводу о том, что споры по поводу цифровых прав не подлежат передаче на рассмотрение третейского суда¹¹⁰. Публичность правоотношений может свидетельствовать о том, что при возникновении споров, связанных с оборотом ЦФА в соответствии с Законом о ЦФА, такие споры подлежат разрешению в государственных органах в порядке, предусмотренном российским законодательством.

Однако в противовес представленной точке зрения можно сказать о том, что указание на применимое право свидетельствует исключительно об императивности применения материального права, на основании которого подлежит разрешению спор, а не о запрете заключения сторонами соглашения о договорной подсудности.

Анализ Закона о ЦФА позволяет прийти к выводу, что данный нормативный правовой акт регламентирует исключительно применимое к правоотношениям, складывающимся по поводу ЦФА, право. Вместе с тем Закон о ЦФА не содержит прямых указаний на подсудность споров, вытекающих из оборота цифровых финансовых активов, что создает правовые основания для заключения участниками

¹⁰⁹ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. 3-е изд., стер. М., 2011. С. 105.

¹¹⁰ Туктамышев В. Д. Арбитрабельность споров с цифровой валютой // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 5. С. 5.

гражданского оборота, связанными с ЦФА, соглашений о подсудности. Такие соглашения, заключаемые в письменной форме, позволяют сторонам определить компетентный суд для разрешения потенциальных споров, что способствует повышению предсказуемости и стабильности гражданского оборота ЦФА.

Споры, имеющие гражданско-правовой характер, подлежат разрешению посредством третейского разбирательства, что соответствует природе гражданских правоотношений и основано, в том числе, на принципе свободы договора.

Однако нельзя не согласиться с тем, что в регулировании цифровых прав имеется публичный интерес в контроле отношений, складывающихся по поводу цифровых прав, что обусловлено их взаимосвязью с финансовой деятельностью государства¹¹¹.

Под контролем государства находится оборот цифровых прав (внесение записей о цифровых правах), общественные отношения, возникающие в сфере создания и функционирования информационных систем (в частности, деятельность операторов таких систем), общественные отношения в рамках осуществления Банком России контрольно-надзорной деятельности в данной сфере и др. В связи с публично-правовым характером перечисленных отношений можно сделать вывод о том, что споры из вышеуказанных отношений подлежат рассмотрению в государственных судах.

В связи с наличием публичного интереса в регулировании цифровых прав в цивилистической науке встречаются предложения о формировании нового института – публичного цифрового финансового права¹¹².

Вместе с тем, следует отметить, что рассмотрение споров, возникающих из публичных правоотношений, связанных с цифровыми правами, относится к компетенции государственных судов, что не исключает третейское разбирательство

¹¹¹ Financial Law As A Public Law Branch: A Fresh Look At The Signs of Publicity / Tsindeliiani I.A., Bit-Shabo I. V., Selyukov A. D. [et al.] // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. 2019. Т. 22. № 55. Р. 12.

¹¹² Прошунин М. М. Публичное фондовое и деривативное право как институт финансового права // Вестник Российского университета дружбы народов. 2019. Т. 23, № 4. С. 540.

в отношении гражданско-правовых споров, вытекающих из правоотношений по поводу цифровых прав.

Необходимо отдельно отметить, что заключение сделок на иных площадках, операторы которых не включены в реестр операторов информационных систем, не подпадает под действие российского правового регулирования и лишает участников сделки права на обращение за защитой в суды Российской Федерации.

Так, например, Санкт-Петербургский городской суд в определении от 23 марта 2023 года, оставляя без изменения решение суда первой инстанции об отказе в удовлетворении требований истца о взыскании неосновательного обогащения, отметил, что: «... данная компания обладает статусом иностранной платформы, владельцем которой является лицо, личным правом которого не является право РФ. Поскольку продажа криптовалюты ответчиком осуществлялась посредством электронной платформы *LocalBitcoins*, которая зарегистрирована в Финляндии, личным законом организации является право Финляндии, а потому использование такой площадки для цели оборота цифровой валюты между гражданами РФ, для которых личным законом является право РФ, не позволяет прийти к выводу о том, что порядок приобретения и отчуждения цифровой валюты отвечает законодательству России, а потому сделка, которая подтверждена данными такой платформы, не может считаться заключенной в отношении цифровой валюты по тому смыслу, который в него вкладывается ст.ст. 128, 141.1 ГК РФ, Федеральным законом от 31 июля 2020 года N 259-ФЗ. Кроме того, ответчиком не представлено доказательств, что указанная организация включена в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов в РФ»¹¹³.

В другом гражданском споре прокурор, действуя в интересах ФИО, обратился в суд с иском о взыскании неосновательного обогащения, в обоснование которого указал, что Отделом по расследованию преступлений на территории Следственного управления МВД России возбуждено уголовное дело по признакам преступления,

¹¹³ По делу № 33-6505/2023 : определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.03.2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2025).

предусмотренного частью 4 статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации, по факту хищения путем обмана принадлежащих ФИО денежных средств на сумму 1 130 000 рублей. В рамках расследования данного уголовного дела было установлено, что потерпевшая ФИО под действием обмана и злоупотребления доверия, перевела на расчётный счёт ответчика 1 130 000 рублей. Вместе с тем, оснований для получения указанных денежных средств ответчик не имел, что указывает на наличие его неосновательного обогащения за счёт ФИО.

Оренбургский областной суд поддержал суд первой инстанции, решением которого в удовлетворении исковых требований прокурора было отказано, мотивируя это следующим: *«ФИО, заключая сделку на бирже Бинанс, которая не использует объекты российской информационной инфраструктуры и не включена в реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, то есть совершая сделку, которая носит спекулятивный и повышенный характер риска, должен был предполагать как риски не получения оплаты от покупателя цифровой валюты, так и риск её продажи лицу, которое не производило оплату за цифровую валюту»*¹¹⁴.

Суды последовательно отказывают в защите прав участников сделок, совершенных через незарегистрированные платформы, квалифицируя такие операции как «заведомо рискованные». Совершение сделок через такие платформы влечет за собой ряд рисков, в частности, отказ в удовлетворении требований, направленных на защиту нарушенных прав. В Российской Федерации защите подлежат только сделки, совершенные на централизованных платформах, предметом которых являются цифровые права.

Вторым видом цифровых прав являются УЦП. Для выпуска УЦП эмитент заключает договор об оказании услуг по привлечению инвестиций с оператором инвестиционной платформы. Между инвестором и оператором инвестиционной платформы заключается договор об оказании услуг по содействию в инвестировании. Между инвестором и эмитентом УЦП также может быть заключен

¹¹⁴ По делу № 33–3520/2025 : определение Оренбургского областного суда от 17.06.2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2025).

договор инвестирования. Таким образом, оборот УЦП включает в себя три договора, заключаемых между тремя участниками оборота.

Возвращаясь к вопросу применимого к указанным правоотношениям права, следует отметить, что вопрос о его выборе возникает в случае, если правоотношения осложнены иностранным элементом.

Оператором инвестиционной платформы в соответствии с положениями Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ (статья 1) является российское юридическое лицо. Лицом, привлекающим инвестиции, может быть юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, созданные в соответствии с законодательством РФ.

Из буквального толкования вышеуказанных положений следует, что правом оператора инвестиционной платформы и правом лица, привлекающего инвестиции, является российское право. Вместе с тем, инвестором могут выступать иностранный гражданин или иностранное юридическое лицо, личным правом которых не является российское в отличие от двух вышеуказанных субъектов.

Несмотря на отсутствие прямого указания на применимое право непосредственно в вышеуказанном законе полагаем, что к правоотношениям участников оборота УЦП применимым правом будет являться российское право.

Так, выпуск УЦП осуществляется в рамках инвестиционной платформы, равно как и оборот УЦП. При этом деятельность оператора инвестиционной платформы регулируется российским правом.

Так, положения статьи 454 ГК РФ устанавливают основы регулирования договора купли-продажи и применяются к цифровым правам. Согласно статье 1211 ГК РФ к договору купли-продажи применяется право страны, где находится место основной деятельности продавца. Таким образом, учитывая, что эмитентом является российское юридическое лицо или индивидуальный предприниматель, то даже в случае, если инвестором является иностранное лицо, применению к возникающим отношениям подлежит российское право.

Возможность обращения за защитой нарушенных цифровых прав – УЦП – к судебной форме защиты подтверждается судебной практикой¹¹⁵. Судом по делу № А40-182321/2024 было установлено, что между индивидуальным предпринимателем Поповым М. А. и инвесторами был заключен договор инвестирования (займа) от 15 февраля 2024 года № 2311. Заключение Договора осуществлялось посредством функционала инвестиционной платформы ФИНИН, размещенной в сети Интернет по адресу: <https://инвестиции-в-госзакупки.рф>, осуществляющей деятельность согласно положениям Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ. ООО «ФИНИН-К» является оператором инвестиционной платформы ФИНИН (внесено в реестр операторов инвестиционных платформ Банком России). В свою очередь заемщик свои обязательства по возврату суммы займа и процентов не исполнил надлежащим образом, что привело к образованию задолженности. В соответствии с разделом 8 Общих условий предоставления займов через систему ФИНИН-К, в случае, если просрочка обязательств Заемщика по возврату суммы займа, определенного в Оферте, достигнет 14 (четырнадцати) календарных дней, то права требования Займодавца о возврате суммы займа, процентов, повышенных процентов, штрафов, как начисленных по состоянию на момент уступки, так и все, которые будут начислены в будущем, на 15 (пятнадцатый) календарный день автоматически переходят к Компании (ООО «ФИНИН-К»), без подписания отдельного соглашения об уступке прав, в связи с чем на момент рассмотрения дела единственным кредитором ответчика являлось ООО «ФИНИН-К». Арбитражным судом г. Москвы исковые требования ООО «ФИНИН-К» к ИП Попову М.А. о взыскании суммы основного долга по договору инвестирования (займа), процентов, неустойки были удовлетворены.

¹¹⁵ По делу № А40-182321/2024 : решение Арбитражного суда города Москвы от 23.12.2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2025); по делу № А40-11979/2024 : решение Арбитражного суда города Москвы от 24.07.2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2025); по делу № А56-113644/2023 : решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21.03.2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.06.2025).

Необходимо отметить, что в отношении УЦП судебные дела преимущественно связаны с неисполнением обязательств одной из сторон сделки (например, невозврат займа). По таким делам суды признают действительность таких прав и обеспечивают их защиту.

В литературе существует два подхода к вопросу о необходимости создания иных (помимо традиционных) форм защиты цифровых прав, учитывая особую природу прав, обращение которых происходит на блокчейн-платформе.

Сторонники первого подхода настаивают на достаточности традиционных институтов для разрешения споров, возникающих по поводу цифровых прав¹¹⁶, сторонники же второго подхода предлагают для разрешения споров применять особый механизм решения споров, основанный на технологии блокчейн, – блокчейн-арбитраж¹¹⁷.

Блокчейн-арбитраж может быть достаточно эффективной формой защиты прав участников гражданских правоотношений, признаками которых является неперсонифицированность, анонимность, децентрализованность, положение вне контроля государства.

Н.С. Бочарова выделяет on-chain и off-chain арбитраж, первый подразумевает использование технологических решений, при которых решение арбитража исполняется автоматически посредством смарт-контракта; off-chain близок к традиционному арбитражу и не имеет преимуществ автоматического исполнения решения¹¹⁸.

При совершении сделок посредством блокчейн-платформы стороны могут использовать частные инструменты рассмотрения возможных споров. Участники

¹¹⁶ De Filippi P., Wright A. Blockchain and the Law: The Rule of Code. Cambridge, 2018; Holden R., Malani A. Can Blockchain Solve the Holdup Problem in Contracts // University of Chicago Coase-Sandor Institute for Law & Economics. Working Paper. 2018. N 846; Allen D., Poblet M. The Governance of Blockchain Dispute Resolution. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3334674 (дата обращения: 04.07.2023).

¹¹⁷ Qin M. The Arbitrage Strategy for Cryptocurrency: Principle and Feasibility Based on Blockchain Technology. Conference Paper. Jan, 2023. P. 24.

¹¹⁸ Бочарова Н. С. Защита цифровых прав // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сборник докладов на I Международной научной конференции памяти М. К. Треушников (Москва, 9 февраля 2022 г.) / под ред. В. В. Молчанова. М., 2022. С. 63.

вправе обратиться к внешним проектам, реализуемым на основании технологии блокчейн, к примеру, к Kleros, Juris. В данных системах споры разрешаются независимыми участниками платформы, которые голосуют анонимно. При этом решение исполняется автоматически¹¹⁹.

Их ключевой особенностью является отсутствие централизованного оператора — они функционируют как децентрализованные автономные организации, управляемые сообществом владельцев собственных токенов через консенсусные процедуры. Наиболее известным примером является протокол Kleros, который представляет собой полноценную децентрализованную судебную систему¹²⁰. Его работа основана на случайном выборе арбитров из пула лиц, внесших залог в виде токена. Арбитры анонимно анализируют представленные доказательства и голосуют, а решение исполняется автоматически через смарт-контракт. Экономический механизм стимулирования честности включает вознаграждение для арбитров, голосовавших с большинством, и штрафные санкции для тех, чьи решения противоречат итоговому вердикту.

Платформа Jur нацелена на создание комплексной децентрализованной правовой системы, которая включает не только арбитраж (Juris Arbitration), но и инструменты для формирования децентрализованных организаций и цифровых соглашений¹²¹. Проект изначально развивался коммерческой организацией, но постепенно переходит к модели сообщества с использованием токена JUR для управления и арбитражных функций.

Возникновение и развитие децентрализованных систем разрешения споров отражает общую тенденцию формирования транснациональных цифровых правовых режимов, функционирующих поверх традиционных юрисдикций. Их ключевыми преимуществами являются оперативность, снижение транзакционных

¹¹⁹ Засемкова О. Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов // *Lex russica*. 2020. № 4. С. 9; Карпова Ю. С. Разрешение споров с использованием технологии блокчейн: опыт Kleros // *Евразийский юридический журнал*. 2023. № 5. С. 113.

¹²⁰ Kleros: справедливый и быстрый арбитраж для всего [Электронный ресурс] : децентрализованная платформа арбитража на базе блокчейн. URL: <https://kleros.io/> (дата обращения: 07.07.2024).

¹²¹ ArbitrationLaw.com: Online Resource for International Arbitration [Электронный ресурс] // ArbitrationLaw. URL: <https://arbitrationlaw.com/> (дата обращения: 07.07.2024).

издержек, автоматизированное исполнение решений и глобальная доступность. Вместе с тем они порождают новые вызовы, связанные с определением их правового статуса, обеспечением гарантий беспристрастности и защиты прав сторон, особенно в контексте принудительного исполнения решений за пределами блокчейн-среды.

Разрешение споров на блокчейн-платформах представляется перспективным только в случае автоматического исполнения решения такого арбитража. При отсутствии автоматического исполнения решения возможность его принудительного исполнения отсутствует ввиду отсутствия соответствующего правового регулирования, в связи с чем обращение к такой форме защиты прав не оправдывает целей защиты прав ввиду недостижимости результата.

Более того, для формирования такой формы защиты прав необходим целый пласт правового регулирования – состав арбитров, возможность заявления отвода арбитрам и так далее. В связи с изложенным полагаем в настоящее время в Российской Федерации блокчейн-арбитраж еще не сформирован для его определения в качестве самостоятельной формы защиты прав.

Юрисдикционная форма защиты включает в себя, помимо судебной, и внесудебные формы – административную форму и третейское разбирательство.

Некоторые ученые также к одной из юрисдикционных форм защиты прав относят электронное правосудие. По мнению А. В. Аносова, под электронным правосудием следует понимать способ и форму осуществления участниками судопроизводства процессуальных действий с использованием информационных технологий¹²².

Так, Л. В. Борисова, в свою очередь, отмечает, что электронное правосудие представляет собой совокупность различных автоматизированных информационных систем, предоставляющих возможность для совершения всех

¹²² Аносов А. В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 78.

имеющих для этого необходимую правовую основу процессуальных действий в электронной форме¹²³.

В то же время, далеко не все ученые разделяют точку зрения о формировании новой формы защиты прав. Ставя под сомнение возможность существования электронного правосудия, ученые отмечают, что содержание правосудия не меняется – меняется лишь форма¹²⁴.

Действительно, применение цифровых технологий не может породить новую форму защиты прав – судебная защита прав относится к традиционным формам защиты прав, и применение цифровых технологий при обращении к ней не делает ее новой формой защиты прав.

Далее переходим к рассмотрению административной формы защиты прав, суть которой заключается в обращении в компетентный государственный орган, осуществляющий контроль и надзор в определенной сфере общественных отношений, для защиты нарушенных прав.

Так, Банк России осуществляет надзор за деятельностью оператора информационной системы и оператора обмена в порядке, установленном Банком России.

Среди контрольных функций следует отметить полномочия Банка России по выявлению нарушений, допущенных оператором информационной системы и оператором обмена, а также по направлению им обязательных для исполнения предписаний и запросов Банка России (части 12, 18 статьи 5 и части 9, 17 статьи 10 Закона о ЦФА). В случае неоднократного нарушения операторами требований нормативных правовых актов, Банк России вправе исключить такого оператора из реестра операторов.

Анализ Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ позволяет выделить комплекс контрольных и надзорных полномочий Банка России в отношении операторов данных платформ.

¹²³ Борисова Л. В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 107.

¹²⁴ Сакара Н. Ю. Проблема доступности правосудия по гражданским делам. Харьков, 2010. С. 154.

В их число входит осуществление контроля за соблюдением операторами инвестиционных платформ законодательства, проведение проверок, а также выдача предписаний и запросов (статья 16). Крайней мерой воздействия является исключение оператора, допустившего неоднократные нарушения или неисполнение предписаний Банка России, из соответствующего реестра (п. 5 ст. 17).

Таким образом, обращение лица, чьи права нарушены, в Банк России с заявлением о нарушении оператором требований нормативных правовых актов представляет собой допустимый способ инициирования публично-правового механизма защиты. Однако его эффективность носит ограниченный и опосредованный характер в силу двух ключевых факторов.

Во-первых, полномочия Банка России являются дискреционными. Банк России вправе, но не обязан применить те или иные меры воздействия, что ставит реализацию защиты в зависимость от усмотрения органа, а не от безусловного права заявителя.

Во-вторых, данный механизм направлен прежде всего на пресечение будущих нарушений и поддержание правопорядка в целом (публичный интерес), но не на реституцию конкретного потерпевшего (частный интерес). Воздействие на нарушителя осуществляется опосредованно: по итогам проверки выносятся предписание об устранении нарушения, которое оператор исполняет под угрозой применения более строгих мер. В результате прекращается противоправное деяние, однако не происходит восстановления нарушенного права в его материальном выражении (возмещение убытков, компенсация вреда).

Следовательно, публично-правовой механизм, реализуемый Банком России, не подменяет собой и не обеспечивает в полной мере гражданско-правовую защиту интересов прав субъектов гражданского оборота.

Права участников правоотношений, складывающихся по поводу цифровых прав, могут быть нарушены действиями оператора информационной системы (инвестиционной платформы) и/или оператора обмена. Следовательно, обращение в Банк России можно рассматривать как юрисдикционную административную

форму защиты цифровых прав, если соответствующие действия оператора информационной системы (инвестиционной платформы) и/или оператора обмена являются нарушением действующего законодательства в данной сфере.

Также к юрисдикционной форме защиты прав относится обращение в правоохранительные органы. Здесь необходимо отметить, что в Государственную думу Российской Федерации был внесен законопроект об ответственности за нарушение цифровых прав¹²⁵. Так, предлагалось дополнить Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) новой статьей 14.56.1, в соответствии с которой устанавливается ответственность:

- за неисполнение требований, связанных с обеспечением невозможности внесения информации о цифровых правах – для операторов информационной системы и инвестиционной платформы (части 1, 2 статьи);
- за неисполнение требований соответствующего законодательства – для лиц, совершающих сделки с цифровыми правами (часть 3 статьи);
- за осуществление деятельности в сфере цифровых прав лицами, не включенными в соответствующие реестры (часть 4 статьи).

Полномочия по возбуждению и рассмотрению дел по частям 1 и 2 указанной статьи предлагалось закрепить за Банком России, по частям 3, 4 указанной статьи – за полицией и прокуратурой.

Законопроект подлежал доработке в части устранения замечаний ответственных комитетов, однако 19 июня 2023 года законопроект был снят с рассмотрения Государственной Думы в связи с отзывом субъектом права законодательной инициативы¹²⁶.

Как прямо следует из действующего законодательства, защита цифровых прав возможна посредством обращения к административной форме защиты,

¹²⁵ О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (об установлении ответственности за нарушения законодательства о цифровых правах): проект федерального закона № 149255-8 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/149255-8> (дата обращения: 22.08.2024).

¹²⁶ Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/149255-8#bh_histras (дата обращения: 22.08.2024).

которая осуществляется компетентными государственными органами и их должностными лицами, выражена в целенаправленной реализации их полномочий и направленная на защиту нарушенных прав.

И переходя к рассмотрению неюрисдикционной формы защиты прав – самозащите, следует отметить, что в действующем законодательстве не установлена возможность самозащиты цифровых прав.

Вместе с тем запрет также не установлен, в связи с чем в случае возможности применения способов защиты цифровых прав, реализуемых в форме самозащиты, каких-либо препятствий для этого не установлено.

В научной литературе почти отсутствуют упоминания о самозащите цифровых прав. Ж. Ю. Юзефович, подтверждая возможность самозащиты цифровых прав, приводит в качестве примера нотариальное удостоверение скриншота сайта¹²⁷. А. В. Бегичев также пишет о цифровизации нотариата, что соответствует требованиям национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» и направлено на содействие защите прав и законных интересов участников гражданского оборота в современных условиях развития информационных технологий¹²⁸.

В данном случае согласиться с позицией затруднительно, поскольку удостоверение скриншота сайта не является самозащитой прав, так как относится к получению, сбору и сохранению доказательств.

Современная судебная практика относит любые односторонние защитительные действия в рамках договорного правоотношения к самозащите гражданских прав (ст. 14 ГК РФ)¹²⁹. Так, в приведенном определении Высший

¹²⁷ Юзефович Ж. Ю. Проблема способов защиты гражданских прав в свете развития цифровых правоотношений // Юрист. 2020. № 12. С. 40.

¹²⁸ Бегичев А. В. Роль цифровизации во взаимодействии судебных и нотариальных органов в применении примирительных процедур // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2022. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-tsifrovizatsii-vo-vzaimodeystvii-sudebnyh-i-notarialnyh-organov-v-primenении-primiritelnyh-protsedur> (дата обращения: 22.04.2025).

¹²⁹ По делу № Ф07-18141/2024 : постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.01.2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2025); по делу № А10-111/2024 : постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 31.07.2024 № 04АП-2373/2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2025); по делу № А13-312/2023 : постановление Четырнадцатого арбитражного

арбитражный суд Российской Федерации (далее – ВАС РФ) пришел к выводу о том, что досрочное расторжение договора в одностороннем порядке само по себе не является гражданско-правовым нарушением, а является способом защиты права, допускаемым законом¹³⁰.

Полагаем, что действительно, ГК РФ предусматривает ряд способов защиты гражданских прав, реализуемых в форме самозащиты, в частности, в ст. 782 ГК РФ установлена возможность одностороннего отказа от исполнения обязательства, которое может применяться самостоятельно в рамках неюрисдикционной формы защиты прав (самозащиты) в ответ на противоправные действия другой стороны обязательства. Право на односторонний отказ от договора возникает только в случаях, прямо предусмотренных ГК РФ или другими законами, либо если такое условие включено в сам договор и не противоречит законодательству. Даже если договор не содержит такого условия, отказ возможен, если на это есть законное основание, например, при существенном нарушении договора другой стороной.

В связи с чем, учитывая, что запрет на защиту цифровых прав в действующем законодательстве не установлен, полагаем возможной защиту цифровых прав в форме самозащиты.

Итак, по результатам проведенного исследования определены формы защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота.

Защита цифровых прав субъектов гражданского оборота может осуществляться в юрисдикционной форме – в рамках судебной защиты в судах общей юрисдикции, арбитражных судах и третейских судах (судебная юрисдикционная форма защиты цифровых прав).

Защита цифровых прав также возможна посредством обращения к компетентному государственному органу, осуществляющему контроль и надзор в определенной сфере общественных отношений, для защиты нарушенного

апелляционного суда от 08.02.2024 № 14АП-9864/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2025).

¹³⁰ По делу № А45-30039/2012 : определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.03.2014 № ВАС-3142/14 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.04.2025).

цифрового права, возникшего в результате нарушения субъектами гражданского оборота действующего законодательства (административная юрисдикционная форма защиты цифровых прав).

Лицо, чьи цифровые права нарушены, также вправе осуществить их защиту самостоятельно в рамках неюрисдикционной формы защиты цифровых прав (самозащиты).

Проведенное в настоящей главе исследование позволило сформулировать комплекс выводов, раскрывающих сущностные характеристики и особенности защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота. В результате анализа теоретических положений и нормативного правового регулирования установлено, что защита цифровых прав представляет собой сложный правовой институт, требующий системного осмысления с учетом специфики цифровой экономики.

Содержание понятия защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота раскрывается через совокупность взаимосвязанных признаков. Во-первых, субъектный состав защиты включает как самих управомоченных субъектов гражданского оборота, так и уполномоченные государственные органы. Во-вторых, защита носит деятельностный характер, проявляющийся в совершении активных действий или правомерном бездействии в рамках установленных правовых предписаний. В-третьих, обязательным признаком является осуществление защиты в строго определенных законом процессуальных формах. В-четвертых, защита направлена на преодоление негативного воздействия, выражающегося либо в непосредственном нарушении прав, либо в возникновении правовой неопределенности. В-пятых, защита всегда целесообразна и направлена на достижение конкретного правового результата.

Таким образом, под защитой цифровых прав субъектов гражданского оборота следует понимать собой деятельность, осуществляемую управомоченным субъектом гражданского оборота либо уполномоченными органами в предусмотренной законом форме с применением предусмотренных законом способов, возникающую в связи с негативным воздействием на цифровые права

или при наличии правовой неопределенности, направленную на достижение целей защиты.

Основными целями являются: восстановление положения, существовавшего до нарушения права; пресечение действий, создающих угрозу нарушения; устранение правовой неопределенности; компенсация последствий нарушения. Указанные цели находятся в системной взаимосвязи со способами защиты, закрепленными в статье 12 ГК РФ.

Формы защиты цифровых прав в соответствии с общепринятой в цивилистике классификацией подразделяются на юрисдикционные (судебная, административная, третейское разбирательство) и неюрисдикционные (самозащита).

Перспективным направлением развития форм защиты цифровых прав представляется внедрение технологических решений, в частности блокчейн-арбитража (on-chain arbitration), обеспечивающего автоматическое исполнение решений через смарт-контракты. Однако его эффективность в полной мере может быть реализована только при условии формирования соответствующей правовой базы. В отсутствие законодательного закрепления блокчейн-арбитраж в настоящее время не может рассматриваться в качестве самостоятельной формы защиты, оставаясь альтернативным инструментом урегулирования конфликтов в децентрализованных системах.

Таким образом, защита цифровых прав субъектов гражданского оборота представляет собой динамично развивающийся правовой институт, требующий дальнейшего научного осмысления и совершенствования законодательного регулирования с учетом особенностей цифровой среды и потребностей формирующейся цифровой экономики. Комплексный характер исследуемой проблемы обуславливает необходимость разработки системных решений, обеспечивающих баланс между традиционными правовыми категориями и инновационными подходами к защите цифровых прав.

Глава 3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СПОСОБОВ ЗАЩИТЫ ЦИФРОВЫХ ПРАВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3.1. Содержание и признаки способа защиты цифровых прав

Институт гражданско-правовой защиты в юридической науке занимает особое место, ведь защита гражданских прав составляет важнейший приоритет любого правопорядка. Функционирование государства обеспечивается не только признанием за субъектами права гражданских прав, но и обеспечением их действенной правовой защиты.

Для понимания современного состояния данного института необходимо обратиться к его историческим корням, которые в отечественной правовой традиции уходят в дореволюционный период.

В юридической науке дореволюционного времени отсутствует четкое деление системы права на материальное право и процессуальное право, а способы защиты гражданских прав сводятся к различным видам исков¹³¹.

Следует предположить, что недостаточная проработанность способов защиты гражданских прав в доктрине дореволюционного периода обусловлена соответствующим правовым регулированием защиты гражданских прав, отраженном в законодательстве того времени.

Так, в соответствии со статьей 691 десятого тома Свода законов Российской Империи, каждый имеет право отыскивать свое имущество из чужого неправильного владения судом¹³². Указанная статья является классическим примером виндикационного иска, известного еще римскому праву.

¹³¹ Анненков К. Н. Начала русского гражданского права. Вып. 1. СПб., 1900. С. 615; Васильковский Е. В. Учебник гражданского права: выпуск 1. Введение и общая часть. Санкт-Петербург, 1894. С. 156; Гордон В. М. Иски о признании. Ярославль, 1906; Адамович В. И. Пособие к лекциям русского гражданского судопроизводства. СПб.: Книжный магазин А. Ф. Цинзерлинга, 1891. С. 54.

¹³² Свод Законов Российской Империи. Т. X, ч. 1. Официальное издание 1900 г. СПб.: издание Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1900. С. 75.

Также следует отметить, что статья 574 десятого тома Свода законов Российской Империи содержала в себе следующее: «Как по общему закону никто не может быть без суда прав, ему принадлежащих, то всякий ущерб в имуществе и причиненные кому-либо вред или убытки с одной стороны налагают обязанность доставлять, а с другой производят право требовать вознаграждения». Изложенная конструкция обеспечивает возможность защиты прав собственника посредством предъявления негаторного иска.

Согласно статье 693 десятого тома Свода законов Российской Империи, каждый имеет право в случае неисполнения по договорам и обязательствам, а также в случае обид, ущербов и убытков, искать удовлетворения и вознаграждения посредством суда.

Таким образом, анализ дореволюционного законодательства позволяет констатировать, что в нем отсутствовала какая-либо система способов защиты гражданских прав, что также находило свое отражение и в научных работах ученых того времени. Ситуация кардинальным образом изменилась в советский период развития отечественного гражданского права.

Впервые напрямую общий перечень способов защиты гражданских прав был закреплен в статье 6 Основ гражданского законодательства, в соответствии с которой к способам защиты были отнесены признание прав, восстановление положения, существовавшего до нарушения права, и пресечение действий, нарушающих право, присуждение к исполнению обязанности в натуре, прекращение или изменение правоотношения, взыскание с лица, нарушившего право, причиненных убытков, а в случаях, предусмотренных законом или договором, неустойки (штрафа, пени)¹³³. Аналогичные положения легли в основу Гражданского кодекса РСФСР, принятого 11 июня 1964 года.

В науке гражданского права советского периода также закрепилось понятие «способ защиты гражданских прав», при этом цивилисты советского времени сходились во мнении, что защита гражданских прав осуществляется посредством

¹³³ Основы гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, утвержденные Законом СССР от 08 декабря 1961 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1961. № 50. ст. 525.

применения надлежащих способов защиты, направленных на восстановление нарушенного или подтверждение оспариваемого права, либо реализацию охраняемого законом интереса¹³⁴.

Несмотря на то, что понятие «способ защиты гражданских прав» появилось еще в трудах дореволюционных ученых-цивилистов, в научной литературе до сих пор отсутствует теоретическое единообразие по вопросу содержания данного термина.

В настоящее время гражданское законодательство также не содержит легальной дефиниции способа защиты гражданских прав.

Так, для определения содержания категории «способ» следует обратиться к лексическому значению понятия.

В словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой под способом понимается: 1) образ действий, прием, метод для осуществления, достижения чего-либо; 2) возможность, средство, реальные условия для осуществления чего-либо¹³⁵.

Из вышеприведенных дефиниций следует, что применение способа всегда направлено на достижение чего-либо либо осуществление чего-либо.

Проведенный анализ научных позиций позволяет выделить три основных подхода к определению способа защиты гражданских прав в цивилистической доктрине.

Так, М. А. Рожкова, предлагая авторское определение способа защиты прав, акцентирует внимание на цели применения способов защиты. Так, ученый определяет способ защиты как меры, прямо предусмотренные законом в целях пресечения оспаривания либо нарушения субъективных гражданских прав и (или) устранения последствий такого нарушения¹³⁶.

¹³⁴ Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Л., 1968. С. 73; Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М. : Городец-издат, 2001. С. 66; Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М. : Юридическая литература, 1984. С. 144; Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. С. 305–308.

¹³⁵ Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. С. 834.

¹³⁶ Рожкова М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М.: Волтерс Клувер, 2006. 416 с.

При этом, ранее по тексту настоящего исследования неоднократно отмечалось, что при защите гражданских прав первостепенной является цель защиты и ее достижение в результате применения способа защиты прав. Защита гражданских прав только в том случае является эффективной, если позволяет достичь цели такой защиты.

Надлежащим способом защиты гражданских прав будет тот способ, который приведет к защите нарушенного или оспариваемого права, что неоднократно подчеркивалось в позициях высших судов, в частности, в Определении Конституционного суда Российской Федерации от № 80-О¹³⁷; Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 308-КГ15-13732¹³⁸ и других актах.

Выбор лицом, чьи права подлежат защите, ненадлежащего способа защиты влечет за собой существенные правовые риски, которые могут привести к не менее существенным материальным и организационным потерям, в том числе лишению лица возможности защитить свои права.

В каждой конкретной ситуации, при каждом конкретном нарушении субъективного права подлежит применению определенный способ защиты права. Так, невозможно путем такого способа, как взыскание неустойки, добиться возврата утраченной вещи ее действительному владельцу. При этом в некоторых случаях имеется несколько альтернативных способов защиты права, все из которых являются надлежащими, а в некоторых случаях – нет в силу взаимоисключающего характера некоторых способов защиты прав.

П. П. Згонников полагал, что выбор способов зависит от ряда условий, в частности, от формы, субъекта, цели защиты, от самого нарушенного права¹³⁹.

¹³⁷ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Вютриха Василия Владимировича на нарушение его конституционных прав статьей 250 ГК РФ: Определение Конституционного Суда РФ от 16.03.2006 № 80-О. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.03.2024).

¹³⁸ По делу № А32-45693/2014: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.02.2016 № 308-КГ15-13732. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.03.2024).

¹³⁹ Згонников П. П. О совершенствовании законодательства о способах защиты гражданских прав // Российская юстиция. 2019. № 11. С. 11.

Вышеизложенное подчеркивает актуальность вопроса о выборе надлежащего способа защиты прав, в том числе и касательно цифровых прав. Защита нарушенных цифровых прав должна приводить к достижению цели защиты прав.

В связи с изложенным одним из ключевых признаков способа защиты прав является *целевая направленность* применения способа защиты гражданских прав.

Переходя к более детальному анализу дефиниции «способ защиты», следует начать с мнений ученых, которые определяют способ защиты через понятие «мера принудительного характера»¹⁴⁰.

В толковом словаре «*мера*» определяется как средство для осуществления чего-нибудь, в качестве примера употребления приведено словосочетание «принять нужные меры»¹⁴¹.

Полагаем, что для достижения целей защиты прав лицо, чьи права нарушены, принимает определенные меры – применяет соответствующий способ защиты нарушенных прав.

Вторая группа исследователей полагает, что способы защиты гражданских прав подлежат определению через понятие «*действие*».

Д. А. Муратова полагает, что способы защиты гражданских прав представляют собой исчерпывающе предусмотренные ГК РФ или иными федеральными законами действия, последовательно осуществляемые управомоченными лицами или органами государственной власти, направленные на пресечение правонарушения и (или) восстановление нарушенного гражданского права¹⁴².

Схожей позиции придерживается Л. В. Белова, которая способ защиты определяет как закрепленные охранительной нормой закона или договора

¹⁴⁰ Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. М., 2008. Т. 1. С. 545; Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. Ю.К. Толстого, А.П. Сергеева. СПб., 1996. Т. 1. С. 244; Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2016. С. 58; Хабилов А. И. Средства, способы и формы гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа: теоретический аспект // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 226–259.

¹⁴¹ Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М., 1997. С. 621.

¹⁴² Муратова Д. А. Правовая природа способа защиты гражданских прав // Российская юстиция. 2009. № 4. // СПС «Гарант». 2013.

допустимые действия или бездействие (или их совокупность), направленные на предупреждение, пресечение нарушения прав, а также на их восстановление¹⁴³.

Представляется, что отождествление способа защиты с действием является не вполне корректным, поскольку способ представляет собой статичную модель поведения, закрепленную в законе, в то время как действие – это динамический процесс его применения. Применение способа защиты прав (активные действия лица, чьи права нарушены) приводит в действие механизм защиты прав.

Действия (бездействие) же охватываются категорией «средства защиты прав», которые являются одним из элементов механизма защиты прав, и которые следует рассмотреть детальнее.

Так, Б. И. Пугинский определял средства через комбинацию или совокупность юридически значимых действий, совершение которых направлено по большей части на достижение основной правовой цели – достижение или защита своих интересов, с учетом известной меры дозволенности усмотрения, существующего в пределах действующего законодательства РФ¹⁴⁴. Аналогичная позиция отражена, в частности, в работах Д. М. Чечота¹⁴⁵.

Так, разграничивая категории «способ защиты прав» и «средство защиты прав», некоторые ученые отмечают, что если способ защиты гражданских прав указывает на то, что именно лицо осуществляет для защиты и (или) восстановления своих нарушенных прав, то средство правовой защиты – это то, посредством чего реализуется способ защиты¹⁴⁶. Иными словами, содержание средства правовой защиты составляет действие частного лица.

В научной литературе также встречается точка зрения, что под средствами защиты понимается целый комплекс мер, включающий в себя способы и формы защиты прав¹⁴⁷, а также формы ответственности, способы самозащиты, способы

¹⁴³ Белова Л. В. Правовые средства и формы защиты экономических интересов: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01. Самара, 2006. С. 97.

¹⁴⁴ Пугинский Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях. М., 1984. С. 86–87.

¹⁴⁵ Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Ленинград, 1968. С. 72.

¹⁴⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов [и др.]; под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2015. 662 с.

¹⁴⁷ Монгуш Б. С. Категория «правовые средства» применительно к защите субъективного гражданского права // Семейное и жилищное право. 2012. № 2. С. 43–44.

обеспечения исполнения обязательств¹⁴⁸. Полагаем, что изложенная позиция убедительными аргументами не подкреплена, представляет собой собирательное понятие различных категорий института защиты прав.

В современной юридической науке под средствами защиты понимается первоначальное действие, направленное на непосредственную защиту нарушенного права. Так, к средствам защиты относятся подача жалобы уполномоченному органу на действия нарушителя права, предъявление искового заявления к нарушителю права, и т.д.

Таким образом, определение способа защиты прав не может быть дано через понятие действия (бездействия) субъектов, поскольку является статичным, в то время как действием является применение того или иного способа защиты прав, или, иначе говоря, средство защиты.

В. В. Витрянский под способами защиты понимает средства, с помощью которых может быть достигнуто пресечение, предотвращение, устранение нарушений права, его восстановление или компенсация потерь, вызванных нарушением права¹⁴⁹.

В связи с тем, что формы, способы и средства защиты входят в единый механизм защиты права, полагаем, что определение способа защиты через категорию средств защиты может привести к терминологической неопределенности.

Наконец, можно отметить третью группу ученых, которые определяют способ защиты прав как нечто комплексное, рассматривая его через призму приемов, подходов, технологий, мер, средств и др.

Согласно позиции, изложенной Ю. Н. Андреевым, совокупность приемов, а равно подходов и технологий, которая направлена на то, чтобы достигнуть цели защиты нарушенного права либо устранения препятствий и негативных последствий его нарушения, и будет являться способом защиты. При этом такая

¹⁴⁸ Стоякин Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1973. С. 36–37.

¹⁴⁹ Витрянский В. В. Проблемы арбитражно-судебной защиты гражданских прав участником имущественного оборота.

защита может включать в себя как правопризнание, так и любое устранение препятствий в реализации права, в общем все те действия, которые субъект может осуществить для защиты¹⁵⁰.

В свою очередь, Д. Р. Фейзрахманова также придерживается такого подхода и полагает, что способы защиты – это предусмотренные действующим законодательством приемы, а равно и меры, направленные на восстановление (признание) нарушенных (оспариваемых) прав¹⁵¹.

Заслуживает внимания и позиция, которая была изложена А. А. Кравченко, для которого ключевым признаком при отнесении того или иного явления к способам защиты выступает правовое последствие, которое объективировано в законодательном акте и используется в силу инициативы управомоченного на то лица, преследуя цель удовлетворения охраняемых законом интересов. При этом, такое последствие должно затрагивать интересы обязанного лица¹⁵².

Вместе с тем, при определении способа защиты через категории «прием», «подход», «технологии», «меры» необходимо разграничивать данные категории и устанавливать, какие способы соотносятся с соответствующей категорией и чем они отличаются.

Несмотря на широкий охват, комплексный подход также не лишен недостатков, поскольку приводит к размыванию границ понятия и затрудняет его отграничение от смежных категорий. Наиболее взвешенным и соответствующим законодательной технике представляется определение способа защиты через категорию «мера».

Подводя итог изложенному, рассмотрев определения способа защиты гражданских прав, существующие в цивилистической доктрине, можно определить следующие основные признаки исследуемого понятия.

¹⁵⁰ Андреев Ю. Н. О способах гражданско-правовой защиты // Гражданское право. 2012. № 4. С. 3–6.

¹⁵¹ Фейзрахманова Д. Р. К вопросу о соотношении понятий «форма», «способ» и «средство» защиты корпоративных прав участников акционерных обществ // Юрист. 2017. № 12. С. 32–37.

¹⁵² Кравченко А. А. К вопросу о понятии способа защиты гражданских прав // Адвокат. 2014. № 7. С. 22–30.

Во-первых, способы защиты прав являются *мерой*, принимаемой лицом, чьи права нарушены, для защиты нарушенных прав;

Во-вторых, способы защиты прав носят *легальный характер* – устанавливаются в тексте нормативного правового акта и отвечают так называемому «формальному критерию».

В-третьих, способы защиты прав имеют направленность на достижение определенных *целей* – восстановление нарушенного права, пресечение нарушения права, устранение правовой неопределенности и устранение последствий нарушений прав;

В-четвертых, способы защиты прав применяются в рамках предусмотренной законодательством *формы защиты прав*.

Касательно последнего приведенного признака способа защиты прав необходимо отметить, что способы защиты могут быть реализованы как в юрисдикционной, так и неюрисдикционной формах защиты прав. При этом необходимо отметить, что некоторые способы могут быть реализованы строго в определенной форме.

Способы защиты гражданских прав неисчерпывающим образом перечислены в статье 12 ГК РФ.

При этом правоприменительная практика применения лицом способа защиты, который не указан в ст. 12 ГК РФ, долгое время была достаточно противоречивой¹⁵³. Длительное время судебная практика шла по пути признания защиты прав только теми способами, которые обозначены в указанной статье¹⁵⁴. Вместе с тем в настоящее время судебная практика изменилась в сторону возможности применения способов защиты права, прямо непоименованных в законе.

В научной литературе разработаны классификации способов защиты гражданских прав, что подчеркивает многогранность данного института и позволяет глубже понять его сущность.

¹⁵³ Максимов В. А. Способы защиты субъективных гражданских прав и интересов // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1. С. 76.

¹⁵⁴ Чеговадзе Л. А., Дерюгина Т. В. О целях и способах защиты гражданских прав // Цивилист. 2022. № 2. С. 37.

Основной классификацией способов защиты гражданских прав выступает их деление на универсальные и специальные. Универсальные – представленные в ГК РФ, в то время как иные способы, непоименованные в указанной статье, являются специальными¹⁵⁵.

В. В. Витрянский также отмечал, что специфика универсальных способов защиты прав проявляется в применимости защиты «как правило, любого нарушенного права»¹⁵⁶. Вместе с тем допускается, что сфера применения универсальных способов защиты прав в той или иной ситуации может быть подвергнута ограничению. Ю. Г. Басин, в частности, считает, что применение универсальных способов защиты прав ограничивается нормативным актом, в силу особенностей прав, подлежащих защите, и характера правонарушений¹⁵⁷.

Отсутствие универсального характера у некоторых способов, перечисленных в ст. 12 ГК РФ, не подлежит сомнению. Так, например, к способам защиты гражданских прав относится неустойка, взыскание которой возможно в случаях прямого указания нормативного акта или в силу соглашения участников гражданского правоотношения. Изложенное является наглядным примером ограничения применения способа защиты рамками конкретных гражданских правоотношений.

Таким образом, ст. 12 ГК РФ выступает лишь направлением, по которому должны идти законодатель, правоприменители, исследователи и судебная практика при выработке специальных способов защиты.

По критерию выполняемых функций и правовых последствий способы защиты можно подразделить на меры ответственности и меры защиты¹⁵⁸.

¹⁵⁵ Семенов В. В. Способы защиты гражданских прав в контексте Конституции и Гражданского кодекса // Адвокатская практика. 2018. № 4. С. 23–25.

¹⁵⁶ Витрянский В. В. Недействительность сделок в арбитражно-судебной практике // Гражданский кодекс РФ: Проблемы. Теория. Практика. М., 1998. С. 131.

¹⁵⁷ Басин Ю. Г. Основы гражданского законодательства о защите субъективных гражданских прав // Проблемы применения Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Саратов, 1971. С. 33.

¹⁵⁸ Красавчиков О. А. Гражданское правоотношение – юридическая форма общественного отношения // Красавчиков О. А. Категории науки гражданского права: Избранные труды: в 2 томах. М., 2005. Т. 2. С. 262; Зубовский Г. Б. Гражданско-правовая защита прав предпринимателей в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 42.

Г. Б. Зубовский также подразделяет способы защиты на меры защиты и меры ответственности. Меры ответственности применяются лишь к виновному нарушителю субъективного права и выражаются в дополнительных обременениях в виде лишения правонарушителя определенных прав или наложения на него дополнительных обязанностей.

В статье 12 ГК РФ к мерам ответственности относятся возмещение убытков, взыскание неустойки и компенсация морального вреда. Другие способы, предусмотренные действующим законодательством, по мнению ученого, относятся к мерам защиты¹⁵⁹.

Полагаем, что наличие только двух вышеуказанных целей (пресекательная и компенсаторная) приводит к тому, что иные цели защиты прав, такие как устранение правовой неопределенности, пресечение правонарушения и др., не учитываются. Как следствие, квалификация только двух видов способов (меры ответственности и меры защиты) не охватывает все возможные способы защиты гражданских прав – например, такой способ защиты права, как признание права.

Помимо указанных, в науке предложены и иные классификации, основанные на различных критериях: целевой направленности, характере защищаемых прав, правовой природе способа, применимой форме защиты и др.

Немаловажным будет обратить внимание на классификацию И. А. Буша, который предлагает разделять способы защиты в зависимости от их целевой направленности и характера на предупредительные и регулятивные. К мерам предупредительного характера автор относит меры государственно-принудительного воздействия с целью непосредственного предупреждения возникновения возможных правонарушений, либо их устранение лицами, допустившими не соответствующее требованиям закона поведение. В свою очередь, к мерам регулятивного характера автор предлагает отнести все восстановительно-компенсационные меры:

¹⁵⁹ Зубовский Г. Б. Гражданско-правовая защита прав предпринимателей в Российской Федерации: дис. канд. юр. наук: 12.00.03. М.: МГУК. 2002. С. 42.

1) меры, направленные на устранение разногласий между участниками гражданских правоотношений;

2) меры, направленные на материальное восстановление;

3) меры, направленные на обеспечение реального исполнения обязанности¹⁶⁰.

Говоря о классификации, предложенной Ю. А. Андреевым, полагаем необходимым отметить, что он проводит деление мер защиты по характеру и содержанию прав, которые, могут быть подвержены защите:

1) вещно-правовые;

2) обязательствственно-правовые;

3) личные неимущественные;

4) исключительные;

5) наследственные и др.¹⁶¹

Учитывая, что в настоящее время в гражданском законодательстве появился новый объект гражданских прав – цифровые права, при проведении классификации способов защиты прав по характеру и содержанию прав, которые подлежат защите, следует выделять еще один вид прав, подлежащих защите – *цифровые*.

А. П. Вершинин же полагает, что классифицировать способы защиты гражданских прав необходимо по критерию правовой природы или сущности того или иного способа защиты¹⁶².

По критерию применимости формы защиты И. А. Лушина классифицирует способы защиты прав на:

1) способы защиты, применяемые управомоченным лицом (меры оперативного воздействия, способы самозащиты права, иные способы защиты права);

¹⁶⁰ Буш И. А. Защита прав участников арендных отношений по российскому законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 20.

¹⁶¹ Андреев Ю. Н. О способах гражданско-правовой защиты // Гражданское право. 2012. № 4. С. 3–6.

¹⁶² Вершинин А. П. Способы защиты гражданских прав в суде: дис. ... д-ра юр. наук. СПб., 1998. С. 13–14, 21–22.

2) способы защиты, применяемые компетентными государственными органами (меры ответственности)¹⁶³.

Как уже ранее говорилось, способы защиты должны быть реализованы в определенной форме защиты прав. В зависимости от того, в какой форме защиты прав реализуются способы, А. Я. Курбатов классифицирует способы на те, которые могут быть применены в юрисдикционной форме, и те, которые могут быть применены в неюрисдикционной форме¹⁶⁴.

Лицо, чьи цифровые права нарушены, осуществляет выбор надлежащего способа защиты прав с учетом природы цифрового права, цели применяемой защиты и природы правонарушения. Выбор надлежащего способа защиты является ключевым для эффективного восстановления нарушенного права. Применительно к новому объекту гражданских прав – цифровым правам – этот выбор должен учитывать их специфическую природу.

Юридическая конструкция цифрового права основана на общем правиле о признании его субъектом лица, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом (п. 2 ст. 141.1 ГК РФ).

Цифровое право характеризуется наличием записи в платформе, имеющей легитимационное значение, гарантирующей право распоряжаться цифровым правом. Удаление данной записи подобно лишению владения цифровыми правами, утрате формальной легитимации цифровых прав.

В таком случае основная направленность защиты – восстановление легитимационного знака в информационной системе, что обеспечивает подтверждение принадлежности цифрового права управомоченному лицу.

Способ защиты цифрового права направлен на приведение легитимационных знаков обладания цифровым правом в соответствие с принадлежностью цифрового права лицу путем восстановления легитимационного знака в информационной

¹⁶³ Лушина И. А. Бесспорный порядок взыскания денежных средств как форма защиты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 28.

¹⁶⁴ Курбатов А. Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения: монография. М., 2022. С. 140.

системе. Основной функцией данного способа является формально-легитимационная, поскольку он направлен не на восстановление материального блага, а на подтверждение и закрепление цифрового права в информационной системе.

Итак, подводя итог параграфу, хотелось бы отметить, что в дореволюционном российском законодательстве отсутствовала систематизированная регламентация способов защиты гражданских прав, что отражалось и в доктринальных подходах. Основные способы защиты сводились к виндикационным и негаторным искам, заимствованным из римского права. Лишь в советский период с принятием Основ гражданского законодательства и ГК РСФСР 1964 года был закреплён общий перечень способов защиты, что дало новый импульс их научному осмыслению.

В современной цивилистике отсутствует единое понимание категории «способ защиты гражданских прав». Анализ научных позиций позволяет выделить три основных подхода к определению данного понятия: как меры принудительного характера, как действия (бездействие) управомоченных субъектов и как комплексного явления, включающего такие категории, как приемы, меры, технологии.

Наиболее обоснованным представляется определение способа защиты как *меры*, направленной на восстановление нарушенного права, пресечение его нарушения, устранение правовой неопределенности или компенсацию последствий нарушения.

Способ защиты цифровых прав направлен на приведение внешней (формальной) легитимации лица в соответствие с принадлежностью цифрового права обладателю путем восстановления легитимационного знака обладания цифровым правом в информационной системе.

Таким образом, на основе проведенного историко-правового и теоретико-правового анализа можно сформулировать итоговое определение способа защиты применительно к цифровым правам.

Под способом защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота следует понимать предусмотренную действующим законодательством и принимаемую субъектами гражданского оборота в установленной законом форме меру, направленную на приведение формальной легитимации (отраженной в информационной системе) в соответствие с действительным правообладанием с одновременным лишением цифрового права лица, которое формально (согласно легитимационным знакам) является обладателем цифрового права.

3.2. Защита цифровых прав: анализ современного состояния отечественного гражданского законодательства

Гарантированная возможность защиты цифровых прав является одним из главных условий создания фундаментальной основы для стабильности развивающихся цивилистических отношений.

Как ни странно, изменение ст. 141.1 ГК РФ в части дополнения перечня объектов гражданских прав цифровыми правами не повлекло за собой изменения перечня способов защиты, закрепленных в ст. 12 ГК РФ, хотя, казалось бы, основания для этого имеются.

Отсутствие изменений свидетельствует о достаточности уже существующих в законодательстве способов защиты гражданских прав для защиты цифровых прав.

Вместе с тем, наличие особенностей цифровых прав, присущих исключительно им, могут затруднить надлежащую защиту последних имеющимися до появления цифровых прав способами.

Так, ранее уже были установлены некоторые особенности цифровых прав, которые оказывают влияние на их защиту. К таковым относятся их двойственная природа, наличие записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение, выпуск и обращение цифровых прав в информационной системе по правилам этой системы и доступ посредством цифровых идентификаторов.

При упоминании о двойственной природе цифровых прав речь идет о двойственном правовом режиме, который различает само цифровое право и права,

включенные в цифровое право. Передача цифрового права подобна передаче содержащихся в нем прав, утрата цифрового права также подобна утрате содержащихся в нем прав.

В первую очередь следует рассмотреть способы защиты самого цифрового права.

Цифровые права обладают характеристиками абсолютного права (подлежит защите от посягательств всех и каждого) и включают в себя обязательственные и корпоративные права, являющиеся относительными правами. Изложенное обуславливает применение различных способов защиты к цифровым правам и правам, включенным в цифровые права.

В дополнение к изменениям, внесенным к ГК РФ, были приняты Закон о ЦФА и Закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ, которые установили некоторое правовое регулирование защиты цифровых прав, в том числе, путем указания на применимые способы их защиты.

Статья 9 Закона о ЦФА установила гражданско-правовую ответственность оператора информационной системы за убытки, возникшие у пользователей, а также закрепила конкретные случаи наступления такой ответственности.

Так, оператор информационной системы возмещает убытки пользователям в следующих случаях:

- 1) утрата информации, хранящейся в информационной системе;
- 2) сбой в работе информационных технологий и технических средств информационной системы;
- 3) предоставление пользователям информационной системы недостоверной, неполной и (или) вводящей в заблуждение информации об информационной системе, о правилах работы информационной системы и об операторе информационной системы;
- 4) нарушение оператором информационной системы правил работы информационной системы, в том числе нарушения требований бесперебойности и непрерывности функционирования информационной системы;

5) несоответствие информационной системы требованиям настоящего Федерального закона¹⁶⁵.

Данная норма отсылает к применению гражданско-правовых норм об убытках. В соответствии с положениями статьи 401 ГК РФ, вина оператора презюмируется, доказывание отсутствия его вины возложено на оператора. В случае, если оператор докажет наличие обстоятельств непреодолимой силы, он освобождается от ответственности.

В случае если неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства произошло по вине обеих сторон (оператора и пользователя), суд соответственно может уменьшить размер ответственности оператора (ч. 1 ст. 404 ГК РФ).

Также Законом о ЦФА предусмотрены способы защиты прав неквалифицированных инвесторов. Так, как следует из пункта 7 статьи 6 Закона о ЦФА, если лицо приобрело ЦФА, которые могут приобретаться только квалифицированными инвесторами в соответствии с нормативным правовым актом, принятым Банком России, то такое лицо вправе потребовать приобрести у него эти активы и возместить лицу все понесенные им при этом расходы.

Аналогичный подход предусмотрен для случаев, когда лицо было неправоммерно признано квалифицированным инвестором через оператора обмена ЦФА (пункт 16 статьи 10 Закона о ЦФА).

Таким образом, Закон о ЦФА предусматривает следующие способы защиты цифровых прав – требование о взыскании убытков с оператора информационной системы; требование о приобретении активов неквалифицированного инвестора в объеме, превышающем допустимые ограничения и требование о возмещении лицу понесенных им расходов.

Положения Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ также устанавливают гражданско-правовую ответственность оператора инвестиционной платформы, однако, в отличие от

¹⁶⁵ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред от 11.03.2024). [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.03.2024).

Закона о ЦФА, ответственность оператора инвестиционной платформы предусмотрена по меньшему количеству оснований.

Так, оператор инвестиционной платформы отвечает за причинение убытков участникам инвестиционной платформы по тем же основаниям, что и оператор информационной системы, за исключением утраты информации, хранящейся на инвестиционной платформе и сбоя в работе инвестиционной платформы (статья 12 Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ)¹⁶⁶.

Изложенное подчеркивает организационный, посреднический характер деятельности оператора цифровой платформы в силу того, что он не принимает непосредственного участия в совершаемых пользователями платформы сделках¹⁶⁷.

Пунктом 5 статьи 7 Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ установлено, что, если физическое лицо не является индивидуальным предпринимателем или квалифицированным инвестором, оператор обязан по требованию указанного лица приобрести у него цифровые права, приобретенные в этой инвестиционной платформе, на сумму превышения установленного ограничения. Оператор освобождается от ответственности, если лицо предоставило оператору инвестиционной платформы недостоверные заверения о соблюдении ограничения. Срок исковой давности для соответствующего иска установлен в один год с момента совершения сделки.

Вместе с тем И. Ю. Целовальникова отмечает, что физическое лицо без специального образования, знаний и опыта может дать оператору недостоверные заверения о соблюдении ограничения, не понимая всех юридических последствий и возможных рисков. В связи с чем ученый предлагает распределить риск с возложением его на лицо, привлекающее инвестиции, так как именно оно является

¹⁶⁶ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ: федер. закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ (ред. от 11.03.2024) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.05.2024).

¹⁶⁷ Краснова С. А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2022. № 1. С. 70; № 2. С. 81; Габов А. В., Хаванова И. А. Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 1. С. 34.

инициатором и выгодоприобретателем в данных отношениях¹⁶⁸. Позиция И. Ю. Целовальниковой является обоснованной, так как она справедливо ставит во главу угла принцип защиты слабой стороны в правоотношениях — неквалифицированного инвестора. Поскольку неквалифицированный инвестор, не обладающий специальными познаниями в области инвестирования, *de facto* лишен возможности осознать юридическую природу и последствия таких заверений, предлагаемое И. Ю. Целовальниковой перераспределение риска на эмитента — профессионального участника, являющегося инициатором и выгодоприобретателем инвестиционной сделки, обеспечивает реальность защиты нарушенного права, повышает уровень добросовестности профессиональных участников оборота и способствует эффективному и справедливому распределению хозяйственных рисков в рамках инвестиционного обязательства.

Также Законом предусмотрена защита УЦП, принадлежность которых депоненту установлена цифровым свидетельством. Так, депозитарий несет ответственность за убытки, причиненные депоненту в результате неправомерного распоряжения его утилитарным цифровым правом (ч. 12 ст. 9 Закона). Если убытки депоненту причинены вследствие неправомерных действий третьих лиц, ответственность депозитария может быть ограничена договором.

Законодатель обозначил возможность предъявления депозитарию требования о возмещении убытков, причиненных в результате неправомерного распоряжения его утилитарным правом.

Возмещение убытков, конечно, является универсальным способом защиты гражданских прав, однако едва ли всегда является наиболее желательным для потерпевшего, поскольку всегда существует риск недостоверного определения стоимости цифрового права, а также невозможности исполнения судебного решения — ответчик должен быть платежеспособным лицом. Поэтому по своему полезному эффекту для потерпевшего возмещение убытков может быть

¹⁶⁸ Целовальникова И. Ю. Правовое регулирование предоставления услуг с использованием инвестиционных платформ и защита прав потребителей // Современный юрист. 2020. № 3. С. 126.

несопоставимым с возможностью восстановления у потерпевшего утраченного цифрового права.

Полагаем, что потерпевшему с целью восстановления цифрового права должна быть предоставлена возможность восстановления записи о владении цифровым правом за потерпевшим с одновременным аннулированием такой записи у лица, неправомерно завладевшего цифровым правом.

Вместе с тем, рассмотренные нормативные правовые акты такую возможность не предусматривают и не упоминают.

Таким образом, Закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ предусматривает следующие способы защиты цифровых прав – взыскание убытков с оператора инвестиционной платформы, требование неквалифицированного инвестора о приобретении у него утилитарных цифровых прав в объеме превышения допустимого ограничения и о возмещении ему расходов, взыскание убытков с депозитария, причиненных депоненту в результате неправомерного распоряжения его утилитарным цифровым правом.

Каких-либо новых, ранее неизвестных гражданскому праву способов защиты цифровых прав вышеуказанные нормативные правовые акты не содержат. В нормах обозначена ответственность оператора информационной системы и оператора инвестиционной платформы, а также депозитария и установлены случаи, в которых лицо, чьи права нарушены, может обратиться к ним с требованием о взыскании убытков.

Вместе с тем, не только оператор может выступать причинителем вреда.

В связи с чем полагаем также необходимым рассмотреть вопрос о возможности возникновения деликтных обязательств, основанных на противоправности поведения иных причинителей вреда.

В деликтном обязательстве кредитором является потерпевший, а причинитель вреда, он же делинквент, является должником. Данное обязательство является особым по основаниям возникновения, но в остальном к ним, в силу п. 2 ст. 307.1 ГК РФ, применяются общие положения ГК об обязательствах, если иное не предусмотрено специальными правилами о них (гл. 59 ГК РФ).

Обязательство из причинения вреда возникает только в том случае, когда вред причинен не в связи с договорными отношениями, а в результате нарушения абсолютного (безотносительного) субъективного права. Данными характеристиками обладает само цифровое право.

Так, утрата цифрового права влечет за собой утрату обязательственных и корпоративных прав, включенных в цифровое право. Таким образом, третье лицо нарушает не только цифровое право его обладателя, но и воспрепятствует исполнению обязательств, включенных в цифровое право.

Тем самым обладателю цифрового права причиняется вред, выражающийся не только в умалении имущественной сферы потерпевшего путем утраты имущественного права, но и причиняются убытки, связанные с невозможностью исполнения обязательств, включенных в цифровое право.

В случае хакерского вмешательства в информационную систему необходимо говорить о деликтной ответственности, основанием которой является причинение имуществу вреда и возмещение этого вреда виновным лицом (ст. 1064 ГК РФ).

Действующее гражданское законодательство устанавливает два способа возмещения имущественного вреда – возмещение вреда в натуре и возмещение убытков (ст. 1082 ГК РФ).

Возмещение вреда в натуре подразумевает предоставление нарушителем потерпевшему вещи (имущества) того же рода и качества, исправлении поврежденной вещи или иных действиях, направленных на устранение последствий нарушения права в натуре.

Возмещение убытков же подразумевает выплату потерпевшему денежного возмещения, расходов на восстановление имущества, а также уплату упущенной выгоды.

Применение такого способа защиты прав, как *возмещение убытков*, возможно всегда и не имеет каких-либо препятствий, является универсальным способом защиты любых нарушенных имущественных интересов.

Вместе с тем, лицу, чьи права нарушены, не всегда может быть интересно получение денежных средств, поскольку оно не возвращает потерпевшему

утраченного имущества. Более того, лицо, причинившее вред, должно быть платежеспособным лицом.

Применительно к цифровым правам следует отметить, что, разумеется, для защиты цифрового права применим вышеуказанный способ, но он не обеспечивает восстановление самого цифрового права за законным обладателем и едва ли сопоставим с восстановлением цифрового права за его законным обладателем.

Более того, определение размера убытков является затруднительным – действительная стоимость цифрового права складывается не только из его фактической стоимости, но и из возможностей, которые данное цифровое право предоставляет его обладателю.

Так, оценить стоимость ЦФА, предоставляющего права участия в капитале непубличного акционерного общества или стоимость УЦП, включающего в себя право требовать передачи исключительных прав, представляется, действительно, затруднительным.

Более того, сами цифровые права имеют имущественную ценность, поскольку обладание цифровыми правами может предоставлять определенные возможности.

В случае обращения с требованием *о возмещении причиненного вреда в натуре* к причинителю вреда следует принять во внимание, что предъявление такого требования будет обоснованным только в случае, если причинитель вреда является обладателем утраченного цифрового права либо является обладателем другого цифрового права того же рода и качества.

Если же у причинителя вреда утраченное цифровое право или другое цифровое право того же рода и качества отсутствуют в данной информационной системе, то возможно применение такого способа защиты, как возложение обязанности приобрести утраченное потерпевшим цифровое право того же рода и качества за свой счет и обеспечить его передачу потерпевшему.

Вместе с тем не является гарантированным исполнение такого рода судебных решений. Несмотря на возможность применения штрафа за неисполнение

судебного акта, причинитель вреда может продолжать уклоняться от исполнения решения.

В качестве одного из механизмов повышения исполнимости подобных решений представляется целесообразным предложить потерпевшему альтернативный способ защиты: самостоятельное приобретение аналогичного цифрового права с последующим предъявлением к причинителю вреда требования о возмещении понесенных расходов. Данная конструкция трансформирует обязанность нематериального характера (совершить определенные действия) в классическое денежное обязательство. Это, в свою очередь, открывает перед взыскателем значительно более широкий арсенал мер принудительного исполнения через службу судебных приставов.

Итак, обязанность по возмещению причиненного вреда в натуре исполнима лишь в случае, если причинитель владеет цифровым правом. В иных случаях исполнение судебного акта является не гарантированным. Требования к третьим лицам (последующим обладателям цифрового права) удовлетворению не подлежат, поскольку данные лица не являются причинителями вреда в понимании статьи 1064 ГК РФ.

Специфика цифровых прав привносит известные особенности в механизм осуществления такой их защиты. Юридическая конструкция цифрового права основана на общем правиле о признании его субъектом лица, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом (п. 2 ст. 141.1 ГК РФ).

Цифровое право характеризуется наличием записи в платформе, имеющей легитимационное значение. Удаление данной записи подобно лишению владения цифровыми правами, утрате формальной легитимации цифровых прав. Вместе с тем, данное лишение владения цифровыми правами влечет и утрату возможности осуществлять права, содержащиеся в цифровом праве. Перевод цифровых прав подобен передаче вещей.

В данном случае принадлежность права и внешняя формальная легитимация права (узаконение обладателя в качестве того, кому принадлежит соответствующее право) должны совпадать – без второго первое может быть оспорено.

Ввиду этого возможна ситуация, в которой согласно записи цифровое право принадлежит одному лицу, в то время как на самом деле оно принадлежит другому лицу.

В данной ситуации возникает вопрос о том, как устранить видимость данной ситуации, в которой цифровое право принадлежит лицу, которое не является его обладателем?

Для устранения видимости данной ситуации его правообладателю необходимо восстановление его возможности распоряжаться этим правом в рамках соответствующей информационной системы.

Так, ранее уже отмечалось, что цифровое право напоминает конструкцию права собственности – права, охраняемого от нарушений всех третьих лиц, причем даже тогда, когда объект находится у третьего лица, не нарушавшего этого права.

Вместе с тем цивилистическая наука дает точный и непоколебимый ответ на возможность распространения режима собственности на нематериальные объекты – нематериальные объекты не могут быть объектом права собственности.

Однако в судебной практике встречается словосочетание «собственник цифровых прав»¹⁶⁹, что свидетельствует о распространении правоприменителем режима права собственности на цифровое право. Полагаем, такая позиция правоприменителя является ошибочной, но достаточно простой для понимания правоприменителя, в связи с чем и применяемой.

При этом защита права собственности может осуществлена путем вещно-правовых способов защиты.

¹⁶⁹ По делу № 22-3349/2023: определение Иркутского областного суда от 04.10.2023; по делу № А65-16901/2020: постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2022. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2024).

Общепризнанным в юридической науке является то, что объектом виндикации может быть только индивидуально-определенная вещь, существующая в натуре.

Так, лицо может принять во владение транспортное средство другого лица-собственника. Для удовлетворения виндикационного иска суд устанавливает, что транспортное средство незаконно выбыло из владения собственника и на момент рассмотрения спора находится во владении ответчика.

Принципиальная нематериальная (неовещественная) природа цифровых прав рассматривается значительной частью исследователей в качестве фундаментального основания для отрицания возможности применения к ним виндикационного иска. Аргументация строится на том, что традиционная виндикация, сформированная как средство защиты права собственности на индивидуально-определенные физические объекты, не может быть механически перенесена на права требования и иные обязательственные по своей сути блага, каковыми, по мнению многих ученых, и являются цифровые права¹⁷⁰.

Действительно, бестелесная форма цифровых прав препятствует непосредственному использованию вещных исков, рассчитанных на вещи как материальные, физически осязаемые и пространственно ограниченные объекты.

Применительно к цифровым правам препятствием для предъявления виндикационного иска является необходимость индивидуализации предмета виндикации. Что не может быть индивидуализировано, не может быть и предметом виндикационного иска – денежные знаки, вещи, определенные родовыми признаками и т.д.

Цифровые права характеризуются своим *содержанием* (правами, которые они включают) и уникальным кодом, посредством которого у обладателя цифрового права имеется доступ, и, соответственно, возможность распоряжаться цифровым правом.

¹⁷⁰ Гусева А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 76; Лоренц Д. В. Цифровые права в сфере недвижимости: юридическая природа и способы защиты // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 60.

В таком случае предметом индивидуализации являются не само цифровое право, а включенные в него обязательственные или корпоративные права.

Однако нельзя говорить, что обязательственные или корпоративные права не могут быть подвергнуты изменению и при этом оставаться ценными, в отличие от вещи. Да, состояние вещи может быть улучшено, в таком случае в дополнение к виндикационному иску истец вправе предъявить и иные требования.

Права же, включенные в цифровое право, могут быть разделены на части и в таком случае ранее существовавший объект гражданских правоотношений прекратит свое существование. Точно также права, включенные в цифровое право, могут быть объединены. Таким образом, цифровые права не могут быть определены индивидуальными признаками, в связи с чем не могут быть предметом виндикации.

Таким образом, виндикация в отношении цифровых прав невозможна, поскольку цифровые права обладают нематериальной природой, а также не могут быть индивидуализированы подобно вещам.

Специфика защиты цифровых прав, в частности, невозможность применения классической виндикации, подтверждает их особую правовую природу. Это требует пересмотра традиционных цивилистических концепций и разработки новых теоретических подходов, а также совершенствования законодательства в части механизма защиты цифровых активов.

Ранее в цивилистической науке особый бестелесный характер корпоративных прав стал основанием для отрицания возможности их виндикации, в результате чего судебной практикой был сформирован способ защиты, основанный на виндикационной модели, именуемый как восстановление корпоративного контроля.

Так, обе категории удостоверяют обязательственные и иные права с их традиционным содержанием, обе осуществляются по определенным правилам учета (бездокументарные ценные бумаги учитываются в специальном реестре в электронной форме, цифровые права – в информационной системе или инвестиционной платформе).

В силу этого А. И. Савельев в своих работах отмечает, что вещно-правовые средства защиты неприменимы к цифровым правам в силу неприменимости к ним концепции владения, однако применима защита, предусмотренная в отношении бездокументарных ценных бумаг¹⁷¹.

А. А. Гусева, в свою очередь, полагает, что цифровые права не могут быть объектом виндикации, если учитывать их сходство с бездокументарными ценными бумагами, а также их нематериальный характер¹⁷².

На сегодняшний день для защиты прав на бездокументарные ценные бумаги подлежат применению два способа, закрепленные главой 7 ГК РФ:

1) солидарное требование о возмещении причиненных таким нарушением убытков к лицу, выпустившему соответствующие бездокументарные ценные бумаги, и к лицу, ведущему учет прав по таким ценным бумагам (регистратор, депозитарий);

2) требование к лицу, на счет которого ценные бумаги были зачислены, о возврате такого же количества соответствующих бездокументарных ценных бумаг с дополнительными требованиями к нему о возврате всего полученного по ценной бумаге и о возмещении убытков в зависимости от добросовестности приобретателя (п. 1 ст. 149.4, п. 5 ст. 147.1 ГК РФ).

Если обратиться к анализу второго способа защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг, то также несложно заметить построение данного способа по виндикационной модели защиты прав лишь с тем отличием, что лицо вправе требовать такое же количество бездокументарных ценных бумаг, т.е. объектом виндикации выступает не индивидуально-определенная материально выраженная вещь, а такое же количество однородных вещей.

Также судебной практикой выработан такой способ защиты прав на бездокументарные ценные бумаги, как «восстановление корпоративного

¹⁷¹ Савельев А. И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений // Закон. 2018. № 2. С. 41.

¹⁷² Гусева А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 4. С. 80.

контроля» посредством восстановления положения, существовавшего до нарушения права (ст. 12 ГК РФ)¹⁷³.

Удовлетворение данного требования возвращает участие (акции, доли уставного капитала) участнику посредством лишения права на спорную долю другого участника – текущего владельца (добросовестного, недобросовестного). Истцом выступает лицо, утратившее корпоративный контроль (акции или доли уставного капитала общества), ответчиком – лицо, владеющее акциями или долями на момент обращения в суд.

Таким образом, заявление о восстановлении корпоративного контроля близко по составу лиц к виндикационным требованиям. В обоих случаях возвращается актив – участие (в корпоративных отношениях) или имущество (в вещных отношениях).

В настоящее время ни законодатель, ни правоприменитель так и не нашли более эффективного способа защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг, чем способ защиты прав, построенный по модели виндикационного иска, даже несмотря на нематериальность бездокументарных ценных бумаг и невозможность их индивидуализации.

Учитывая определенную схожесть бездокументарных ценных бумаг и цифровых прав, следует отметить, что при разработке способа защиты цифровых прав следует принять во внимание уже имеющийся опыт защиты прав владельцев бездокументарных ценных бумаг.

Итак, цифровое право является абсолютным правом, охраняемым от всех иных лиц, даже в случае нахождения его у третьего лица, не являющегося нарушителем права, что, вместе с тем, напоминает конструкцию права

¹⁷³ См., напр.: по делу № А40-156605/13 : постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.05.2016 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025); по делу № 1176/08 : постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 03.06.2008 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025); по делу № 10967/08 : постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27.01.2009 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025); по делу № 5539/08 : постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10.06.2008 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.07.2025).

собственности. В связи с этим эффективным способом защиты права будет являться способ, построенный по модели виндикационного иска.

Ее адаптация к цифровым правам представляется логичным развитием цивилистической доктрины, направленным на заполнение существующего пробела в системе защиты абсолютных прав в цифровой среде.

В рамках настоящего параграфа нельзя не рассмотреть вопрос о возможности применения *реституции* в отношении цифровых прав, сущность которой определена в п. 2 ст. 167 ГК РФ.

Так в случае, если цифровые права были утрачены в результате совершения лицом недействительной сделки, то такое лицо может применить для защиты своих прав способ – признание оспоримой сделки недействительной и применение последствий ее недействительности, применение последствий недействительности ничтожной сделки. В результате признания сделки недействительной как раз-таки и применяется реституция.

Вместе с тем применение реституции при защите цифровых прав порождает ряд вопросов.

Так, к моменту вынесения судом решения цифровое право должно сохраниться в натуре. Ранее уже было установлено, что цифровое право не обладает таким признаком, как неизменность, и поэтому в любой момент может быть изменено или преобразовано его обладателем.

Также цифровое право может быть отчуждено добросовестному приобретателю путем заключения ряда последующих сделок, тогда применение реституции также не позволит обеспечить защиту цифровых прав. Как известно, добросовестные приобретатели имеют защиту от иска о применении последствий недействительности сделки.

В таком случае, конечно, возможна выплата денежной компенсации стоимости цифрового права, однако, как ранее отмечалось, может не отвечать интересам потерпевшего, поскольку несоизмеримо с восстановлением цифрового права. Более того, определить стоимость цифрового права также может быть затруднительно ввиду двойственной природы цифрового права.

Здесь также необходимо отметить, что технология блокчейн не позволяет признавать совершенную сделку недействительной с возвратом к первоначальному положению сторон и наступлением иных вытекающих из этого последствий.

В таком случае, учитывая невозможность аннулирования записей, совершенных во исполнение недействительной сделки, единственным вариантом применения реституции будет являться совершение стороной новой транзакции, понуждение к совершению которой должно осуществляться посредством механизма принудительного исполнения судебных актов.

Вместе с тем, исполнение данного решения невозможно гарантировать, поскольку должник может уклоняться от его исполнения.

Таким образом, для защиты цифрового права могут быть применены традиционные способы защиты гражданских прав.

Так, наиболее распространенным способом является возмещение убытков (ст. 15, 1064 ГК РФ). Его универсальность позволяет использовать его как в договорных отношениях (например, к оператору информационной системы по основаниям, перечисленным в ст. 9 Закона о ЦФА), так и во внедоговорных (деликтных) — к любому причинителю вреда. Компенсационный характер данного способа не обеспечивает восстановительной функции защиты. Он не возвращает потерпевшему утраченное цифровое право, а лишь компенсирует его стоимость, определение которой сопряжено со значительными трудностями ввиду уникальности и потенциальной доходности актива. Кроме того, эффективность способа напрямую зависит от платежеспособности нарушителя.

Теоретически к цифровым правам применимы последствия недействительности сделок (реституция по ст. 167 ГК РФ). Однако их практическая реализация наталкивается на непреодолимые препятствия, порожденные технологией распределенных реестров (blockchain). Блокчейн-технология по своей природе не допускает аннулирования ошибочных или противозаконных транзакций. Цифровое право может быть молниеносно передано добросовестному приобретателю, что в соответствии с п. 2 ст. 167 ГК РФ блокирует виндикацию и реституцию.

Законодатель предпринял попытку урегулировать отдельные аспекты защиты, закрепив в Законах о ЦФА и об инвестиционных платформах гражданско-правовую ответственность операторов информационных систем и платформ за убытки, вызванные сбоями, утратой данных или предоставлением недостоверной информации, а также право неквалифицированных инвесторов требовать от оператора принудительного выкупа цифровых финансовых активов, приобретенных с нарушением установленных ограничений.

Данные нормы, безусловно, полезны, но носят фрагментарный характер и не покрывают весь спектр возможных нарушений, особенно со стороны третьих лиц, не являющихся операторами.

Вместе с тем, в случае утраты цифрового права (утраты легитимационной записи в информационной системе) имеющиеся способы защиты гражданских прав не обеспечивают его восстановление за законным обладателем.

Иными словами, отсутствие механизма восстановления легитимации выражено в отсутствии в законе способа, направленного на приведение формальной записи в информационной системе (легитимационного знака) в соответствие с действительным правообладанием. Утрата записи тождественна утрате права, а восстановить его в натуре существующими методами невозможно.

Ранее по тексту настоящей работы была установлена двойственная природа цифровых прав – с одной стороны, само цифровое право, и с другой стороны, обязательственные и корпоративные права, включенные в него.

Если в отношении самого цифрового права становится очевидным недостаточность имеющихся в гражданском законодательстве способов защиты прав, то отношении обязательственных и корпоративных прав данный вопрос будет рассмотрен далее.

Так, имущественные права, включенные в цифровые права, являются относительными субъективными правами (например, право требовать передачи вещи, выполнения работы и пр.).

И для обязательственных, и для корпоративных прав действующее законодательство предусматривает защиту как общими, так и специальными способами защиты.

Ключевым в данном случае является установление применимости тех способов защиты, которые могут применяться для защиты обязательственных и корпоративных прав, для защиты этих же прав, включенных в цифровое право.

Так, для обязательственных прав способом защиты будет, прежде всего, понуждение к совершению должником образующего объект обязательства действия или бездействия.

В случае, если цифровое право включает в себя требование о передаче вещи (например, нескольких тонн сахара), то неисполнение обязанности по передаче вещи делает возможным применения такого способа защиты, как понуждение к передаче данных тонн сахара. Аналогичным образом регулируется и понуждение к выполнению работ, оказанию услуг, исполнению денежного обязательства.

Для защиты корпоративных прав применяются различные способы защиты – понуждение к выплате дивидендов, признание решения общего собрания акционеров недействительным, признание эмиссии акций недействительной, признание сделок общества недействительными, и т.д. Существование корпоративного права «внутри» цифрового права не исключает применение вышеуказанных способов защиты прав.

Применению такого способа, как восстановление корпоративного контроля, не препятствует существование корпоративного права в цифровой среде. Утрата корпоративного контроля может произойти во многих случаях, в частности, при реорганизации общества, при значительном увеличении уставного капитала и др. В таком случае препятствий для предъявления иска о восстановлении корпоративного контроля также не выявлено.

При наличии пороков сделок и договоров, на основании которых существуют обязательственные и корпоративные права, включенные в цифровое право, представляется возможным применение такого способа, как признание сделки

недействительной и применение реституции. Ответчиком по такому иску выступает лицо, являющееся субъектом спорного материального правоотношения.

Вышеизложенное нашло отражение и в судебной практике. Так, Общество 1 обратилось в суд с иском к ФИО о признании сделки недействительной (ничтожной) с обоснование заявленных требований, указывая на то, между Обществом и ФИО заключен договор инвестирования № от 03.11.2020, по условиям которого Займодавец предоставил Заемщику заем в размере 150 000 рублей. Заключение сделки производилось на электронной инвестиционной платформе, оператором которой выступало Общество 2. По мнению истца, договор инвестирования подлежит признанию недействительным по ряду оснований, в частности, как сделка, заключенная с целью последующего вывода активов общества в пользу самого бывшего генерального директора ФИО и аффилированных с ней лиц; по предварительному сговору с другой стороной сделки (представителем стороны) и с заведомым и очевидным нарушением интересов возглавляемого ею общества; с превышением должностных полномочий; при отсутствии необходимого одобрения (получения согласия общества на совершение сделки с заинтересованностью. ФИО, в свою очередь, обратилась со встречным иском к Обществу 1 о взыскании денежных средств, переданных по договору инвестирования в качестве неосновательного обогащения, а также процентов, исчисленных на них. Суд отказал истцу в признании сделки недействительной, а требования ФИО к Обществу 1 удовлетворил¹⁷⁴.

Таким образом, относительные субъективные права (обязательственные и корпоративные), содержащиеся в цифровом праве, могут быть защищены уже известными гражданскому праву способами защиты прав, применяемыми для защиты обязательственных и корпоративных прав.

Ранее для целей защиты цифровых прав была предложена классификация, в соответствии с которой цифровые права включают:

¹⁷⁴ По делу № 2–704/2022 : решение Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону (Ростовская область) от 30.09.2022 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2024).

- 1) корпоративные права;
- 2) права, реализуемые исключительно в информационной системе;
- 3) права на самостоятельные объекты, существующие независимо от информационной системы.

Особенности защиты корпоративных прав, включенных в цифровое право, рассмотрены выше, также определены способы защиты таких корпоративных прав.

Специфика защиты прав, реализуемых исключительно в информационной системе, сводится к тому, что, учитывая применение технологии блокчейн, исполнение содержащихся в цифровом праве требований должно происходить самостоятельно (самоисполнимость). По изначальной основополагающей идее технологии блокчейн в связи с тем, что данные требования исполняются в рамках информационной системы или инвестиционной платформы автоматически, то неисполнение данного требования исключено.

При защите прав требований, исполнение которых осуществляется в материальном мире, необходим, так называемый, «выход в реальность». Способы защиты таких прав определяются в зависимости от содержания требования и направлены на понуждение исполнения требования в реальном мире.

Несмотря на то, что такие права обращаются в цифровой среде (в информационной системе и инвестиционной платформе), их исполнение осуществляется в материальном мире, что может создать неопределенность и требует особого подхода к их регулированию и защите.

К данной категории относятся, в частности, утилитарные цифровые права, которые могут содержать требования о передаче вещей, выполнении работ, оказании услуг или передаче исключительных прав.

Так, обязанность, корреспондирующая праву требования, включенному в цифровое право, может корреспондировать правам иных лиц, возникшим в материальном мире. Это создает ситуацию, когда одно и то же право требования может одновременно существовать в цифровой и материальной среде и при этом принадлежать разным лицам.

Например, если цифровое право включает требование о передаче исключительных прав на программное обеспечение, то это же требование может быть одновременно закреплено в договоре с иным лицом, заключенном в письменной форме.

В данном случае проблема заключается в том, что исполнение обязательств, включенных в цифровые права, происходит в материальном мире, что создает риск конфликта сведений о праве требования, содержащихся в информационной системе, и сведений об этом же праве требования, содержащихся в иной форме. Это требует разработки механизма, обеспечивающего согласованность между цифровой и материальной средой.

Если право требования передачи вещи, включенное в цифровое право, закреплено в информационной системе, но одновременно в иной форме (письменной, устной) с этим возникли обязательственные правоотношения по поводу этого же права требования, возникает вопрос о приоритете прав и порядке разрешения спора.

Отсутствие приоритета в такой ситуации создает правовую неопределенность, что затрудняет защиту прав участников гражданского оборота. Установление же приоритета сведений о правах требования, включенных в цифровое право, позволит устранить эту неопределенность и обеспечить стабильность правоотношений.

Определение приоритета кредиторов по обязательству о передаче индивидуально-определенной вещи решен во втором и третьем предложениях абз. 1 ст. 398 ГК РФ. Так, в соответствии с абз. 1 ст. 198 ГК РФ преимущество имеет то, лицо которое получило владение вещью ранее. Если вещь еще не передана, преимущество имеет тот из кредиторов, в пользу которого обязательство возникло раньше. Если же неясно, чье обязательство возникло раньше, преимущество имеет первый предъявивший иск. Оставшийся без вещи кредитор имеет право на возмещение убытков.

Приоритет сведений о правах требования, включенных в цифровое право, исполнение обязанностей по которым происходит вне информационной системы

или инвестиционной платформы, заключается в том, что такие сведения имеют приоритет перед сведениями об этих же правах требования, основанных на сделках, совершенных в иных формах, при условии, что сделка совершена позже, чем возникло цифровое право.

Введение данного правила будет иметь значительные последствия для участников гражданских правоотношений, в частности, обеспечит правовую определенность, согласованность между цифровой и материальной средой, защиту добросовестных участников гражданских правоотношений и поддержку государственной политики, направленной на развитие цифровой экономики.

В связи с чем предлагается к закреплению приоритет сведений о правах требования, включенных в цифровое право, перед сведениями о правах требования, основанных на сделках, совершенных в письменной или иной формах, при условии, что цифровое право, включающее такие права требования, возникло раньше, чем совершена такая сделка.

Проведенный анализ способов защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота в Российской Федерации позволяет сформулировать следующие выводы, имеющие теоретическое и практическое значение.

В рамках настоящего параграфа рассмотрены способы защиты цифровых прав, при этом как самого цифрового права, так и включенных в него имущественных прав.

Действующим законодательством, несмотря на введение нового объекта гражданских прав, какой-либо новый способ защиты цифрового права не предусмотрен, равно как и какие-либо особенности защиты нового объекта гражданских прав также не установлены. Защита цифровых прав ограничена традиционными способами защиты гражданских прав.

Так, защита цифровых прав традиционными способами возможна, например, путем предъявления требования о возмещении убытков. Вместе с тем применение данного способа не всегда соответствует интересам потерпевшего, так как не обеспечивает восстановления именно цифрового права, а лишь компенсирует его стоимость, определение которой часто затруднительно. Иные способы защиты

гражданских прав либо неприменимы ввиду особой природы цифровых прав, либо не обеспечивают их надлежащую защиту.

Ранее установлено, что цифровое право характеризуется наличием записи в платформе, имеющей легитимационное значение, гарантирующей право распоряжаться цифровым правом.

В настоящее время в законодательстве отсутствует способ защиты, направленный на приведение формальной легитимации (отраженной в информационной системе) в соответствие с действительным правообладанием с одновременным лишением цифрового права лица, которое формально (согласно легитимационным знакам) является обладателем цифрового права.

Проведенное исследование способов защиты цифровых прав продемонстрировало недостаточность существующих способов защиты гражданских прав для защиты цифровых прав. Цифровые права, являясь новым объектом гражданского оборота, требуют формирования специального правового режима их защиты, учитывающего их особенности.

Также в рамках параграфа рассмотрена защита обязательственных и корпоративных прав, включенных в цифровые права. Их защита осуществляется традиционными способами (понууждение к исполнению обязательства, признание сделок недействительными и др.), что не вызывает особых сложностей.

В отношении реализации прав, включенных в цифровое право, в реальном мире, установлено, что имеется потребность в закреплении приоритета сведений о правах требования, включенных в цифровое право, перед сведениями о правах требования, основанных на сделках, совершенных в письменной или иной формах, при условии, что цифровое право, включающее такие права требования, возникло раньше, чем совершена такая сделка. Таким образом, действующее законодательство не в полной мере обеспечивает защиту цифровых прав субъектов гражданского оборота.

3.3. Направления совершенствования гражданского законодательства о способах защиты цифровых прав в Российской Федерации

Развитие оборота цифровых прав требует нормативной конкретизации и единообразия в правовом регулировании, что обуславливает необходимость совершенствования гражданского законодательства в части регламентации способов их защиты.

Установленная в § 3.2 настоящего исследования недостаточность традиционных гражданско-правовых инструментов защиты обуславливает необходимость разработки специального способа защиты, учитывающего особенности цифровых прав. Настоящий параграф посвящен разработке конкретных предложений по преодолению выявленного правового пробела.

Так, для защиты цифрового права необходим специальный способ защиты, позволяющий привести внешнюю (формальную) легитимацию лица в соответствие с принадлежностью цифрового права лицу путем восстановления легитимационного знака обладания цифровым правом в информационной системе.

Наличие специального, отличного от вещного права, способа защиты обладателя цифровых прав является одним из признаков существования особого абсолютного права на цифровые права, отличного от вещного права собственности и учитывающего нематериальную природу этих объектов. Отступление от правил виндикации является принципиальным вопросом, и это должно учитываться не только в судебной практике, но и в науке гражданского права.

Как ранее было установлено, специфика цифровых прав привносит известные особенности в механизм осуществления такой их защиты.

Юридическая конструкция цифрового права основана на общем правиле о признании его субъектом лица, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом (п. 2 ст. 141.1 ГК РФ).

Ранее было установлено, что утрата легитимационных знаков, подтверждающих владение цифровым правом, подобна утрате цифрового права, в

связи с чем для защиты цифрового права необходимо привести легитимационные знаки в информационной системе в соответствие с действительным владением цифрового права. Так, без соответствующей записи в информационной системе цифровое право не возникает, при этом сама по себе такая запись в отсутствие материально-правового основания не может свидетельствовать о переходе владения цифровым правом.

Признание необходимости специального способа защиты логически вытекает из выявленной ранее недостаточности традиционных гражданско-правовых инструментов. Однако его разработка требует принципиально иного подхода, отличного от вещно-правовой модели. Ключевым отличием и основой предлагаемого механизма является то, что защита цифрового права должна быть направлена не на возврат объекта (что технически может быть невозможно), а на восстановление его формального признания системой – легитимационного знака обладания в информационной системе.

В данном случае кажется логичным защищать нарушенные цифровые права посредством предъявления *иска о признании цифрового права*. Ответчиком будет выступать лицо, являющееся предполагаемым участником спорного правоотношения.

Информационные системы, в которых осуществляется выпуск и оборот цифровых прав, являются централизованными, ведение данных систем осуществляется профессиональными операторами.

В связи с централизованностью данных платформ заинтересованные лица могут получить сведения о лице, в частности, персональные данные лица, иную конфиденциальную информацию, по запросу суда, что исключает затруднения при установлении ответчика при обращении в суд.

Этим правовой режим цифровых прав в Российской Федерации существенно отличается от правового режима токенов (криптовалют и пр.), основанного на анонимности и децентрализованности.

Итак, учитывая, что лицо, чьи права подлежат защите, утратило легитимацию цифрового права в информационной системе, но не утратило основание владения,

суд в данном случае устраняет возникшую коллизию – приводит легитимационную запись о цифровом праве в информационной системе в соответствие с реальностью.

При рассмотрении исков о признании права суд устанавливает принадлежность права лицу, обратившемуся за защитой:

- 1) определяет основания владения цифровым правом (например, приобретение его у другого лица);
- 2) устанавливает, существуют ли эти права на момент разбирательства;
- 3) устанавливает, кому принадлежит цифровое право – истцу или текущему обладателю.

В данном случае возникла коллизия между записью о принадлежности права и фактической принадлежностью права. Для защиты прав законного обладателя цифрового права суд должен привести формальность (легитимационные знаки) в соответствие с действительностью.

По результатам рассмотрения дела суд должен прийти к выводу об обоснованности изменения легитимационной записи в информационной системе относительно цифровых прав в части их принадлежности или об отсутствии оснований для ее изменения.

В случае отсутствия правового основания для изменения записи суд делает вывод о том, что цифровые права должны были продолжать принадлежать их законному обладателю и подтверждаться легитимационной записью. При применении такого способа защиты прав как признание цифрового права суд констатирует факт принадлежности цифрового права его законному обладателю.

Вместе с тем для защиты цифрового права суд должен не только констатировать факт принадлежности цифрового права истцу, но и лишить ответчика, формально обладающего цифровым правом, данного цифрового права, чтобы признать цифровое право за истцом. Иск о признании права лишь констатирует факт принадлежности права, но не восстанавливает нарушенное положение, поскольку не позволяет изменять легитимационные знаки в информационной системе.

Л. Ю. Василевская приходит к выводу, что подтверждение факта существования правоотношения является лишь одним из аспектов, который требуется установить при разбирательстве дела. Но признание права не позволит восстановить нарушенное право, в связи с чем не может выступать способом защиты цифровых прав¹⁷⁵.

Действительно, защита цифрового права, в частности, его восстановление, осуществляется путем лишения цифрового права лица, которое формально (согласно легитимационной записи в информационной системе) является обладателем цифрового права, и признания цифрового права за его действительным обладателем.

Предлагаемый механизм, формально схожий с признанием права, по своей юридической сущности выходит за его рамки. Его содержание заключается не в констатации существующей неопределенности, а в активном восстановлении status quo, нарушенного неправомерными действиями. Следовательно, корректная юридическая квалификация данного способа защиты — это не признание права, а *восстановление положения, существовавшего до нарушения права*.

В отличие от иска о признании права иск о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права, предъявляется не к предполагаемому контрагенту признаваемого правоотношения, а к лицу, совершившему неправомерное действие.

При применении данного способа защиты рассмотрению правоприменителем также подлежит вопрос о том, подлежит ли нарушенное право восстановлению или нет.

Таким образом, к ранее указанным трем положениям, устанавливаемым судом при рассмотрении требования о признании цифрового права, добавляется также четвертое — само восстановление нарушенного права.

¹⁷⁵ Василевская Л. Ю. Иск о признании права: проблемы юридической квалификации [Электронный ресурс] // Право и бизнес: сб. статей I ежегодной Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В. С. Мартемьянова / под ред. И. В. Ершовой. М., 2012 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Как указано выше, субъект цифрового права обладает возможностью распоряжаться этим правом в соответствующей информационной системе. Легитимационное значение, таким образом, приобретают знаки, идентифицирующие лицо в информационной системе в качестве субъекта распоряжения цифровым правом.

В данном случае защита цифрового права осуществляется путем аннулирования в информационной системе новых легитимационных знаков в отношении цифрового права и восстановления прежних легитимационных знаков.

Информационная система отдаленно подобна системе регистрации прав на недвижимые вещи, однако ведение информационной системы осуществляют *операторы*, на которых возложены функции по идентификации пользователей системы, ведению реестра транзакций и их валидации, контролю за фактом нарушения цифровых прав, предупреждению нарушений и др.

Учитывая, что никто, кроме операторов информационной системы, не имеет технической возможности вносить изменения в информационную систему, то требования должны быть заявлены не только к лицу, неправомерно обладающему цифровым правом, но и к оператору соответствующей системы.

Природа цифровых прав обуславливает особую роль оператора информационной системы. Поскольку именно оператор обладает исключительной технической возможностью вносить изменения в реестр цифровых прав, его отсутствие в процессе создает существенный риск неисполнения судебного решения. Более того, оператор как субъект, осуществляющий ведение информационной системы, несет обязанность по обеспечению достоверности учетных записей и поддержанию их в актуальном состоянии.

Эта особенность защиты цифровых прав обусловлена спецификой цифрового права, в частности, особенностями его возникновения, осуществления и оборота (определяемых правилами информационной системы).

В случае утраты легитимационных знаков возникает коллизия между формальной записью в системе и материально-правовым основанием владения.

Для ее разрешения оператор должен быть участником дела, но его процессуальная роль требует уточнения.

Частноправовой статус оператора инвестиционной платформы не освобождает его от обязанности исполнения судебного акта, однако создаёт риски, связанные с необходимостью применения механизма принудительного исполнения, что обуславливает временные издержки и снижение оперативности защиты нарушенного права.

С процессуальной точки зрения привлечение оператора в качестве соответчика позволяет достичь нескольких важных целей, в частности, обеспечить полноту судебного разбирательства за счет участия всех заинтересованных сторон, исключить необходимость отдельного производства для принуждения оператора к исполнению решения, создать эффективный механизм реализации судебных актов.

Материально-правовые основания для участия оператора в процессе вытекают из его особого статуса. Так, оператор осуществляет контрольные функции за оборотом цифровых прав, несет ответственность за корректность ведения реестра, а также имеет обязанность по защите прав участников системы.

Особое значение участие оператора приобретает при защите добросовестных приобретателей. Располагая полной информацией о цепочке транзакций, оператор может подтвердить или опровергнуть добросовестность приобретения, предоставить данные о соблюдении процедур проверки, доказать наличие/отсутствие оснований для восстановления прав.

Особенность субъектного состава, а именно обязательное участие оператора информационной системы в качестве соответчика, выступает ключевым критерием, исключающим отнесение данного механизма к иску о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права. Классический иск данной категории предполагает отношения исключительно между правообладателем и нарушителем, тогда как защита цифрового права требует участия третьего лица — оператора, который не является ни нарушителем, ни стороной в материальном правоотношении, но без чьего участия невозможно реальное восстановление права.

Таким образом, в силу вышеуказанной особенности субъектного состава спора данный способ защиты права нельзя отнести к иску о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права.

Установленная специфика субъектного состава, объекта защиты и роли оператора информационной системы свидетельствует не просто о технической модификации известных способов защиты, а о возникновении синтетического правового инструментария, адекватного природе цифровых прав. С одной стороны, его целевая направленность на восстановление нарушенного права законного обладателя путем исправления записи в реестре сближает его по функциональному назначению с виндикацией. С другой стороны, кардинальное отличие объекта (его нематериальность), а также комплексный характер требований (как к нарушителю, так и к оператору системы) не позволяют рассматривать его в качестве виндикационного иска в классическом понимании.

Следовательно, наиболее подходящим с учетом всех особенностей цифровых прав представляется требование, направленное на восстановление цифрового права за его законным обладателем. Содержание данного требования сводится к восстановлению легитимационной записи в информационной системе, в связи с чем требование носит виндикационный характер, однако не является виндикационным требованием, *а является требованием особого рода, содержание и природа которого требуют дополнительного изучения.*

Требование о восстановлении цифрового права хотя и имеет самостоятельный характер, но удовлетворяется на тех же условиях, что и виндикационный иск.

Так, виндикационный иск удовлетворяется при наличии следующих условий:

- 1) если установлена недобросовестность приобретателя цифрового права;
- 2) если недобросовестность приобретателя не установлена, но установлено безвозмездное приобретение цифрового права или приобретение цифрового права, выбывшего из обладания законного обладателя против его воли.

Иск подлежит удовлетворению, если лицо фактически владеет цифровым правом и при этом либо не является их приобретателем, либо приобрело их

недобросовестно, либо приобрело добросовестно, но сделало это в ситуации, когда цифровое право было из обладания управомоченного лица помимо его воли, либо приобрело цифровое право безвозмездно.

Ответчиком выступает лицо, у которого обнаружено цифровое право и которое фактически обладает цифровым правом, является недобросовестным приобретателем либо не является приобретателем.

Если же такого лица не существует, то и требование о восстановлении цифрового права удовлетворению не подлежит. В таком случае возможно применение иных способов защиты прав, например, возложение обязанности по возмещению причиненного вреда в натуре путем приобретения лицом, причинителем вреда, необходимого цифрового права с последующей передачей потерпевшему.

В связи с невозможностью применения классической виндикации к цифровым правам ввиду их нематериальной природы, обоснованным представляется введение в гражданское законодательство нового способа защиты цифровых прав – восстановление цифрового права. Данный иск, сохраняя черты виндикационной модели (абсолютная защита, направленность против любого нарушителя), адаптирован к особенностям цифровых активов.

Предложенный специальный способ защиты цифрового права – восстановление цифрового права – построен по виндикационной модели, но учитывает нематериальную природу цифровых прав. Основанием для предъявления иска является неправомерная утрата законным обладателем цифрового права (т. е. утрата легитимационных знаков, подтверждающих владение цифровым правом).

Содержанием является требование о восстановлении легитимационных знаков в информационной системе за законным обладателем путем совершения оператором новой транзакции с одновременным лишением цифрового права лица, которое формально (согласно легитимационным знакам) является обладателем цифрового права.

Принципиальные отличия иска о восстановлении цифрового права от классической виндикации проявляются по нескольким ключевым аспектам. В частности, по объекту защиты – так, виндикационный иск направлен на возврат конкретной индивидуально-определенной вещи, обладающей материальной формой, иск о восстановлении цифрового права направлен на приведение данных в информационной системе в соответствие с действительным состоянием прав. Поскольку цифровой актив не обладает физической формой, его нельзя изъять в натуре – защита осуществляется через совершение транзакций в реестре.

Также имеется существенное отличие по механизму исполнения судебного решения. При виндикации исполнение производится путем физического изъятия вещи у незаконного владельца и передачи ее законному собственнику, при удовлетворении иска о восстановлении цифрового права в информационной системе – оператор соответствующей системы совершает новую транзакцию в пользу истца.

Также данные способы различаются по природе защищаемого права: виндикация защищает вещное право собственности на материальный объект, восстановление цифрового права защищает особое абсолютное право на нематериальный актив, существующий только в форме записи в информационной системе.

Указанные отличия подтверждают необходимость формирования специального правового режима защиты цифровых прав, который должен учитывать их принципиально иную правовую и технологическую природу по сравнению с традиционными вещными правами.

Введение специального способа защиты – восстановления цифрового права – позволяет преодолеть указанные проблемы путем создания комплексного механизма, учитывающего специфику цифровой среды. Суть данного способа заключается в приведении записей в информационной системе в соответствие с действительным правообладанием через совершение корректирующей транзакции оператором системы. При этом важное значение приобретают процессуальные гарантии эффективности защиты, включая обязательное

участие оператора информационной системы в качестве соответчика и специальные правила распределения бремени доказывания.

В связи с чем статью 141.1 ГК РФ следует дополнить пунктом 4 следующего содержания: *«4. Если иное не установлено настоящим Кодексом, обладатель цифрового права, чье право нарушено, вправе требовать восстановления его цифрового права в информационной системе с одновременным лишением такого права незаконного обладателя. Восстановление цифрового права осуществляется оператором информационной системы на основании вступившего в законную силу судебного акта».*

В контексте формирования правового режима цифровых прав особую актуальность приобретает вопрос защиты добросовестных приобретателей, который базируется на фундаментальных принципах гражданского права, в частности на принципе защиты добросовестного участника оборота.

В условиях цифровой экономики значение этого принципа существенно возрастает в связи с характерными особенностями оборота цифровых активов: повышенной скоростью совершения сделок, технической сложностью верификации цепочки правообладания, а также необходимостью обеспечения стабильности и предсказуемости цифрового рынка.

В связи с чем является целесообразным дополнить ст. 141.1 ГК РФ пунктом 5 следующего содержания: *«5. Если цифровое право приобретено у лица, которое не имело права его отчуждать, о чем приобретатель не знал и не должен был знать (добросовестный приобретатель), то законный обладатель цифрового права вправе требовать восстановления своего права только в случаях, когда цифровое право было утрачено им помимо воли или приобретатель получил его безвозмездно».*

В данном случае добросовестность приобретателя правоприменителю следует определять с учетом проведенной приобретателем проверки истории транзакций, соответствия цены рыночной стоимости, репутации платформы и контрагента и др.

Введение предложенного положения соответствует фундаментальным принципам гражданского права, его реализация будет способствовать формированию стабильного и предсказуемого правового режима оборота цифровых прав, что соответствует стратегическим задачам развития цифровой экономики Российской Федерации.

Конечно, нельзя не отметить, что учеными осуществляется поиск способов защиты в ситуациях, когда применение традиционных способов защиты затруднено. В этом контексте заслуживают внимания встречающиеся в научной литературе предложения о применении такого способа защиты цифровых прав, как *восстановление контроля над цифровыми правами*. В таком случае возврат цифрового права незаконным приобретателем в пользу правообладателя происходит не в результате аннулирования цепочки транзакций, вследствие которых цифровое право оказалось во владении незаконного приобретателя, а в результате совершения новой транзакции – возврата цифрового права законному правообладателю¹⁷⁶.

Данный иск также построен по виндикационной модели с фактической заменой терминологии и представляет собой вышеуказанный иск о восстановлении нарушенного цифрового права.

В научной литературе встречаются предложения создать новый способ защиты цифровых прав – *требование о возврате доступа к цифровому коду по виндикационной модели защиты нарушенных прав*. Ученые обосновывают необходимость создания нового способа невозможностью применения виндикации для защиты цифровых прав. Иск в таком случае предъявляется к оператору информационной системы. Повысить эффективность защиты права может принятие механизма принуждения оператора к исполнению вынесенного решения и установление ответственности за неисполнение¹⁷⁷.

¹⁷⁶ Лескова Ю. Г., Ванин В. В. Правовосстановительные способы защиты корпоративных цифровых прав // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 7. С. 70; Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: монография. М., 2022. С. 140.

¹⁷⁷ Лоренц Д. В. Указ. соч.; Мурзин Д. В. Виндикационная модель защиты исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности // Журнал Суда по интеллектуальным

Такому требованию, как предоставление информации о логинах и паролях для доступа к аккаунту дана оценка в судебной практике. Так, как отметил Одиннадцатый арбитражный апелляционный суд, если лицо считает себя собственником аккаунтов, оно должно защищать права на такие цифровые активы путем предъявления соответствующих исков в соответствии со ст. 12 ГК РФ (признание права и т.п.), а не путем иска о понуждении предоставления информации о логинах и паролях¹⁷⁸.

Полагаем, что данное требование может быть заявлено в случае утраты цифрового права по причине технической ошибки – при этом само лицо устранить такую ошибку не может в отсутствие технической возможности. В таком случае оператор восстанавливает легитимационные знаки в отношении владения цифровым правом за законным обладателем.

В современной юридической доктрине все чаще поднимается вопрос о необходимости введения специального механизма компенсации за нарушение цифровых прав, аналогичного существующему в сфере защиты интеллектуальной собственности. Как отмечает Д. Н. Кархалев, подобный подход обусловлен существенными сложностями в доказывании размера убытков, причиненных неправомерными действиями в отношении цифровых активов, а также особой экономической ценностью таких прав в глобальном цифровом пространстве¹⁷⁹.

Особенности цифровых прав как объекта гражданского оборота создают некоторые проблемы при защите нарушенных интересов их обладателей. Высокая волатильность стоимости цифровых прав, отсутствие единообразных методик их оценки, трансграничный характер возможных нарушений – все эти факторы существенно затрудняют традиционный механизм возмещения убытков.

правам. 2021. № 2(32). С. 103; Павлова Д. А. Особенности осуществления цифровых прав // Юрист. 2023. № 3. С. 10.

¹⁷⁸ По делу № А65-16901/2020: постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2022 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 12.05.2024).

¹⁷⁹ Кархалев Д. Н. Цифровые права в гражданском обороте // Сибирское юридическое обозрение. 2022. № 2. С. 140.

Вместе с тем установление единых фиксированных компенсационных сумм (в научной литературе предлагается от 100 тыс. до 100 млн руб.) для столь различных по природе и стоимости объектов нарушает фундаментальный принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности. Фиксированные размеры компенсации игнорируют реальный размер причиненного вреда, создавая ситуации как необоснованного обогащения (когда компенсация многократно превышает стоимость утраченного актива), так и недостаточного возмещения. Введение фиксированных выплат создает новые риски злоупотреблений, в том числе рост числа недобросовестных исков с целью получения завышенных компенсаций.

Размер компенсации должен определяться с учетом характера и масштаба нарушения, а также стоимости цифрового права. Для применения компенсации необходимо разработать четкие критерии определения ее размера, что может быть сложно в условиях разнообразия цифровых прав и их стоимости. Отсутствие таких критериев приведет к неоднозначности в судебной практике.

Таким образом, концепция фиксированных компенсаций за нарушения цифровых прав не соответствует принципам соразмерности и справедливости гражданско-правовой ответственности, создает риски для добросовестных участников оборота и не решает ключевую проблему доказывания размера ущерба.

Р. А. Курбанов и К. И. Налетов, обращая внимание на сложность доказывания наличия фактических убытков (в частности, причинно-следственной связи между действиями оператора и наступившими последствиями), предлагают использовать институт indemnity, предусмотренный статьей 406.1 ГК РФ – возмещение имущественных потерь, не связанных с нарушением обязательства стороной. При этом размер indemnity может быть установлен законодателем¹⁸⁰.

¹⁸⁰ Курбанов Р. А., Налетов К. И. Статус оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов // Журнал российского права. 2022. № 12. С. 45–57.

В отличие от убытков, возмещение потерь по правилам ст. 406.1 ГК РФ осуществляется вне зависимости от наличия нарушения¹⁸¹. Единственным аргументом в пользу использования института indemnity для защиты цифровых прав может быть довод о практических сложностях взыскания убытков ввиду сложности их доказывания и повышенных требованиях, предъявляемых к оператору.

Институт indemnity предполагает возмещение потерь без доказательства нарушения обязательств, что может привести к необоснованным выплатам. Это создает финансовые риски для операторов, особенно в случаях, когда потери возникли не по их вине. Установление справедливого размера indemnity требует учета множества факторов, таких как стоимость цифрового права, масштаб потерь и финансовые возможности оператора, что представляется затруднительным в условиях разнообразия цифровых прав.

Введение специального способа защиты цифровых прав имеет принципиальное значение для развития цивилистической доктрины и системы гражданско-правового регулирования. Принятие соответствующей законодательной новеллы позволит преодолеть существующую в науке дискуссию о возможности применения виндикации к цифровым правам, а также устранил необходимость их искусственного подведения под классическую конструкцию вещных прав. Формирование самостоятельного механизма защиты, учитывающего нематериальную природу и технологические особенности цифровых активов, снимет проблему их теоретической квалификации, поскольку вопрос о допустимости виндикационного иска утратит свою актуальность в условиях наличия специального правового инструментария.

Проведенный анализ выявил необходимость системного совершенствования правового регулирования способов защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота, что обусловлено их принципиально иной правовой

¹⁸¹ О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7. [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 28.03.2024).

природой по сравнению с традиционными объектами гражданских прав. Сформулированные выводы позволяют определить основные направления развития законодательства в данной сфере.

Основным направлением совершенствования защиты цифровых прав должно стать введение в гражданское законодательство специального способа защиты цифровых прав – восстановления цифрового права, который, сохраняя черты виндикационной модели (абсолютный характер защиты, направленность против любого нарушителя), одновременно адаптирован к особенностям информационной системы.

Содержанием данного способа является требование о приведении легитимационных записей в информационной системе в соответствие с действительным правообладанием путем совершения ее оператором корректирующей транзакции.

Особого внимания заслуживает вопрос защиты добросовестных приобретателей цифровых прав, который должен решаться с учетом баланса интересов участников оборота. Анализ показывает, что в данном случае целесообразно применение по аналогии правил ст. 302 ГК РФ с учетом специфики цифровой среды, в частности необходимости оценки добросовестности приобретателя через призму проведенной им проверки соответствия цены рыночной стоимости и иных значимых обстоятельств.

Вместе с тем предложения о введении системы фиксированных компенсаций за нарушение цифровых прав, по аналогии с интеллектуальной собственностью, представляются дискуссионными, поскольку игнорируют принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности и могут привести к злоупотреблениям.

Таким образом, совершенствование способов защиты цифровых прав требует комплексного подхода, включающего как внесение соответствующих изменений в гражданское законодательство, так и развитие доктринальных положений о природе цифровых прав. Введение нового способа защиты цифрового права позволит сформировать эффективный механизм защиты, соответствующий потребностям цифровой экономики. Данные меры будут способствовать

обеспечению стабильности оборота цифровых прав и защите прав их добросовестных участников, что соответствует стратегическим задачам развития гражданского права в условиях цифровой экономики.

Проведенное в настоящей главе исследование способов защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота позволило сформулировать следующие выводы, обладающие теоретической и практической значимостью для развития цивилистической доктрины и совершенствования правового регулирования.

Анализ эволюции способов защиты гражданских прав в историко-правовом контексте показал, что в дореволюционном законодательстве отсутствовала систематизированная регламентация данных способов, что отражалось и в доктринальных подходах. Лишь в советский период с принятием Основ гражданского законодательства и ГК РСФСР 1964 г. был закреплён общий перечень способов защиты, что придало новый импульс для их научного осмысления.

В современной цивилистике отсутствует единое понимание категории «способ защиты цифровых прав», однако наиболее обоснованным представляется его определение как предусмотренной законодательством и принимаемой субъектами гражданского оборота в установленной законом форме меры, направленной на приведение формальной легитимации (отраженной в информационной системе) в соответствие с действительным правообладанием.

Цифровые права как новый объект гражданских правоотношений обладают уникальными особенностями, включая двойственную природу, существование в цифровой среде (информационных системах и инвестиционных платформах), а также наличие записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение. Эти особенности обуславливают необходимость разработки специального способа защиты.

Действующее гражданское законодательство не содержит специальных способов защиты цифровых прав и основывается на традиционных способах, таких как возмещение убытков, взыскание неустойки, признание сделки недействительной и др. Так, вещно-правовые способы защиты прав неприменимы

к защите цифровых прав в силу их нематериальной природы и невозможности индивидуализации. Возмещение вреда в натуре применимо лишь в определенных условиях, в частности, при наличии цифрового права у причинителя вреда. Возмещение убытков, будучи универсальным способом, не всегда соответствует интересам потерпевшего, так как не обеспечивает восстановления именно цифрового права, а лишь компенсирует его стоимость, определение которой часто затруднительно.

Ключевой проблемой является отсутствие в действующем законодательстве способа защиты прав, направленного на восстановление записи о владении цифровым правом в информационной системе его законным обладателем с одновременным лишением цифрового права лица, которое формально (согласно легитимационным знакам) является обладателем цифрового права, что создает существенный пробел в защите прав субъектов цифрового оборота.

Обоснованным представляется введение в гражданское законодательство нового способа защиты прав – восстановление цифрового права, построенного по модели виндикационного иска, но адаптированного к особенностям цифровых прав.

Суть данного способа заключается в приведении записей в информационной системе в соответствие с действительным правообладанием через совершение корректирующей транзакции оператором системы. Этот способ предполагает восстановление легитимационных знаков в информационной системе за законным обладателем с лишением цифрового права лица, которое формально (согласно записи в информационной системе) является его обладателем.

Совершенствование правового регулирования способов защиты цифровых прав требует внесения изменений в гражданское законодательство, в частности дополнения ст. 141.1 ГК РФ положениями о праве обладателя цифрового права требовать его восстановления в информационной системе с одновременным лишением таких прав незаконного обладателя (п. 4), а также о защите добросовестного приобретателя цифрового права (п. 5).

Таким образом, формирование нового способа защиты цифровых прав – восстановления цифрового права – позволит создать эффективный механизм защиты, соответствующий потребностям цифровой экономики, обеспечит стабильность оборота цифровых активов и защиту прав их добросовестных участников. Данные меры соответствуют стратегическим задачам развития гражданского права в условиях цифровизации и требуют дальнейшей теоретической разработки и законодательного закрепления.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное комплексное исследование правовой защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота позволило сформулировать ряд принципиально новых теоретических положений и практических рекомендаций, вносящих существенный вклад в развитие науки гражданского права в условиях цифровой трансформации экономических отношений.

В ходе исследования установлено, что исторически в правовой доктрине шел поиск новых способов защиты гражданских прав, что было обусловлено постоянными изменениями системы гражданско-правового регулирования, отражающими соответствующие тенденции в развитии гражданских правоотношений. Современный этап становления доктрины защиты гражданских прав в России характеризуется переходом к цифровой экономике, т.е. внедрением цифровых технологий во все сферы жизни общества и государства. В настоящее время одним из новых направлений цивилистической доктрины в условиях появления совершенно новых объектов гражданских прав становится поиск эффективных способов защиты цифровых прав.

Подтвержденная в результате проведенного исследования преемственность цивилистической доктрины обеспечила ее внутреннюю устойчивость и стабильность, а также обусловила внутреннее единство историко-правового опыта, научного осмысления актуального состояния правовой действительности.

В рамках настоящего исследования проведен концептуально-правовой анализ существующих понятий «цифровые права», разработана и предложена авторская дефиниция последних, учитывающая частноправовую характеристику и технологическую специфику развития цифровых прав.

Разработана и обоснована концепция цифровых прав как самостоятельного объекта гражданских прав, обладающего двойственной правовой природой: абсолютным характером защиты самого цифрового права (как формализованной записи в информационной системе) и относительной природой включаемых в него обязательственных и корпоративных прав.

Установлено, что к особенностям цифровых прав относятся наличие записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение, выпуск и обращение цифровых прав в информационной системе по правилам этой системы и доступ посредством цифровых идентификаторов. С учетом выявленных особенностей цифровых прав сформулировано определение цифровых прав, в соответствии с которым под цифровыми правами в Российской Федерации следует понимать имущественные права, прямо указанные в качестве таковых законодателем, характеризующиеся наличием записи в информационной системе, имеющей легитимационное значение, выпускаемые и обращаемые в рамках информационной системы по правилам информационной системы, доступ обладателей к которым осуществляется посредством цифровых идентификаторов.

Проанализированы существующие теоретико-правовые подходы и законодательно закреплённые виды цифровых прав, представлен их критический содержательный анализ, а также предложена авторская классификация цифровых прав, основанная на их содержательной природе и способах реализации.

В ходе исследования проведен теоретико-правовой анализ способа правовой защиты, а также частноправовая конкретизация защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота. Доказано, что критерием эффективности защиты цифровых прав является наличие государственно-правовых гарантий их защиты посредством применения лицом, чьи права нарушены, предоставленных гражданским законодательством способов защиты прав.

По результатам проведенного анализа установлено, что защита цифровых прав субъектов гражданского оборота представляет собой деятельность, осуществляемую управомоченным субъектом гражданского оборота либо уполномоченными органами в предусмотренной законом форме с применением предусмотренных законом способов, возникающую в связи с негативным воздействием на цифровые права субъекта гражданского оборота или при наличии правовой неопределенности, направленную на восстановление положения, существовавшего до нарушения права, пресечение действий, нарушающих либо

создающих угрозу нарушения права, устранение правовой неопределенности в правоотношениях сторон, а также устранение последствий нарушения права.

Защита цифровых прав в Российской Федерации осуществляется в классических формах – юрисдикционной (судебной и административной) и неюрисдикционной (самозащита). При этом защита цифровых прав в классических формах защиты прав требует особого подхода к выбору надлежащего способа защиты, учитывающего особенности данного объекта гражданских правоотношений. Выбор надлежащего способа защиты является обязательным условием эффективной защиты нарушенных прав, вне зависимости от формы защиты.

Установлено, что способ защиты цифровых прав субъектов гражданского оборота – это предусмотренная действующим законодательством и принимаемая субъектами гражданского оборота в установленной законом форме мера, направленная на приведение формальной легитимации (отраженной в информационной системе) в соответствие с действительным правообладанием.

В рамках настоящего исследования рассмотрены способы защиты самого цифрового права и имущественных прав, включенных в цифровое право. Имущественные права (обязательственные и корпоративные), включенные в цифровое право, являются давно известными гражданскому праву видами прав и подлежат защите способами, применимыми для защиты обязательственных и корпоративных прав. Права требования, корреспондирующие которым обязательства должны быть исполнены исключительно в рамках информационной системы, обладают признаком самоисполнимости. Требования, обязательства по которым должны быть исполнены в реальном мире, подлежат защите путем предъявления требования о понуждении исполнения обязательства в натуре или применения иных способов защиты прав. Обеспечение правовой определенности и согласованности между цифровой и материальной средой, защита добросовестных участников гражданских правоотношений возможны при условии закрепления приоритета сведений о правах требования, включенных в цифровое право, исполнение обязанностей по которым происходит вне информационной системы

или инвестиционной платформы, который заключается в том, что такие сведения имеют приоритет перед сведениями об этих же правах требования, основанных на сделках, совершенных в иных формах, при условии, что сделка совершена позже, чем возникло цифровое право.

Исследование способов защиты самого цифрового права продемонстрировало недостаточность способов защиты прав для защиты цифровых прав ввиду их принципиально иной юридической природы, выражающейся в их нематериальности, отсутствии индивидуально-определенных характеристик и исключительной легитимации через формальные знаки в информационных системах. В настоящее время в законодательстве отсутствует способ защиты, направленный на приведение формальной легитимации (отраженной в информационной системе) в соответствие с действительным правообладанием с одновременным лишением цифрового права лица, которое формально (согласно легитимационным знакам) является обладателем цифрового права.

Центральным выводом исследования является обоснование необходимости формирования специального способа защиты цифровых прав – восстановления цифрового права, который, сохраняя основные черты виндикационной модели (абсолютный характер защиты, направленность против любого нарушителя), одновременно учитывает особенности цифровых прав.

Содержанием вышеуказанного способа является требование о восстановлении легитимационных знаков в информационной системе за законным обладателем путем совершения оператором новой транзакции с одновременным лишением цифрового права лица, которое формально (согласно легитимационным знакам) является обладателем цифрового права.

Для реализации данного способа защиты предложено дополнить статью 141.1 ГК РФ положениями о праве обладателя цифрового права требовать его восстановления в информационной системе с одновременным лишением таких прав незаконного обладателя, а также о защите добросовестного приобретателя цифрового права.

Введение специального способа защиты цифровых прав имеет принципиальное значение для развития цивилистической доктрины и системы гражданско-правового регулирования. Принятие соответствующей законодательной новеллы позволит преодолеть существующую в науке дискуссию о возможности применения виндикации к цифровым правам, а также устранил необходимость их искусственного подведения под классическую конструкцию вещных прав. Формирование самостоятельного механизма защиты, учитывающего нематериальную природу и технологические особенности цифровых активов, снимет проблему их теоретической квалификации, поскольку вопрос о допустимости виндикационного иска утратит свою актуальность в условиях наличия специального правового инструментария.

Реализация предложенных мер будет способствовать формированию эффективного механизма защиты цифровых прав, соответствующего потребностям цифровой экономики, обеспечению стабильности их оборота и защите прав добросовестных участников. Это соответствует стратегическим задачам развития гражданского права в условиях цифровизации и требует дальнейшей теоретической разработки и законодательного закрепления.

Проведенное исследование вносит вклад в развитие цивилистической доктрины, расширяя понимание правовой природы цифровых прав и механизмов их защиты, а также предлагает конкретные решения для совершенствования законодательства, что имеет важное значение для правоприменительной практики и развития цифровой экономики в Российской Федерации.

Предмет настоящего диссертационного исследования не исчерпывается выдвинутыми положениями на защиту, а является результатом комплексного анализа правовых норм в области защиты цифровых прав. С учетом актуальности вопроса о создании эффективного правового механизма защиты цифровых прав следует отметить, что выводы, полученные в рамках настоящего исследования, являются основой для дальнейших научных исследований, в том числе в области способов защиты цифровых прав.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты РФ

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.
4. О валютном регулировании и валютном контроле : федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/ (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 11.03.2024 № 45-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2024. – № 12. – Ст. 1569.
6. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации : федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.
7. О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской

- Федерации : федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_330652/ (дата обращения: 28.05.2024). – Текст : электронный.
8. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // КонсультантПлюс : [сайт]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 28.03.2024). – Текст : электронный.
 9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 31 (ч. I). – Ст. 3448.
 10. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года : указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 г. № 309 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408892634/> (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.
 11. О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 28.02.2024 г. № 145 [Электронный ресурс] // СПС «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408518353/> (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.
 12. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года : указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 г. № 208 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.05.2025). – Текст : электронный.
 13. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL:

<https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 28.05.2025). – Текст : электронный.

Нормативные правовые акты и иные правовые источники на иностранном языке

14. ByBit Fintech Ltd v. Ho Kai Xin [Электронный ресурс] : решение Высокого суда Республики Сингапур от 25.07.2023, дело № 276. – URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2023_SGHC_199 (дата обращения: 07.07.2024). – Текст : электронный.
15. CLM v. CLN and others [Электронный ресурс] : решение Высокого суда Республики Сингапур от 28.02.2022, дело № 6. – URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2022_SGHC_46 (дата обращения: 07.07.2024). – Текст : электронный.
16. Guidance 06/2024 Stablecoins: risks and challenges for issuers of stablecoins and banks providing guarantees [Электронный ресурс] / European Banking Authority (EBA). – URL: <https://www.eba.europa.eu/eba-publishes-guidance-stablecoins-risks-and-challenges-issuers-stablecoins-and-banks-providing> (дата обращения: 25.05.2024). – Текст : электронный.
17. Guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs) [Электронный ресурс] : published 16 February 2018 / Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). – URL: <https://www.finma.ch/en/news/2018/02/20180216-mm-ico-wegleitung/> (дата обращения: 25.07.2024). – Текст : электронный.
18. Initiative on Preventing Financial Risks Associated with NFTs [Электронный ресурс] / National Internet Finance Association of China (NIFA). – 2022. – URL: https://jrjgj.cq.gov.cn/zwx_208/jrzx/202204/t20220418_10629144_wap.html (дата обращения: 25.05.2024). – Текст : электронный.
19. ISO 22739:2020 Blockchain and distributed ledger technologies — Vocabulary [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.iso.org/obp/ui/#iso:std:iso:22739:dis:ed-2:v1:en> (дата обращения: 17.03.2025). – Текст : электронный. – Текст : электронный.

20. Janesh s/o Rajkumar v. Unknown Person [Электронный ресурс] : дело № 1414 : решение Высокого суда Республики Сингапур от 29.09.2022. – URL: https://www.elitigation.sg/gd/s/2022_SGHC_264 (дата обращения: 07.07.2024). – Текст : электронный.
21. National Provincial Bank v. Ainsworth // Official Law Reports: Appeals Cases. – 1965. – Vol. 1965, No. 1. – P. 1248. – Judgment of 13 May 1965. – Текст : электронный.
22. Supplement to the guidelines for enquiries regarding the regulatory framework for initial coin offerings (ICOs) [Электронный ресурс] / Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA). – Оpubл. 11.09.2019. – URL: <https://www.finma.ch/en/news/2019/09/20190911-mm-ico-wegleitung-supplement/> (дата обращения: 25.05.2024). – Текст : электронный.
23. The Genius Act, S. 1582, 119th Cong. (2023) [Электронный ресурс] // Congress.gov. – URL: <https://www.congress.gov/bill/119th-congress/senate-bill/1582> (дата обращения: 20.07.2025). – Текст : электронный.

Сборники и акты российской правоприменительной практики

24. По делу № 306-ЭС23-16081 : определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2023 по делу № А49-12153/2020 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.
25. По делу № 306-ЭС18-20653, А57-25248/2017 : определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 15.04.2019 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.

26. По делу № 308-КГ15-13732 : определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 04.02.2016 по делу № А32-45693/2014 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.03.2024). – Текст : электронный.
27. По делу № ВАС-3142/14 : определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25.03.2014 по делу № А45-30039/2012 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.04.2025). – Текст : электронный.
28. По делу № 10967/08 : постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 27.01.2009 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.
29. По делу № 1176/08 : постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 03.06.2008 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.
30. По делу № 5539/08 : постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 10.06.2008 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.
31. По делу № Ф07-18141/2024 : постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.01.2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.04.2025). – Текст : электронный.
32. По делу № А40-156605/13 : постановление Арбитражного суда Московского округа от 18.05.2016 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». –

URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.07.2025). – Текст : электронный.

33. По делу № А10-111/2024 : постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 31.07.2024 № 04АП-2373/2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.04.2025). – Текст : электронный.
34. По делу № А13-312/2023 : постановление Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2024 № 14АП-9864/2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 22.04.2025). – Текст : электронный.
35. По делу № А65-16901/2020 : постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 27.05.2022 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.05.2024). – Текст : электронный.
36. По делу № А40-182321/2024 : решение Арбитражного суда города Москвы от 23.12.2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2025). – Текст : электронный.
37. По делу № А40-11979/2024 : решение Арбитражного суда города Москвы от 24.07.2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2025). – Текст : электронный.
38. По делу № А56-113644/2023 : решение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21.03.2024 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2025). – Текст : электронный.
39. По делу № 33-11316/2025 : определение Ростовского областного суда от 28.07.2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.08.2025). – Текст : электронный.

40. По делу № 33-3520/2025 : определение Оренбургского областного суда от 17.06.2025 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2025). – Текст : электронный.
41. По делу № 33-6505/2023 : определение Санкт-Петербургского городского суда от 23.03.2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 20.06.2025). – Текст : электронный.
42. По делу № 22-3349/2023 : определение Иркутского областного суда от 04.10.2023 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.05.2024). – Текст : электронный.
43. По делу № 2-704/2022 : решение Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону от 30.09.2022 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс». – URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения: 12.05.2024). – Текст : электронный.

Монографии и научные статьи на русском языке

44. Аблямитов, Р. Ш. Соотношение форм и способов защиты прав предпринимателей в гражданско-правовой сфере / Р. Ш. Аблямитов // Вопросы управления. – 2012. – № 21. – С. 193–200.
45. Абрамова, Е. Н. К вопросу о понятии цифрового права как объекта гражданских прав / Е. Н. Абрамова // Юрист. – 2023. – № 1. – С. 54–60.
46. Агарков, М. М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М. М. Агарков. – М., 1940. – 192 с.
47. Агарков, М. М. Проблема злоупотребления правом в советском гражданском праве / М. М. Агарков // Известия Академии наук СССР. – 1946. – № 6. – С. 422–426.

- 48.Адамович, В. И. Пособие к лекциям русского гражданского судопроизводства / В. И. Адамович. – СПб., 1891. – 408 с.
- 49.Александров, Н. Г. Законность и правоотношения в советском обществе / Н. А. Александров. – М., 1955. – 176 с.
- 50.Алексеев, Н. Н. Общее учение о праве: Курс лекций, прочитанных в Таврическом университете в 1918/19 году / Н. Н. Алексеев. – Симферополь, 1919. – 168 с.
- 51.Алексеев, С. С. Общая теория права. Курс в 2 томах. Т. 1 / С. С. Алексеев. – М., 1982. – 360 с.
- 52.Алексеев, С. С. Правовые средства: постановка проблемы, понятие, классификация / С. С. Алексеев // Советское государство и право. – 1987. – № 6. – С. 12–19.
- 53.Ананьева, Е. О. Проблемы развития IT-отрасли в условиях ограничений: к вопросу о цифровизации гражданского общества в России / Е. О. Ананьева, Г. В. Курбатова // Государственная служба и кадры. – 2022. – № 2. – С. 20–22.
- 54.Андреев, Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты / Ю. Н. Андреев. – М., 2010. – 464 с.
- 55.Андреев, Ю. Н. О способах гражданско-правовой защиты / Ю. Н. Андреев // Гражданское право. – 2012. – № 4. – С. 3–6.
- 56.Анненков, К. Н. Начала русского гражданского права. Вып. 1 / К. Н. Анненков. – СПб., 1900. – 680 с.
- 57.Анненков, К. Н. Самоуправство и самооборона как средства защиты гражданских прав / К. Н. Анненков // Вестник гражданского права. – 2018. – № 4. – С. 235–252.
- 58.Арефьев, Г. П. Понятие защиты субъективного права / Г. П. Арефьев // Процессуальные средства реализации конституционного права на судебную защиту. – 1982. – С. 15 – 18.
- 59.Асланян, Н. П. Основные проблемы разработки современного учения о защите гражданских прав / Н. П. Асланян // Защита частных прав: проблемы

теории и практики: междунар. науч.-практ. конф., г. Иркутск, 12–20 апр. 2012 г. : материалы конф. – Иркутск, 2012. – С. 7–12.

- 60.Басин, Ю. Г. Основы гражданского законодательства о защите субъективных гражданских прав / Ю. Г. Басин // Проблемы применения Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. – Саратов, 1971. – С. 32–37.
- 61.Бачканова, А. А. Юрисдикционная форма защиты субъективных прав / А. А. Бачканова // Юридический вестник Дагестанского государственного университета. – 2022. – № 1. – С. 16–20.
- 62.Богданова, Е. Е. Формы и способы защиты гражданских прав и интересов / Е. Е. Богданова // Журнал российского права. – 2003. – № 6. – С. 11–22.
- 63.Борисова, Л. В. Электронное правосудие как форма судебной защиты в России / Л. В. Борисова // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – № 6. – С. 105–111.
- 64.Бочарова, Н. С. Защита цифровых прав / Н. С. Бочарова // Учение о гражданском процессе: настоящее и будущее: сборник докладов на I Международной научной конференции памяти М. К. Треушникова (Москва, 9 февраля 2022 г.) / под ред. В. В. Молчанова. – М., 2022. – С. 63–70.
- 65.Брагинский, М. И. Договорное право. Общие положения / под ред. М. И. Брагинского, В. В. Витрянского. – 3-е изд., стереотипное – М., 2001. – 848 с.
- 66.Братусь, С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории) / С. Н. Братусь. – М., 2001. – 202 с.
- 67.Бутнев, В. В. Понятие механизма защиты субъективных гражданских прав / В. В. Бутнев // Механизм защиты субъективных гражданских прав : сборник научных трудов. – Ярославль, 1990. – С. 5–17.
- 68.Вавилин, Е. В. Некоторые проблемы механизма защиты субъективных гражданских прав / Е. В. Вавилин // Правоведение. – 2002. – № 3. – С. 178–185.
- 69.Валеев, Д. Х. Гражданско-правовые средства в процессуальном механизме реализации прав граждан и организаций в исполнительном производстве / Д. Х. Валеев, М. Ю. Чельшев // Исполнительное право. – 2009. – № 4. – С. 12–14.

- 70.Василевская, Л. Ю. Иск о признании права: проблемы юридической квалификации / Л. Ю. Василевская // Право и бизнес : сб. статей I ежегодной Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В. С. Мартемьянова / под ред. И. В. Ершовой. – М., 2012. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
- 71.Василькова, С. В. Формы защиты субъективных гражданских прав в Российской Федерации и перспективы их совершенствования / С. В. Василькова // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 9. – С. 3–6.
- 72.Васьковский, Е. В. Учебник гражданского права: Выпуск 1. Введение и общая часть / Е. В. Васьковский. – СПб., 1894. – 174 с.
- 73.Велиева, Д. С. Трансформация и цифровизация правового регулирования общественных отношений в современных реалиях и условиях пандемии: моногр. / Д. С. Велиева. – Казань, 2020. – 280 с.
- 74.Венедиктов, А. В. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР / А. В. Венедиктов. – М., 1954. – 268 с.
- 75.Вершинин, А. П. Выбор способа защиты гражданских прав / А. П. Вершинин. – СПб., 2000. – 384 с.
- 76.Витрянский, В. В. Недействительность сделок в арбитражно-судебной практике / В. В. Витрянский // Гражданский кодекс РФ: Проблемы. Теория. Практика. – М., 1998. – С. 131–153.
- 77.Габов, А. В. Краудфандинг: законодательное оформление web-модели финансирования в контексте правовой доктрины и зарубежного опыта / А. В. Габов, И. А. Хаванова // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 1. – С. 28–44.
- 78.Гамбаров, Ю. С. Курс гражданского права. Т. 1. Часть общая / Ю. С. Гамбаров. – СПб., 1911. – 793 с.
- 79.Гогоцкий, С. С. Философский словарь или Краткое объяснение философских и других научных выражений, встречающихся в истории философии / С. С. Гогоцкий. – СПб., 2009. – 297 с.

80. Головкин, Р. Б. «Цифровые права» и «цифровое право» в механизмах цифровизации экономики и государственного управления / Р. Б. Головкин, О. С. Амосова // Вестник Владимирского юридического института. – 2019. – № 2 (51). – С. 163–166.
81. Гонгало, Б. М. Есть ли место «цифровым правам» в системе объектов гражданского права / Б. М. Гонгало, Л. А. Новоселова // Пермский юридический альманах. – 2019. – № 2. – С. 179–192.
82. Гончарова, Н. О. Порядок, формы и способы защиты права / Н. О. Гончарова // Вестник Саратовской государственной академии права. – 2011. – № 6. – С. 2–6.
83. Гордон, В. М. Иски о признании / В. М. Гордон. – Ярославль, 1906. – 392 с.
84. Горлова, А. А. Формы защиты прав предпринимателей и виды предпринимательских споров / А. А. Горлова, С. В. Старцева // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 4-2. – С. 183–187.
85. Гоц, Е. В. Развитие цифровой экосистемы авторского права и смежных прав: вымысел или реальность / Е. В. Гоц, И. А. Близнец // Юрист. – 2021. – № 9. – С. 12–18.
86. Гражданский кодекс Российской Федерации: постатейный комментарий к главам 1–5 / А. В. Барков, А. В. Габов, В. Г. Голубцов [и др.] ; под ред. Л. В. Санниковой. – М., 2015. – 662 с.
87. Гражданское право / К. А. Граве, Т. Б. Мальцман, А. И. Пергамент [и др.] ; отв. ред. П. Е. Орловский, И. Ф. Скороходов. – М., 1949. – 495 с.
88. Гражданское право / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. – М., 2002. – Т. 1. – 1040 с.
89. Грибанов, В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав / В. П. Грибанов. – М., 1972. – 414 с.
90. Григорянц, С. А. Понятие, сущность, виды и формы защиты предпринимательства / С. А. Григорянц, А. А. Матвеева // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей StudNet. – 2021. – № 11.

91. Губин, Е. П. Цифровые платформы в Европе, Китае и России: основные подходы и тенденции правового регулирования / Е. П. Губин, Ю. С. Харитоновна // Право и экономика. – 2020. – № 8. – С. 5–13.
92. Гурвич, М. А. Право на иск / М. А. Гурвич. – М., 1949. – 216 с.
93. Гусева, А. А. Объект виндикации: проблемы правоприменения / А. А. Гусева // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 4. – С. 76–93.
94. Дернова, Д. В. Неюрисдикционные формы и средства разрешения частноправовых конфликтов (общие положения) / Д. В. Дернова // Администратор суда. – 2015. – № 4. – С. 21–29.
95. Дигесты Юстиниана: пер. с латин. Т. 1. Кн. 1–4 / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М., 2005. – 584 с.
96. Дигесты Юстиниана: пер. с латин. Т. 6. Кн. 41–44 / отв. ред. Л. Л. Кофанов. – М., 2005. – 564 с.
97. Ем, В. С. Право на защиту / Гражданское право. Общая часть / В. С. Ем. – М., 2004. – 958 с.
98. Ефимова, Л. Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства / Л. Г. Ефимова // Банковское право. – 2021. – № 5. – С. 7–20.
99. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. – М., 2000. – 1088 с.
100. Жданова, О. А. Цифровые финансовые активы как инструменты финансирования деятельности компании / О. А. Жданова // Финансы. – 2022. – № 8. – С. 52–57.
101. Засемкова, О. Ф. О способах разрешения споров, возникающих из смарт-контрактов / О. Ф. Засемкова // Lex russica. – 2020. – № 4. – С. 9–20.
102. Защита гражданских прав: избранные аспекты: сборник статей / Ю. Н. Алферова, Ю. В. Байгушева, Ю. В. Виниченко [и др.]; рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. – М., 2017. – 432 с.
103. Иванчак, А. И. Гражданское право Российской Федерации: Общая часть / А. М. Иванчак. – М., 2014. – 271 с.

104. Идрисов, Р. Ф. К вопросу о диалектическом единстве способов защиты прав физических и юридических лиц / Р. Ф. Идрисов, Н. Н. Костюк, С. Д. Кокунова // Современное право. – 2019. – № 6. – С. 83–91.
105. Измайлова, Е. В. Защита гражданских прав: подходы к пониманию / Е. В. Измайлова // Пролог: журнал о праве. – 2018. – № 2. – С. 7–13.
106. Илларионова, Т. И. Система гражданско-правовых охранительных мер / Т. И. Илларионова // Избранные труды. – Екатеринбург, 2005. – 468 с.
107. Иншакова, А. О. Право, как основа инфраструктурного обеспечения цифровой экономики и технологии Интернета вещей / А. О. Иншакова // Legal Concept. – 2019. – № 3. – С. 6–11.
108. Иоффе, О. С. Основы римского гражданского права / О. С. Иоффе, В. А. Мусин. – Ленинград, 1975. – 156 с.
109. Иоффе, О. С. Советское гражданское право: курс лекций / О. С. Иоффе. – Ленинград, 1958. – 367 с.
110. Истомин, М. А. К вопросу о сущности цифровых прав / М. А. Истомин // Уральский журнал правовых исследований. – 2019. – № 5. – С. 621–630.
111. История государства и права зарубежных стран. Ч. 1 / под ред. О. А. Жидкова, Н. А. Крашенинниковой. – М., 1996. – 720 с.
112. Канюкаева, А. Р. Право и охраняемый законом интерес как объекты защиты / А. Р. Канюкаева // Новая правовая мысль. – 2009. – № 4. – С. 12–16.
113. Капинус, О. С. Необходимая оборона в уголовном праве зарубежных стран / О. С. Капинус, В. Н. Додонов // Современное уголовное право в России и за рубежом: некоторые проблемы ответственности: Сборник статей. – М., 2008. – С. 17–30.
114. Карпова, Ю. С. Разрешение споров с использованием технологии блокчейн: опыт Kleros / Ю. С. Карпова // Евразийский юридический журнал. – 2023. – № 5. – С. 113–115.
115. Кархалев, Д. Н. Восстановление нарушенных гражданских прав во внесудебном порядке / Д. Н. Кархалев // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2020. – № 3. – С. 90–111.

116. Кархалев, Д. Н. Механизм гражданско-правового регулирования охранительных отношений / Д. Н. Кархалев. – М., 2022. – 892 с.
117. Кархалев, Д. Н. Цифровые права в гражданском обороте // Сибирское юридическое обозрение / Д. Н. Кархалев. – 2022. – № 2. – С. 134–141.
118. Кириллова, Е. А. Институт цифровых прав в гражданском праве России / Е. А. Кириллова, Т. Э. Зульфагарзаде, С. Е. Метелев // Правоприменение. – 2022. – № 1. – С. 245–256.
119. Кирсанова, Е. Е. Аккаунт как объект гражданских прав / Е. Е. Кирсанова // Вестник арбитражной практики. – 2020. – № 2. – С. 44–48.
120. Кирсанова, Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике : монография / Е. Е. Кирсанова. – М., 2022. – 228 с.
121. Кожокаръ, И. П. Доктринальные подходы к пониманию и классификации причин дефектов нормативно-правового регулирования / И. П. Кожокаръ // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 1. – С. 37–43.
122. Кот, А. А. Осуществление и защита субъективных гражданских прав: монография / А. А. Кот. – Харьков, 2019. – 512 с.
123. Кофанов, Л. Л. Римское право : учебное пособие / Л. Л. Кофанов. – М., 2019. – 276 с.
124. Кравченко, А. А. К вопросу о понятии способа защиты гражданских прав / А. А. Кравченко // Адвокат. – 2014. – № 7. – С. 22–30.
125. Красавчиков, О. А. Гражданское правоотношение - юридическая форма общественного отношения / О. А. Красавчиков // Категории науки гражданского права: Избранные труды : в 2 томах. Т. 1. – М., 2005. – С. 7–25.
126. Краснова, С. А. Гражданско-правовой статус операторов онлайн-платформ: неопределенное настоящее и возможное будущее / С. А. Краснова // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2022. – № 1. – С. 67–82.
127. Кресс, В. В. Цифровые права как объекты гражданских прав: правовое регулирование и перспективы развития в условиях цифровизации

- гражданского оборота / В. В. Кресс // Журнал российского права. – 2022. – № 4. – С. 67–76.
128. Кузбагаров, А. Н. Защита интеллектуальных прав: формы и способы защиты / А. Н. Кузбагаров // Вестник Московского университета МВД России. – 2015. – № 4. – С. 216–221.
129. Кузеванов, А. И. Общая характеристика механизма охраны и защиты объектов авторских и смежных прав в Российской Федерации / А. И. Кузеванов // Авторское право и смежные права. – 2016. – № 7. – С. 31–44.
130. Кузнецова, Н. С. Защита субъективных гражданских прав и гражданско-правовая ответственность: вопросы соотношения / Н. С. Кузнецова // Защита гражданских прав: Избранные аспекты : сб. ст. – М., 2017. – С. 91–103.
131. Кузьменков, М. Ю. Коллизионное регулирование оборота цифровых прав / М. Ю. Кузьменков // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 3. – С. 152–159.
132. Курбанов, Р. А. Статус оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов / Р. А. Курбанов, К. И. Налетов // Журнал российского права. – 2022. – № 12. – С. 45–57.
133. Курбатов, А. Я. Защита прав и законных интересов в условиях «модернизации» правовой системы России: моногр. / А. Я. Курбатов. – М., 2013. – 172 с.
134. Курбатов, А. Я. Предпринимательское право: проблемы теории и правоприменения : монография / А. Я. Курбатов. – М., 2022. – 244 с.
135. Курылев, С. В. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и права на иск / С. В. Курылев // Труды Иркутского государственного университета. Т. 22. Серия юриспруденция. – 1957. – № 3. – С. 159–216.
136. Лаптев, В. А. Цифровые активы как объекты гражданских прав / В. А. Лаптев // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2. – С. 199–204.

137. Левинзон, В. С. Правовое регулирование виртуального имущества / В. С. Левинзон, Р. К. Митин // Закон и право. – 2020. – № 5. – С. 39–42.
138. Лескова, Ю. Г. Правовосстановительные способы защиты корпоративных цифровых прав / Ю. Г. Лескова, В. В. Ванин // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2022. – № 7. – С. 70–75.
139. Липчанская, М. А. Цифровые права человека и гражданина: конституционное измерение / М. А. Липчанская // Государственная служба. – 2020. – № 4. – С. 37–42.
140. Лоренц, Д. В. Цифровые права в сфере недвижимости: юридическая природа и способы защиты / Д. В. Лоренц // Российская юстиция. – 2020. – № 2. – С. 57.
141. Максимов, В. А. Способы защиты субъективных гражданских прав и интересов / В. А. Максимов // Ленинградский юридический журнал. – 2017. – № 1. – С. 76–83.
142. Малеин, Н. С. Гражданский закон и право личности / Н. С. Малеин. – М., 1981. – 216 с.
143. Малеин, Н. С. Охрана прав личности советским законодательством / Н. С. Малеин. – М., 1985. – 163 с.
144. Малько, А. В. Правовые средства: вопросы теории и практики / А. В. Малько // Журнал российского права. – 1998. – № 8. – С. 66–77.
145. Матыцин, Д. Е. Использование цифровых финансовых активов в качестве инвестиций: проблемы правового регулирования / Д. Е. Матицын, А. О. Иншакова // Legal Concept = Правовая парадигма. – 2024. – Т. 23, № 1. – С. 16–26.
146. Матузов, Н. И. Правовая система и личность / Н. И. Матузов. – Саратов, 1987. – 294 с.
147. Мейер, Д. И. Русское гражданское право : в 2 частях. Ч. 1 / Д. И. Мейер. – М., 2003. – 848 с.

148. Мограбян, А. С. Цифровые права как объекты гражданских прав в России / А. С. Мограбян // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 10. – С. 141–147.
149. Монгуш, Б. С. Категория «правовые средства» применительно к защите субъективного гражданского права / Б. С. Монгуш // Семейное и жилищное право. – 2012. – № 2. – С. 43–44.
150. Монгуш, Б. С. Средства защиты гражданских прав / Б. С. Монгуш // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2012. – № 85. – С. 128–132.
151. Морозова, И. Г. К вопросу о классификации цифровых прав / И. Г. Морозова, С. И. Курпякова // Хозяйство и право. – 2022. – № 11. – С. 18–28.
152. Муратова, Д. А. Правовая природа способа защиты гражданских прав / Д. А. Муратова // Российская юстиция. – 2009. – № 4. – С. 16–20.
153. Мурзин, Д. В. Виндикационная модель защиты исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности / Д. В. Мурзин // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2021. – № 2 (32). – С. 103–109.
154. Муромцев, С. А. Гражданское право Древнего Рима / С. А. Муромцев. – М., 2003. – 726 с.
155. Нестеров, А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав / А. В. Нестеров // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 1. – С. 11–16.
156. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 ГК РФ / А. В. Асосков, В. В. Байбак, Р. С. Бевзенко [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. – М., 2020. – 1467 с.
157. Основные проблемы исковой формы защиты права / А. А. Добровольский, С. А. Иванова. – М., 1979. – 159 с.
158. Осокина, Г. Л. Право на защиту в исковом судопроизводстве / Г. Л. Осокина. – Томск, 1990. – 160 с.
159. Остапюк, Н. В. Понятие и формы защиты гражданских прав. Особенности нотариальной защиты гражданских прав / Н. В. Остапюк // Юрист. – 2006. – № 4. – С. 20–23.

160. Павлов, А. А. Присуждение к исполнению обязанности как способ защиты гражданских прав / А. А. Павлов. – СПб., 2001. – 203 с.
161. Павлова, Д. А. Особенности осуществления цифровых прав / Д. А. Павлова // Юрист. – 2023. – № 3. – С. 8–13.
162. Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. – М., 1997. – 608 с.
163. Подшивалов, Т. П. Систематизация вещных исков в гражданском праве / Т. П. Подшивалов // Вестник гражданского права. – 2022. – № 5. – С. 85–118.
164. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права / И. А. Покровский. – М., 2013. – С. 65.
165. Пономаренко, В. А. Электронное гражданское судопроизводство в России: штрихи концепции / В. А. Пономаренко. – М., 2015. – 184 с.
166. Попондопуло, В. Ф. Правовые формы цифровых отношений / В. Ф. Попондопуло // Юрист. – 2019. – № 6. – С. 29–36.
167. Предпринимательское право : учебное пособие / под ред. Т. А. Скворцовой. – М., 2014. – 402 с.
168. Прошунин, М. М. Публичное фондовое и деривативное право как институт финансового права / М. М. Прошунин // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2019. – № 4. – С. 533–545.
169. Пугинский, Б. И. Гражданско-правовые средства в хозяйственных отношениях / Б. И. Пугинский. – М., 1984. – 224 с.
170. Рассказов, Л. П. Теория государства и права: учебник / Л. П. Рассказов. – М., 2015. – 559 с.
171. Решетняк, С. Р. Классификация цифровых прав / С. Р. Решетняк // Вестник экспертного совета. – 2021. – № 1 (24). – С. 95–105.
172. Римское частное право / под ред. И. Б. Новицкого, И. С. Перетерского. – М., 1999. – 560 с.
173. Родионов, А. А. Понятие способов защиты прав при неисполнении договорных обязательств / А. А. Родионов // Юрист. – 2001. – № 9. – С. 36–39.

174. Рожкова, М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора / М. А. Рожкова. – М., 2006. – 416 с.
175. Рожкова, М. А. Цифровые права: публично-правовая концепция и понятие в российском гражданском праве / М. А. Рожкова // Хозяйство и право. – 2020. – № 10. – С. 3–14.
176. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В. С. Ем, И. А. Зенин, Н. В. Козлова [и др.] ; отв. ред. Е. А. Суханов. – М., 2011. – 958 с.
177. Рыбин, А. В. Правовые средства защиты результатов волеизъявления избирателей в условиях пандемии / А. В. Рыбин // Журнал российского права. – 2022. – № 2. – С. 152–156.
178. Савельев, А. И. Некоторые риски токенизации и блокчейнизации гражданско-правовых отношений / А. И. Савельев // Закон. – 2018. – № 2. – С. 36–51.
179. Сакара, Н. Ю. Проблема доступности правосудия по гражданским делам / Н. Ю. Сакара. – Харьков, 2010. – 256 с.
180. Сакун, О. В. К вопросу о понятии категории «Защита гражданских прав и законных интересов» / О. В. Сакун // Сибирский юридический вестник. – 2011. – № 1. – С. 68–74.
181. Санникова, Л. В. Цифровые активы: правовой анализ : монография / Л. В. Санникова, Ю. С. Харитонов. – М., 2020. – 302 с.
182. Свердлык, Г. А. Защита и самозащита гражданских прав : учебное пособие // Г. А. Свердлык, Э. Л. Страунинг. – М., 2002. – 208 с.
183. Свердлык, Г. А. Способы защиты гражданских прав и их классификация / Г. А. Свердлык, Э. Л. Страунинг // Государство и право. – 1999. – № 1. – С. 35–41.
184. Севастьянов, Г. В. Теоретические основы альтернативного разрешения споров: концепция частного процессуального права / Г. В. Севастьянов // Хрестоматия альтернативного разрешения споров : учебно-методические материалы и практические рекомендации. – СПб., 2009. – 528 с.

185. Семенов, В. В. Способы защиты гражданских прав в контексте Конституции и Гражданского кодекса / В. В. Семенов // Адвокатская практика. – 2018. – № 4. – С. 23–25.
186. Смагина, Е. С. Участие государства в современном цивилистическом процессе : монография / Е. С. Смагина. – М., 2021. – 268 с.
187. Советский закон и гражданин: юридический справочник : в 2 частях / под ред. Б. М. Бабия. – Киев, 1980. – 352 с.
188. Советское гражданское право : учебник / под ред. О. А. Красавчикова. – М., 1973. – 552 с.
189. Советское гражданское право : учебник: в 2 ч. / под ред. В. А. Рясенцева. – М., 1986. – 560 с.
190. Степин, А. Б. Основные элементы и стадии механизмов защиты гражданских прав: вопросы теории и практики / А. Б. Степин // Российский судья. – 2020. – № 7. – С. 16–19.
191. Степин, А. Б. Понятие и сущность отдельных способов защиты прав предпринимателей / А. Б. Степин // Российский судья. – 2018. – № 1. – С. 10–14.
192. Стоякин, Г. Я. Защита абсолютного субъективного права / Г. Я. Стоякин // Гражданско-правовая охрана интересов личности в СССР: Межвузовский сборник научных трудов. – Свердловск, 1977. – С. 60–67.
193. Сулейменов, М. К. Защита гражданских прав / М. К. Сулейменов // Избранные труды по гражданскому праву. – М., 2006. – С. 147–189.
194. Сулова, С. И. Объекты гражданских прав в условиях формирования информационного пространства России / С. И. Сулова, У. Б. Филатова // Пролог: журнал о праве. – 2019. – № 2. – С. 8–15.
195. Суханов, Е. А. Акционерные общества и другие юридические лица в новом гражданском законодательстве / Е. А. Суханов // Хозяйство и право. – 1997. – № 1. – С. 90–101.
196. Суханов, Е. А. О вещном праве собственности и «цифровых правах» / С. Д. Могилевский, О. В. Шмалий, И. А. Емелькина // Интеграция науки и

образования в условиях цифровой трансформации : монография : в 3 томах.
– М., 2022. – Т. 3. – 350 с.

197. Суханов, Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» / Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 7–29.
198. Суханов, Е. А. Социальное лицо гражданского права (к постановке вопроса) / Е. А. Суханов // Гражданское право социального государства: Сборник статей, посвященных 90-летию со дня рождения профессора А. Л. Маковского (1930–2020) / А. Г. Архипова, А. В. Анисимов, В. В. Безбах [и др.] ; отв. ред. В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. – М., 2020. – 480 с.
199. Сычев, П. Г. Производство по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: дифференциация по предмету или субъекту? / П. Г. Сычев // Закон. – 2020. – № 2. – С. 123–132.
200. Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э. В. Талапина // Журнал российского права. – 2018. – № 2. – С. 5–17.
201. Талапина, Э. В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху / Э. В. Талапина // Труды Института государства и права РАН. – 2019. – № 3. – С. 122–146.
202. Тарановский, Ф. В. Энциклопедия права / Ф. В. Тарановский. – Берлин, 1923. – 534 с.
203. Теория государства и права : курс лекций / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. – М., 2001. – 528 с.
204. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М., 1997. – 944 с.
205. Толстой, Ю. К. К теории правоотношения / Ю. К. Толстой. – Ленинград, 1959. – 88 с.
206. Треушников, М. К. Судебная защита гражданских прав / М. К. Треушников // Учебник гражданского процесса. – М.,–1996. – 960 с.

207. Туктамышев, В. Д. Арбитрабельность споров с цифровой валютой / В. Д. Туктамышев // Арбитражный и гражданский процесс. – 2023. – № 5. – С. 3–7.
208. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с дополнениями по 1 янв. 1876 г. / сост. проф. С.-Петерб. ун-та Н. С. Таганцевым. – СПб., 1876. – 726 с.
209. Федосюк, А. П. Способы защиты гражданских прав / А. П. Федосюк // Основы государства и права. – 2003. – № 5. – С. 66–70.
210. Фейзрахманова, Д. Р. К вопросу о соотношении понятий «форма», «способ» и «средство» защиты корпоративных прав участников акционерных обществ / Д. Р. Фейзрахманова // Юрист. – 2017. – № 12. – С. 32–37.
211. Филиппов, А. Е. Отдельные правовые аспекты регулирования оборота цифровых активов в России и за рубежом / А. Е. Филиппов // Арбитражные споры. – 2018. – № 4. – С. 85–91.
212. Философско-терминологический словарь / А. Ф. Малышевский. – Калуга, 2004. – 330 с.
213. Флейшиц, Е. А. Общие начала ответственности по Основам гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик / Е. А. Флейшиц // Советское государство и право. – 1962. – № 3. – 132 с.
214. Хабиров, А. И. Средства, способы и формы гражданско-правовой защиты прав сторон по договору займа: теоретический аспект / А. И. Хабиров // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 6. – С. 226–259.
215. Хвостов, В. М. Система римского права / В. М. Хвостов. – М., 2019. – 540 с.
216. Ходырева, Е. А. Право наследования в гражданском праве России : монография / Е. А. Холдырева. – М., 2022. – 386 с.
217. Храмушин, В. В. Защита конституционных прав граждан в арбитражном процессе: предпосылки, сущность и формы / В. В. Храмушин // Вестник СГЮА. – 2016. – № 4 (111). – С. 248–252.
218. Хропанюк, В. А. Теория государства и права / В. А. Хропанюк. – М., 1993. – 323 с.

219. Целовальникова, И. Ю. Правовое регулирование предоставления услуг с использованием инвестиционных платформ и защита прав потребителей / И. Ю. Целовальникова // Современный юрист. – 2020. – № 3. – С. 126–159.
220. Чеговадзе, Л. А. О целях и способах защиты гражданских прав / Л. А. Чеговадзе, Т. В. Дерюгина // Цивилист. – 2022. – № 2. – С. 37–45.
221. Чечот, Д. М. Субъективное право и формы его защиты / Д. М. Чечот. – Ленинград, 1968. – 72 с.
222. Чичерин, Б. Н. Философия права / Б. Н. Чичерин. – М., 1900. – 371 с.
223. Шевченко, Я. Н. Средства защиты в гражданском праве / Я. Н. Шевченко // Советское государство и право. – 1977. – № 7. – С. 55–62.
224. Шершеневич, Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич. – М., 1995. – 148 с.
225. Щелокова, А. А. Понятие цифровой формы объектов гражданских прав / А. А. Щелокова // Гражданское право. – 2021. – № 4. – С. 11–13.
226. Щелокова, А. А. Сравнительная характеристика правового режима утилитарных цифровых прав и цифровых финансовых активов / А. А. Щелокова, В. И. Яковлев // Юрист. – 2021. – № 11. – С. 42–45.
227. Эрделевский, А. М. Самозащита прав / А. М. Эрделевский // Юридический мир. – 1998. – № 8. – С. 45–47.
228. Юзефович, Ж. Ю. Проблема способов защиты гражданских прав в свете развития цифровых правоотношений / Ж. Ю. Юзефович // Юрист. – 2020. – № 12. – С. 40–45.
229. Юзефович, Ж. Ю. Цифровые права как объекты гражданских прав / Ж. Ю. Юзефович, В. Е. Хазова // Гражданское право. – 2022. – № 5. – С. 15–18.

Научные статьи на английском языке

230. Allen D. The Governance of Blockchain Dispute Resolution [Электронный ресурс] / D. Allen, M. Poblet. – URL:

https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3334674 (дата обращения: 04.07.2023). – Текст : электронный.

230. Coccoli J. The Challenges of New Technologies in the Implementation of Human Rights: An Analysis of Some Critical Issues in the Digital Era // *Peace Human Rights Governance*. – 2017. – Vol. 1, iss. 2. – P. 223–250.
231. De Filippi P. Blockchain and the Law: The Rule of Code / P. De Filippi, A. Wright. – Cambridge, 2018. – 28 p.
232. Financial Law As A Public Law Branch: A Fresh Look At The Signs of Publicity // *Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues*. – 2019. – T. 22, № 55. – 12 p.
233. Gao Y. Why Human Rights Are Important in the Digital Age: On Digital Human Rights as a Value System // *Modern Law Science*. – 2022. – T. 3. – P. 150-159.
231. Holden R. Can Blockchain Solve the Holdup Problem in Contracts [Электронный ресурс] / R. Holden, A. Malani // University of Chicago Coase-Sandor Institute for Law & Economics. Working Paper. – 2018. – N 846. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3278527 (дата обращения: 04.07.2023). – Текст : электронный.
234. Kalinina A. E. Polysubject Jurisdictional Blockchain: Electronic Registration of Facts to Reduce Economic Conflicts. Ubiquitous Computing and the Internet of Things: Prerequisites for the Development of ICT / A. E. Kalinina, A. O. Inshakova, A. I. Goncharov // *Studies in Computational Intelligence. Volume 826* / editor E. G. Popkova. – Cham : Springer Science + Business Media, 2019. – P. 1245–1254.
232. Lehot L. The Law of Tokenomics, Revisited [Электронный ресурс] / L. Lehot, P. Daugherty // *Foley & Lardner LLP*. – 2022. – 25 January. – URL: <https://www.foley.com/insights/publications/2022/01/law-tokenomics-revisited/> (дата обращения: 07.07.2024). – Текст : электронный.
235. Luo Y. On Digital Rights: Theoretical Interpretation and System Construction // *E-Government*. – 2023. – T. 5. – С. 50-67.

233. Mell P. Understanding Stablecoin Technology and Related Security Considerations [Электронный ресурс] : NIST Interagency/Internal Report (NISTIR) 8408 / P. Mell, D. Yaga ; National Institute of Standards and Technology. – Gaithersburg, MD, 2023. – URL: <https://doi.org/10.6028/NIST.IR.8408> (дата обращения: 25.05.2024). – Текст : электронный.
234. Qin M. The Arbitrage Strategy for Cryptocurrency: Principle and Feasibility Based on Blockchain Technology [Электронный ресурс] / M. Qin // Conference Paper. – 2023 Jan. – 24 p. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4328882 (дата обращения: 04.07.2023). – Текст : электронный.
235. Sadykhov R. Decentralized token economy theory (DeTEcT): token pricing, stability and governance for token economies [Электронный ресурс] / R. Sadykhov, G. Goodell, D. De Montigny, M. Schoernig, P. Treleaven // Frontiers in Blockchain. – 2023. – Vol. 6. – Article 1298330. – URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fbloc.2023.1298330/full> (дата обращения: 07.07.2024). – Текст : электронный.

Диссертации и авторефераты

236. Алферов, И. А. Нотариальная форма защиты и охраны права и законного интереса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Алферов Иван Александрович. – М., 2007. – 200 с.
237. Аносов, А. В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.13 / Аносов Александр Владимирович. – М., 2016. – 179 с.
238. Базилевич, А. И. Формы защиты субъективных гражданских прав : дис ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Базилевич Андрей Иванович. – Ульяновск, 2001. – 205 с.

239. Белова, Л. В. Правовые средства и формы защиты экономических интересов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Белова Лилия Васильевна. – Самара, 2006. – 217 с.
240. Болгова, В. В. Формы защиты субъективного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Болгова Виктория Владимировна. – Уфа, 2000. – 240 с.
241. Буш, И. А. Защита прав участников арендных отношений по российскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Буш Ирина Андреевна. – Саратов, 2011. – 205 с.
242. Вершинин, А. П. Способы защиты гражданских прав в суде : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Вершинин Александр Павлович. – СПб., 1998. – 478 с.
243. Витрянский, В. В. Проблемы арбитражно-судебной защиты гражданских прав участников имущественного оборота : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Витрянский Василий Владимирович. – М., 1996. – 57 с.
244. Zubovskiy, G. B. Гражданско-правовая защита прав предпринимателей в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Zubovskiy Georgiy Borisovich. – М., 2002. – 163 с.
245. Карцхия, А. А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Карцхия Александр Амиранович. – М., 2019. – 394 с.
246. Князева, Н. А. Правовые средства и формы защиты трудовых прав работников : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05 / Князева Наталья Александровна. – М., 2015. – 215 с.
247. Кузеванов, А. И. Соотношение гражданско-правовых средств и способов защиты авторских и смежных прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Кузеванов Антон Игоревич. – М., 2018. – 185 с.
248. Латыпов, Д. Н. Система способов защиты гражданских прав в Российской Федерации : дис. ... д-ра юр. наук : 00.00.00 / Латыпов Денис Наилевич – Ульяновск, 2022. – 482 с.

249. Лушина, И. А. Бесспорный порядок взыскания денежных средств как форма защиты гражданских прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Лушина Ирина Андреевна – М., 2006. – 183 с.
250. Мефодьева, К. А. Цифровые данные как объект гражданско-правового регулирования в Германии, США и России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Мефодьева Кристина Александровна. – М., 2019. – 228 с.
251. Мильков, А. В. Правовое регулирование защиты гражданских прав и правовых интересов : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Мильков Александр Васильевич. – М., 2015. – 442 с.
252. Михайлова, Е. В. Процессуальные формы защиты субъективных гражданских прав, свобод и законных интересов в Российской Федерации (судебные и несудебные) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / Мильков Александр Васильевич – М., 2013. – 400 с.
253. Пырх, А. И. Самозащита прав предпринимателя: сравнительно-правовой анализ законодательств России и Германии : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Пырх Андрей Иванович. – СПб., 2013. – 205 с.
254. Смирнов, А. П. Юридические средства защиты субъективных прав : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Смирнов Александр Павлович. – Омск, 2016. – 192 с.
255. Стоякин, Г. Я. Меры защиты в советском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Стоякин Геннадий Яковлевич. – Свердловск, 1973. – 199 с.
256. Тычинин, С. В. Гражданско-правовые способы защиты прав граждан и организаций при чрезвычайных ситуациях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Тычинин Сергей Владимирович. – СПб., 1996. – 191 с.
257. Шахбазян, А. А. Защита гражданских прав в нотариальном производстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Шахбазян Анна Арташесовна. – М., 2011. – 226 с.
258. Шубина, Т. Б. Теоретические проблемы защиты права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Шубина Татьяна Борисовна. – Саратов, 1998. – 228 с.

259. Юрченко, Н. А. Защита гражданских прав участников хозяйственных обществ : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Юрченко Надежда Александровна. – Екатеринбург, 2004. – 176 с.